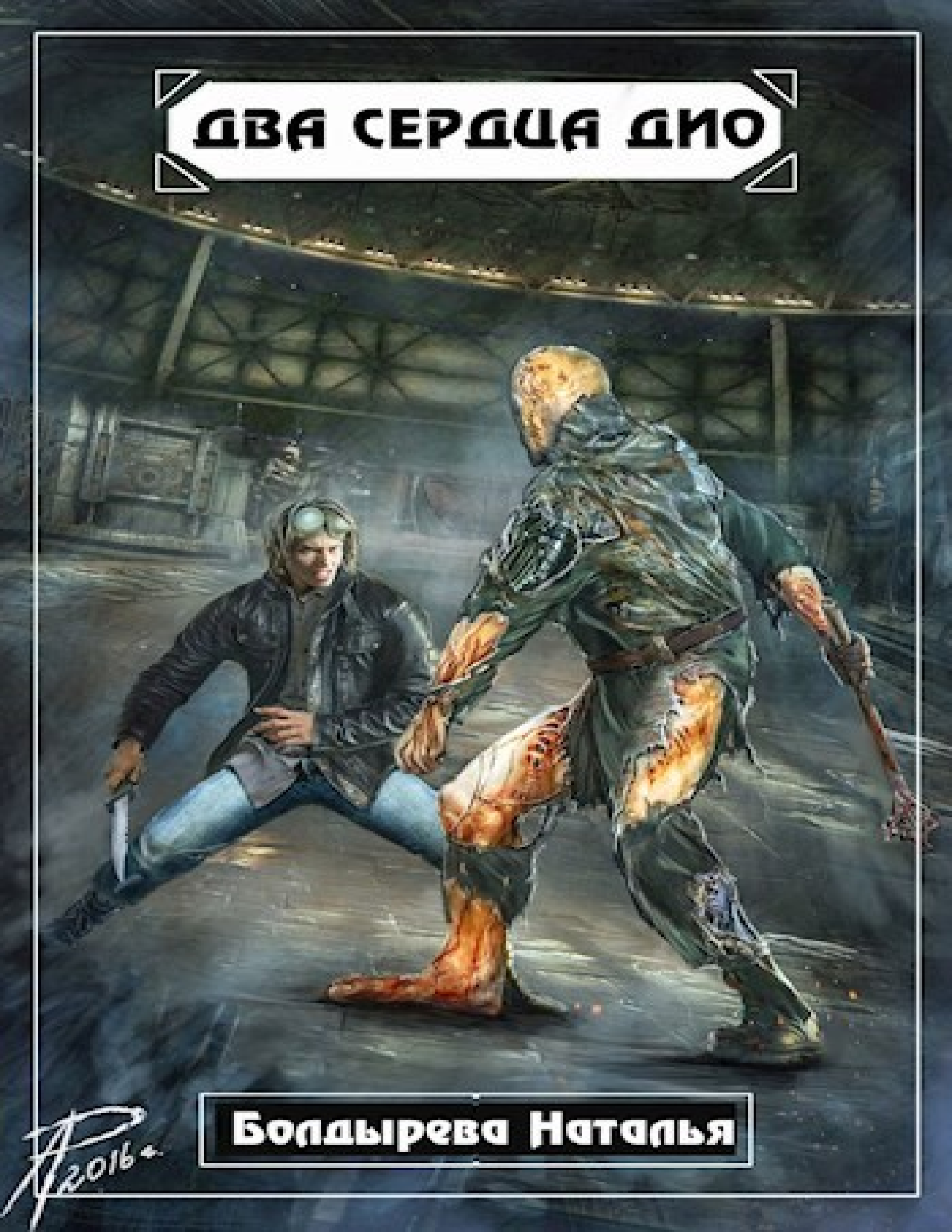

ДВА СЕРДЦА ДИО
Болдырева Наталья

Annotation

Издательская: Его зовут Дио. Он не помнит своего прошлого и не думает о будущем. В постоянно меняющемся мире мертвого Города он живет сегодняшним днем, понимая, что дня завтрашнего у него может и не быть. Он называет себя Губителем. Хладнокровный убийца, стервятник, разоряющий крысиные гнезда, охотник на бессмертных тварей Мастера Лека, Дио владеет оружием, способным пошатнуть Равновесие, но даже сам не догадывается об этом, пока в его жизни не меняется все.

Он становится игрушкой в чужих руках, и неведомые кукловоды по одной обрезают нити, поддерживавшие его, не дававшие ему погибнуть в жестоком мире Города. Только лишившись последнего, Дио осознает, что ему было дано на самом деле, и как невосполнима потеря.

Авторская: Роман о страхе, одиночестве и обретении человеческого в себе.

Обложка: Александр Руденко Внутренние иллюстрации: Инна Сирота и Максим Болдырев

- Жженый Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глаз Схарма Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15

- Глава 16
- Глава 17
- Шура Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Эпилог

Два сердца Дио

Жженый Глава 1

Моему брату Максиму

В час между собакой и волком, когда улицы еще светлы, а стены домов уже отбрасывают глубокую тень, по широкому проспекту Города шли двое. Шаг их был скор, ноги, казалось, не замечали ни пустых провалов открытых канализационных люков, ни глубоких трещин во вспоротом корнями деревьев асфальте. Взгляды скользили по темным проемам окон.

— Клянусь днем возвращения Губителя, — тихо пробормотал тот, чье лицо, еще совсем юное, было обезображено следами ожогов, — иногда мне кажется, они нарочно устраивают свои игры так поздно в ночь.

— Заткнись, — ответил второй так же тихо, — заткнись и поторапливайся.

Второй казался старше. Возможно, причиной тому был жесткий, внимательный прищур светло-серых глаз. Но и второму нельзя было дать больше двадцати лет.

Они еще прибавили шагу, опасаясь, впрочем, сорваться на бег. Но когда путь им перегородил брошенный посреди улицы грузовик, оба невольно остановились. Машина стояла чуть наискось. Приплюснутая морда грузовика смотрела прямо, но длинный прицеп развернулся во всю ширину дороги. Громко хлопало на ветру незакрепленное полотнище тента. Если бы не голые ободья разутых колес, можно было б подумать, что машина, резко затормозив, долго шла юзом.

— Вчера его здесь не было, — прошептал первый, поглядывая на грузовик с опаской.

— Это еще ничего не значит, — ответил второй, напряженно всматриваясь в непроглядную темень меж высоким бортом машины и развевающимся брезентовым краем. — Он мог появиться здесь только что...

— Тогда валим отсюда. Уроды придут забрать тент... — Вопреки сказанному он не шелохнулся.

— Солнце садится, — второй вынул нож из ножен на поясе. Лезвие было зачернено сажей, — никто не сунется сюда до рассвета. Лековы твари, сам знаешь...

— Дио! — почти крикнул первый, когда его спутник шагнул к грузовику. — Дио! Стой! — Схватив за плечо, он зашептал скоро и жарко, склоняясь к самому уху. — Совсем спятил? Идем! Последним Днем умоляю, уходим отсюда!

— Сдрейфил? — Дио сбросил ладонь с плеча. Потная, та соскользнула легко. — Тут брезента квадратов сорок, не меньше. Нового, целого брезента...

Дио снова пошел вперед, осторожным кошачьим шагом ступая по серому полотну асфальта. Сгущавшиеся сумерки скрадывали детали машины. Лишь подойдя совсем близко, Дио увидел матово блестящие лужицы масла и ошметки резины там, где Уроды срезали с грузовика шины. Кабина была пуста. Вынуты сиденья, лобовое стекло, дверцы, зеркала, фары. Остался один лишь остов. Уроды сняли с машины все, вплоть до эмблемы с решетки радиатора. На её месте красовалось темное, едва различимое в сумерках пятно. Но что-то спугнуло их... Рядом, всего в нескольких шагах, трепетало тяжелое брезентовое полотнище. Конец крепежного шнура вяло извивался по асфальту. Дио

постоял еще чуть-чуть, прикрыв глаза и напряженно вслушиваясь в то особое, леденящее чувство опасности, что не раз выручало его прежде. Со стороны могло показаться, будто он всматривается в темное нутро прицепа, силясь разглядеть там что-то. Но на самом деле он всматривался в себя. Медленно тянулось время. Шуршал брезент, веревка стукала о борт грузовика, где-то далеко позади переминался с ноги на ногу Жжёный, ветер гнал вдоль по улице пыль и мелкий мусор, а из подвала ближайшего дома доносился крысиный писк... Выдохнув, Дио открыл глаза. Спрятав нож в ножны, он дал знак Жжёному и принялся спешно высвобождать брезент из креплений. Проходя сквозь металлические кольца, шнур издавал пронзительный свист и больно бил по пальцам, когда Дио пытался придерживать его. Работая в четыре руки, они быстро сняли тент.

— Спрячем в подвале, — говорил Дио, скатывая, прижимая коленями к земле толстую, неподатливую ткань тента.

Жжёный бросил быстрый взгляд на обочину. Там, сливаясь в сплошную темную стену, высились длинные, пустые многоэтажки. Поблескивало битое стекло окон. Руки, затягивавшие петлю шнура на плотном бочкообразном свертке, замерли на минуту.

— Жжёный! — прошипел сквозь зубы Дио, чувствуя, как расходится под ладонями скользкая ткань.

Тот вздрогнул. Коротко кивнул и, намотав шнур на кулак, потянул на себя, перебросил в петлю, затягивая узел. Дио выдохнул, почувствовав, как уходит напряжение с плеч.

— Понесли? — Жжёный присел напротив, приподняв свободный конец свертка.

— Давай, — ответил Дио. Подхватил брезент со своей стороны и сделал шаг туда, где всего несколько минут назад слышался крысиный писк.

Мелко семеня, пригибаясь, скорее из опасения быть увиденными, чем из-за тяжести свертка, они быстро пересекли широкий проспект, нырнув в отбрасываемую деревьями тень. Упруго ударила по коленям разросшаяся сорная трава, прошелестел полиэтиленовый пакет, запутавшийся в высоких стеблях. Асфальт перед домом был усыпан битым стеклом. Они постояли немного, прежде чем ступить в это мелкое крошево. Под подошвами неприятно заскрипело. Жжёный выругался сквозь зубы: грязно и зло. Дио молча потащил брезент к

угольно-черному провалу подъезда, и, увлекаемый тяжелым кулем, Жжёный невольно двинулся следом. Они вошли внутрь. Сорванная с петель, дверь в подвал валялась тут же. Дио прошелся по ней. От далеко разнесшегося в пустом и гулком помещении звука по плечам пробежала невольная судорога. Меж лопаток скользнуло долгожданное ощущение опасности. Навстречу ему поднялась, давя на грудь, не давая вздохнуть глубже, волна возбуждения. Вскинув взгляд, Дио посмотрел на Жжёного. Слабый, рассеянный свет ночи, падавший в приоткрытую дверь подъезда, освещал того со спины, вырезая во мраке еще более темный силуэт. Но даже в этом аспидно-черном сгустке Дио ясно различил страх. Плотный, тугой комок, сжавшийся где-то под сердцем, тот источал резкий сладковатый запах, чем-то похожий на запах гниения. Запах жертвы — приманка охотника.

— Сюда, — шепнул Дио одними губами, начиная спуск в подвал.

Он ступал осторожно: ноги скользили по мусору. Внезапно потяжелевший брезент тянул вниз до нестерпимой боли в суставах. Хотелось передохнуть, хоть на минуту освободиться от ноши. Лишь ощущение опасности, нарастающее с каждой секундой, позволяло переносить боль. Последние шаги дались ему с трудом. Жжёный шел, почти не придерживая свертка, весь сконцентрированный на поглотившем его страхе. Лишь выйдя спиной вперед из узкого и тесного лестничного пролета в сырое и просторное подвальное помещение, Дио почувствовал некоторое облегчение. Не сговариваясь, они опустили брезент прямо у входа. Дио оглянулся, но ничего не увидел. В подвале царила абсолютная тьма.

— Я зажгу огонь, — прохрипел Жжёный, и Дио почувствовал, как пересохли его собственные губы.

— Нет, — ответил Дио, — здесь картон, сейчас накинем и сразу уйдем.

Он сделал пару шагов назад, не полагаясь больше на зрение, веря лишь тому всепоглощающему, сложному чувству, что охватывало его всякий раз в минуты смертельной опасности. Вынув нож из ножен на поясе, он присел, коснувшись пальцами грязного пола. Прикрыл веки, вслушиваясь точно так, как он делал это там, у разобранного трака.

— Дио? — позвал Жженый. — Дио? — прошептал он тише, когда ему никто не ответил. А тот замер, всем своим телом ощущая, как, бесшумно ступая, крадется мимо него, привлеченная сладковатым

запахом страха, смерть. — Дио? — повторил Жженый, увидев перед собой её тень.

— Я здесь, — ответил Дио, ныряя вперед. Лезвие ножа рассекло сухожилия на ногах твари.

Та рухнула без единого звука, но даже падая, она провернулась вокруг своей оси, пытаясь достать Дио. Он отскочил, почуяв встречное движение воздуха. Замер, до рези в глазах всматриваясь в непроглядную тьму перед собой.

— Дио? — Голос Жженого сел до сиплого шепота.

— Огонь, — ответил Дио, — зажги огонь.

Послышался шорох, Жженый шарил по карманам в поисках зажигалки. Наконец раздался характерный звук прокручиваемого колесика, засверкали искры, и разгорелся слабенький огонек. Голубоватое пламя едва подсветило обезображенные шрамами ладони. Огонек задергался и потух — у Жженого дрожали руки. Дио терпеливо ждал, и когда зажигалка снова щелкнула, выпуская длинный, извивающийся язык пламени, стало видно смутные очертания фигуры, неподвижно замершей между ними.

Тварь лежала скрючившись. Остро выпирали лопатки худой, костлявой спины, четко вырисовывались шейные позвонки — тварь пыталась спрятать голову в колени, но одна нога, неестественно вывернутая, полностью потеряла подвижность. По второй пробегала крупная дрожь. Разношенный ботинок возил по полу, подгребая цементную пыль и мелкий мусор. Широкий кожаный ремень поддерживал то, что осталось от брюк. Дио присел, всматриваясь. Жженый тоже опустился на колено, поднеся огонь ближе.

— Аккуратнее, — сказал Дио, зная, что даже временно обездвиженная тварь может быть смертельно опасна. Но раненый лекан не пытался напасть. Не издавая и звука, он обеими руками пытался подтянуть ноги к груди.

— Дикий, — прошептал Жженый, кивая на лохмотья.

— Да, — ответил Дио, раздумывая, как бы ему обездвижить тварь окончательно.

— Отдашь его мясникам? — спросил Жженый. Его голос звучал возбужденно.

— Да, — повторил Дио, бросив на приятеля заинтересованный взгляд. — Тебе-то что?

Прежде чем задать следующий вопрос, Жженый провел языком по губам.

— Сколько они дают за такую тварюшку?

— Много. — Дио усмехнулся, сообразив, куда тот клонит.

— Дио, слушай, Дио, я давно хотел... Проклятье! — Увлекшись, Жженый не заметил, как раскалилась зажигалка в его руках. Моргнув, огонек погас, вновь погрузив подвал в абсолютную тьму. Именно в этот момент лекан распрямился, всю силу вложив в этот недопрыжок. Сдавленно захрипел Жженый. Не полагаясь на зрение — в глазах плясали цветные пятна — Дио метнулся туда, где должны были быть подергивающиеся ноги твари. Руки тронули холодный цемент пола, он потянулся дальше, хватая чуть теплую лодыжку — «Живой!» — машинально отметил Дио, что есть силы дергая тварь на себя. По ушам резанул пронзительный визг. Лекан выпустил свою жертву, забившись от невыносимой боли. От неожиданности Дио и сам разжал пальцы, отшатнувшись. Инстинктивное движение спасло ему жизнь. С невероятной силой отброшенный прочь, Дио упал, ударившись головой, прокатившись по грязному полу.

— Заткни! Заткни его! — крикнул Дио, понимая, что не перекроет этот дикий, нечеловеческий визг, и сам метнулся обратно, где в кромешной тьме бился, агонизируя, еще более темный сгусток.

Ему хватило пары ударов по раненной ноге твари, чтобы та окончательно смолкла, наконец, отключившись.

— Жженый? — спросил Дио, вытирая натекавшую на глаза кровь.

Ему ответил сдавленный хрип.

— Жив, — удовлетворенно проговорил Дио, снимая с пояса кусок тонкого, прочного жгута, скручивая за спиной локти твари, нещадно выворачивая их из суставов. С трудом управляясь с обмякшим, ставшим невероятно тяжелым телом, Дио слушал, как возится, хрипя и кашляя надсадно, Жженый.

— Огонь, — бросил Дио, закончив, — ради Последнего дня, найди уже свою зажигалку.

Когда во тьме подвала вновь забился слабенький язычок пламени, Дио смог наконец рассмотреть тварь, недвижно лежавшую перед ним. То, что было когда-то молодым худощавым мужчиной, почти утратило человеческие черты. Бритый череп, просверленный в нескольких местах, пестрел металлическими заплатами. В глазницах слепо

ворочалось то, что можно было лишь с натяжкой назвать глазами. Лишенные век стеклянные шары обладали, тем не менее, способностью видеть. Они видели лучше, чем самый зоркий человеческий глаз. Тело, испещренное шрамами, подсказывало: там, под кожей и мышцами прячутся другие механизмы Мастера Лека. Желудок, способный переваривать любую пищу, легкие,снабжающие владельца кислородом даже там, где нечем дышать, сердце, бьющееся всегда ровно и размеренно, как раз заведенный механизм... Дрожь прошла по плечам Дио. Многие люди в Городе были готовы платить Мясникам, чтобы те вживили им подобные органы. А Мясники охотно платили Дио за каждого очередного «донора». Слишком слабые, чтобы стать настоящими мастерами Слова, способными создавать удивительные механизмы и сращивать их с живой и мертвою плотью, Мясники пользовались тем, что создавал в своих лабораториях Мастер Лек и его подмастерья.

Этот лекан — грязный, истощенный и ослабленный — бежал от своих хозяев. Вышедшая из подчинения тварь. Дио не мог поверить, что им удалось поймать одичавшего лекана. Редко кто оставался в живых после встречи с ними.

Жженый захрипел. Огонек в его руках снова потух — маленькая зажигалка слишком быстро перегревалась и начинала жечь пальцы. Когда-то у Дио тоже была такая. Потом она перестала работать, и Дио просто выбросил ее.

— Я отдам тебе треть выручки, если поможешь дотащить его до места, — сказал Дио, приподнимая лекана подмышки. Едва теплая поначалу тварь теперь показалась ему обжигающе горячей. — Хватай за ноги. — И почувствовав, что Жженый топчется на месте, не решаясь подойти к существу, едва не отправившему его на встречу с Губителем, Дио добавил, — может, Тесак посмотрит, что с твоим горлом...

Но даже вдвоем им с трудом удалось выволочь тварь из подвала. Впав в полузабытье, та трепыхалась слабо, пытаясь вырваться. Они оскальзывались на усеянных мусором ступенях, и приходилось часто останавливаться, опираясь о сырые, покрытые каплями конденсата, стены.

Когда они выбрались, наконец, наружу, тьма окончательно сгустилась над Городом, накрыв его, словно вороново крыло. И лишь в вышине ярко сверкали звезды. После тьмы подвала свет их был

нестерпим. Они шли от дома, пригибая головы, под подошвами громко хрустело битое стекло.

— Тяжелая тварь, — сказал Дио, когда они вынесли бесчувственное тело на широкую полосу шоссе. — Клади его здесь.

Жженый просто разжал ладони. Ноги твари стукнули по асфальту. Та застонала громче, но так и не очнулась. Колено той ноги, которую Дио повредил больше, неестественно сместилось и стремительно опухало. Вторая нога выглядела немногим лучше. Дио тихонько выругался. Этот лекан был слишком слаб, а может и болен, чтобы излечить себя собственной магией. Это сыграло им на руку там, в подвале. Дио не раз видел, как самые тяжелые раны на теле тварей затягивались почти моментально. Созданные как непобедимые бойцы, те обладали удивительной способностью к регенерации. Дио вспомнил, как лекан подтягивал колени к груди, словно пытаясь руками соединить разорванные ткани, вправить вывихнутые из сумок суставы.

— Плохо дело, Жженый, — сказал Дио, поудобнее перехватывая тварь. — Боюсь, за этот кусок мяса Тесак не заплатит много, а может и вовсе не даст ничего.

— Этот кусок мяса, — Жженый совладал, наконец, с собственными связками. Его голос скрипел как несмазанное тележное колесо, — едва не стоил мне жизни... Тесак заплатит.

— Другое дело, — ответил Дио, улыбнувшись, и они потащили тварь прочь от перегородившего проезжую часть грузовика.

Тесак — его звали так не потому, что тела своих жертв он разделывал огромным мясницким ножом. Нет, как и любой уважающий себя мастер Слова, он предпочитал ювелирную работу скальпелем. Его прозвали «Тесак» за привычку рубить правду в глаза.

Логово Мясников располагалось неподалеку, но до места они добрались далеко заполночь. Впавшая в забытье тварь, казалось, была тяжелее брезентового свертка. Температура ее тела поднялась еще выше, и прикосновения к сухой горячей коже вызывали невольную дрожь. Её колени распухли, посинев, черные круги очертили глазницы, запекшиеся губы разомкнулись, обнажив ряд идеально белых и ровных зубов, сделав лицо похожим на череп. Дио боялся, что до места они дотащат уже труп. Но когда Тесак отворил массивную стальную дверь, пропуская их в глухое подвальное помещение цокольного этажа заброшенной высотки, тварь еще подавала признаки жизни. Попав с

темноты на яркий свет, она снова забилась в агонии — сверхчувствительные «глаза» среагировали на раздражитель. Дио сдавленно выругался — резкое движение твари отдало острой болью в затекшие плечи.

Не задавая лишних вопросов, Тесак щелкнул выключателем, гася свет, и, включив налобный фонарь, провел их дальше — в освещенную красными лампами операционную. Тварь затихла, позволив зафиксировать себя на столе. Дио огляделся: красный свет бросал кровавые отсветы на белый кафель стен. Работающие вентиляторы гнали прохладный воздух по коробам воздуховодов. Волосы на руках поднялись дыбом, и Дио ретировался в предбанник, где весело плясал живой огонек спиртовки, и по выпуклым бокам колб метались причудливые тени. Жженый, никогда раньше не видевший логова Тесака изнутри, следовал за Дио по пятам. Сквозь распахнутую настежь дверь они смотрели, как Тесак колдует над тварью.

Осмотр не занял много времени: датчики, надетые на пальцы Тесака, словно наперстки, и соединенные тонкими проводками с механизмами на его запястьях, почти мгновенно, за одно прикосновение, снимали основные медицинские показания: температуру, частоту пульса и дыхания, и новые боги знают, что еще. Очки-консервы в широкой кожаной оправе, закрывавшие пол лица — тоже были механизмом, созданным мастером Слова. Инструмент, подобный стеклянным глазам лекана, но более грубый, не способный заменить собой живую плоть. Эти очки Тесак носил, почти не снимая, и мало кто мог бы сказать, какого цвета глаза скрываются за ними. Иногда Дио думал, что там уже вовсе нет никаких глаз... Когда осмотр был окончен, Тесак выбрал шприц из миски на передвижном медицинском столике рядом и вколол умирающей твари лошадиную дозу какого-то едко-желтого раствора.

— Твой товар плох, — сказал Тесак, выходя из операционной и вытирая руки отрезом сероватого после многочисленных стирок полотна. Бросил его на заставленный металлическими мисками и стеклянной тарой стол. Скрестил руки на груди, уставившись куда-то в стену. Очки-консервы, закрывавшие пол лица, не позволяли понять, о чем тот задумался.

Дио хмыкнул, ожидая, что еще ему скажет лучший мясник Города, какова будет окончательная цена за добытого с таким трудом лекана.

— Эта тварь... мое горло... — Слова и так все еще давались Жженому с трудом, а поднявшееся возмущение снова сделало его речь совсем неразборчивой.

— Заткнись, Жженый, — бросил Дио.

Привыкший беспрекословно подчиняться приказам, Жженый закашлялся на полуслове. Кашлял долго, надсадно, прижимая ладони к груди, пока Тесак не смешал ему какое-то пойло.

— Он очень плох, — продолжил Тесак, осматривая шею Жженого, на которой синими пятнами уже проступили следы пальцев лекана. — Может быть не переживет этой ночи.

Дио глубоко втянул ноздрями пахнущий лекарствами воздух. Стало ясно: он ничего не получит за эту, стоившую им кучу времени и нервов, тварь. Но Тесак пожевал губами и спросил вдруг:

— Скажи-ка, Дио, не попадались ли тебе такие твари раньше?

— Ты б знал, — ответил Дио, подобравшись невольно. Меж лопаток пробежал неприятный холодок. Лишь раз он продал свою добычу другому мяснику, и надеялся, что эта сделка не выйдет ему однажды боком. Но Тесак явно думал о чем-то другом.

— А, да, — он рассеянно похлопал себя по карманам, — слушай, Дио, я дам тебе за этого двойную цену и еще столько же, если найдешь второго такого.

Жженый, шумно сглатывавший питье и морщившийся при каждом глотке как от зубной боли, замер.

— Зачем? — не смог удержаться от вопроса Дио. И тут же пожалел, что не прикусил язык вовремя. Но Тесаку явно хотелось поболтать с кем-нибудь, и деньги его сегодня совершенно очевидно не интересовали.

— Понимаешь, Дио, — ответил Тесак, вынимая из заднего кармана до дыр протертых джинсов металлический портсигар и щедро протягивая открытую жестянку собеседнику, — эта тварь, она другая, не похожая на те, что Лек создавал раньше... Ты говоришь, она оттолкнула тебя с нечеловеческой силой?

— Да, — ответил Дио, беря одну из двух оставшихся в портсигаре сигарет. — Не ожидал от неё такой прыти... Лоб разбил в кровь.

Тесак вскинул заинтересованный взгляд, и Дио ладонью приподнял падавшие на глаза русые волосы, позволив тому рассмотреть затянутую свежей корочкой ссадину.

— Жить будешь. — Вынув вторую сигарету, Тесак постучал ею о крышку портсигара. Дио увидел затертую, но еще различимую картинку: два стройных дерева с разлапистыми листьями на макушке и красный полукруг заходящего солнца за ними. — Но то, что она сотворила с шеей твоего приятеля... Понимаешь, Дио, — промычал Тесак невнятно, раскуривая сигарету от стоявшей на столе спиртовки, — я учился у Лека, я знаю, как он работает. Я знаю, на что способны его твари. Они неуязвимы, да, но не превосходят по силе обычного человека. — С видимым наслаждением Тесак сделал первую затяжку, а Дио заправил свою сигарету за ухо. — Идеальные бойцы: бесстрашные, исполнительные и преданные...

— Тупые, безмозглые твари, — резюмировал Дио, заполнив повисшую паузу, подтолкнув Мясника к дальнейшим разглагольствованиям.

— Да, — спокойно согласился Тесак. — Ничто так не подстегивает мышление, как страх за свою жизнь.

На этот раз Дио благоразумно промолчал. Не хотелось лишний раз обижать Жженого. День у того и так не задался.

— Негибкие, не учитывающие меняющихся обстоятельств, они вечно прут напролом и попадают в ловушку собственной предсказуемости. Скажи-ка, Дио, как быстро ты научился ловить этих тварей?

Усмехнувшись, Дио сунул руки глубоко в карманы.

— Я оставлю при себе свои профессиональные тайны, — ответил он, не желая признаваться, что первая пойманная им тварь едва не отправила его на тот свет, и лишь необъяснимая случайность, то, о чем Дио не рассказывал никогда и никому, спасла ему жизнь, превратив из жертвы в охотника.

Кивнув понимающе, Тесак стряхнул пепел в стеклянное блюдце, которое он почему-то всегда называл чашкой Петри.

— Бесспорно, Лек сумасшедший. Но он гениален, и с этим тоже нельзя поспорить. Сначала начали появляться дикие, вышедшие из повиновения твари, теперь ты поймал лекана, не обладающего и сотой долей той способности к регенерации, какой обладают его собратья, зато наделенного нечеловеческой силой... Лек экспериментирует, и я хочу знать, что он задумал.

Стало ясно, почему Тесак оценил эту тварь так дорого. Отвергнутый ученик лучшего из мастеров Слова, признанный негодным к дальнейшему обучению, неспособный собрать простейшего меха, обреченный вечно пользоваться тем материалом, который удавалось увести из-под носа бывшего учителя, Тесак был по-своему амбициозен. Потерпев неудачу в одном, он не отчаялся, но начал искать обходных путей. Он изучал живую плоть — по книгам, за которые всегда готов был платить, и по живым образцам, за которые платил еще больше. В Городе не было врача лучше. Ему первому удалось, не владея мастерством Слова, пересадить созданные Леком искусственные органы от одного носителя другому. Именно он стоял у истоков стремительно развившегося бизнеса, одну из цепочек которого вот уже несколько лет обслуживал Дио.

Тесак оставил их у себя на ночь. Добираться домой по улицам ночного города было слишком опасно. Привыкший моментально засыпать в любых условиях и при любых обстоятельствах, Дио до утра не мог сомкнуть глаз. Он слушал сдавленные стоны умирающей твари, тихое бормотание Тесака, запершегося в операционной, и хрип, вырывающийся из поврежденного горла Жженого. Его приятель спал. Слишком простой, чтобы задумываться о том, как стремительно меняется мир вокруг, он радовался нежданно привалившему богатству и младенчески улыбался во сне.

Глава 2

Город жил своей жизнью. Мертворожденное дитя странного мира. Смотрел вокруг пустыми глазницами выбитых окон, щерился щербатыми провалами сорванных с петель дверей. Рушились, рассыпаясь под натиском пробивающейся сквозь асфальт травы, дома, но на их месте скоро появлялись новые — такие же пустые, заброшенные, находящиеся на грани разрушения. Никогда нельзя было ручаться, куда выведет тебя хорошо знакомая улица, а покинув место ночлега, можно было не найти его на следующий день. Новые районы появлялись из ниоткуда всего за одну ночь, старые точно так же исчезали в никуда прежде, чем солнце успевало разогреть асфальт под ногами. Дио сам не раз видел, как начинали дрожать, словно в густом, раскаленном мареве летнего зноя целые городские кварталы, и всего за пару часов на месте домов повисала непроглядная тьма. Через день-два, когда морок рассеивался, часть города преображалась до неузнаваемости. Но чаще все происходило гораздо быстрей — практически моментально. Вздымалось огромное облако пыли, глухой, протяжный стон просевшей земли разносился на многие километры вокруг, и новый квартал занимал место старого, в прах растаптывая и его, и всех, кому не повезло очутиться в точке смещения.

В эти зоны, нестабильные и оттого смертельно опасные, первыми приходили Мародеры. Их легко можно было отличить по респираторам и защитным очкам в пол лица. И без того невысокого роста, они стремительно передвигались с места на место низко пригнувшись, почти касаясь земли длинными жилистыми руками — будто высматривая что-то у себя под ногами. Словно крысы, они создавали гнезда и волокли туда все, что только удавалось найти в развалинах: пищу, одежду, инструменты, оружие, книги... Выждав немного, банды разграбляли эти склады, изгоняя Мародеров дальше — в новые кварталы, на поиски новой добычи. И этот вечный хаос, в котором ничто не оставалось неизменным, составлял основу Города, был его миропорядком.

Но одной весной несколько лет назад все вдруг пошло иначе.

Когда стаял долго лежавший на улицах снег, а ручьи вымыли грязь с тротуаров, на короткое время очистив Город от мусора, разнеслись слухи о новых людях, появившихся на восточных его окраинах. Чужаки и раньше вторгались в Город из леса, но никогда еще число их не было столь велико. Пришлые называли себя слугами Схарма и поклонялись ему как богу, устраивая игрища в его честь. Именно эти жестокие и кровавые бои, вход на которые был открыт каждому, и позволили им закрепиться в Городе. Они нашли свою нишу, и заняли ее, не претендуя ни на добычу Мародеров, ни на территории банд. Они стали посредниками между теми и другими, введя в обращение деньги, и начав покупать товары одних и услуги других. Однако жизнь в Городе не стала спокойней. Схарматы привезли с собой мастера Лека, величайшего из мастеров Слова, а вместе с ним город наполнили и его твари. И если мехи, живые механизмы, созданные обычными мастерами Слова, были привычной, хотя и дорогой игрушкой, то твари Лека — измененные его искусством живые и даже мертвые существа — вселяли страх. Практически неуязвимые, они не задумываясь убивали, повинуясь приказам своих хозяев. Схарматы часто выпускали тех на арену, и редко кому удавалось устоять против созданных Леком тварей. Бесстрашные, обладающие чудовищной способностью к регенерации, они дрались, покуда позволяло тело, и если хотя бы один палец твари оставался цел, она использовала его как оружие.

Дио хорошо помнил день, когда впервые увидел тварь. Он точно так же пришел на игры вместе со Жженым. Они хотели взглянуть на людей, слухами о которых вот уже много месяцев полнился город. Подогревая толпу, готовя ее к главному действу, схватку на арене открыли приговоренные к смерти преступники — Схарматы охотно освободили обитателей Города от тяжкой необходимости казнить своих.

Вид людей, убивающих друг друга на арене, наполнял сердце странными чувствами. Действо, так хорошо знакомое по многочисленным уличным схваткам, действо, участником которого не раз выступал и он сам, став представлением, обрело некий иной, сакральный смысл. Первый увиденный бой вымотал Дио так, будто он сам танцевал на песке, уходя от ударов противника, катался по земле, пытаясь укрыться от настигающей его стали, полз, истекая кровью,

прочь от убийцы... Но то, что случилось после, не шло с этим ни в какое сравнение. На выживших натравили тварей Лека. Люди, только что с отчаянием дравшиеся за свою жизнь, впадали в оцепенение при виде механизированных мертвецов. Те двигались с нечеловеческой рациональностью живых машин, одержимых убийством. Их практически невозможно было остановить. Лишь приказ, отданный мастером Слова, спас от смерти ту горстку бойцов, что, отчаявшись сохранить свою жизнь, решила по крайней мере продать ее подороже.

Последними на арену вышли мертвые волки. Воплощение животной ярости, они были полностью лишены холодной рациональности, которая отличала механизированные трупы людей. Они, казалось, убивали не по приказу, но из желания утолить жажду крови. Живым с арены не ушел никто. Тогда Дио впервые подумал, что эти люди, пришедшие в Город как гости, станут однажды его хозяевами.

Он не ошибся. Жизнь в Городе с приходом Схарматов изменилась и продолжала меняться день ото дня.

Дио не сомневался: однажды эти изменения коснутся и его. И хотя он предпочел бы, чтобы это произошло скорее позже, чем раньше, жизнь научила его готовиться к худшему.

К утру лекан действительно умер. Тесак, изможденный долгою ночью, проведенной сначала в попытках спасти лекана, а затем — за его вскрытием, молча проводил их до двери. Отодвинул тяжелые засовы и выпустил в сырое, промозглое утро. Солнце еще не взошло достаточно, чтобы развеять серый сумрак на улицах. Но в это время суток Город уже был относительно безопасен. Сунув мерзнущие руки глубоко в карманы тонкой кожаной куртки, Дио зевнул: мучительно хотелось спать.

— Заберем брезент? — спросил он Жжёного.

Судорога прошла у того по плечам, но он кивнул. В кармане у них позвякивали монеты, вырученные за добытого лекана, и не стоило пренебрегать нежданной удачей, пока та сама не повернулась к ним спиной.

До подвала они бежали рысцой — нужно было успеть управиться, пока на улицы не вышли Уроды, контролировавшие этот сектор города. Но все же Дио немного задержался, чтобы осмотреть подвал. Как он и предполагал, пойманная ими тварь восстанавливала там свои силы: в

дальнем углу нашлись полуобглоданные трупики крыс. Жжёный с видимым отвращением смотрел на грязные, окровавленные шкурки.

— Тварь, — прошептал он еле слышно.

— Да, — ответил Дио, понимая, что именно представляет себе сейчас Жжёный.

После они работали споро и быстро: соорудили переноску из позаимствованных у Тесака ремней, и почти бегом поволокли тяжелый брезентовый сверток прочь из опасных кварталов туда, где улицы Города контролировала их банда, банда Губителей.

На сегодня это была западная его оконечность, крупная территория, примыкающая к огромному, вытянутому с юга-востока на северо-запад озеру. Многоэтажные здания сменялись там длинными приземистыми ангарами, пустыми складами и заброшенными заводскими цехами. И хотя в этих узких железных пеналах трудно было найти хоть какое-то пропитание, слуги Схарма платили неплохие деньги за поиск работающих механизмов, и банда не спешила покидать этот участок.

Здесь же пролегала чудом сохранившаяся ветка железной дороги. Проложенная достаточно близко к берегу озера, она избежала многочисленных смещений реальности, постоянно изменяющих лик города, и позволяла контролировать большой участок территории, быстро перебрасывая людей с одного конца ветки на другой.

Дио рассчитывал, что их подвезет одна из дрезин, что постоянно курсировали между базами Губителей, но его ожидания не оправдались. Первая сторожевая база была пуста. Они вышли к железнодорожному полотну, когда солнце уже жарило вовсю. Бросили тяжелый сверток прямо на растрескавшийся асфальт. Жженый скинул куртку, повязал ее вокруг пояса и отер лоб рукавом рубашки. Пот заливал глаза. Дио почувствовал, что и его рубашка неприятно липнет к телу, но еще неприятнее была эта неожиданная пустота вокруг. Они снова взялись за ремни переноски, двигаясь на этот раз медленнее и осторожней, стремясь не выходить из-под сени деревьев, густо разросшихся у юго-восточной оконечности озера. Но уже через пару сотен метров их остановили.

— Стоять, — послышался незнакомый голос.

Они послушно замерли на полушаге, зная, что те, с кем нельзя договориться, убивают сразу, без предупреждения.

— Это Жжёный, — ответили откуда-то сбоку. — Человек из банды Скала.

Дио молча порадовался. В этот раз приметная внешность Жженого сыграла им на руку, избавив от лишних вопросов. Говоривший вышел из полуразрушенного кирпичного здания. Странный круглый дом с проржавевшей жестяной крышей не был жилым. Большую часть его занимали толстые, уходящие под землю трубы да пустые коробы разобранных на запчасти механизмов. Лишенный окон, дом не годился для наблюдения. Губители никогда не использовали его как сторожевой пост. Но говоривший не был часовым. Это был схармат высокого ранга. Облаченный в просторный балахон, он носил на груди массивный амулет на толстой золотой цепочке — восемь перекрещенных стрел.

— Ваша банда ушла отсюда вчера, — произнес он, подойдя ближе и рассматривая их без страха, но с явным любопытством. — Мы заключили со Скалом договор. Теперь этот район принадлежит нам.

— Куда ушли наши? — спросил Дио, не удивляясь неожиданному решению Скала. Деньги, которые схарматы платили за исследование руин, было единственным, что удерживало их здесь.

— В депо, — ответил схармат. И добавил, увидев, как переглянулись Дио и Жженый, — это против правил, но я довезу вас до места. Давно хотел поговорить с кем-нибудь из людей Скала. — Он улыбнулся, но глаза его остались холодны.

Дио сдержанно кивнул, понимая: Скал не одобрит его поступок, и осознавая при этом, что отказаться от столь любезного приглашения невозможно. Это приглашение было приказом.

Схармат взмахнул рукой, и просторный рукав его одеяния описал широкую дугу.

— Идемте, — сказал он, без опаски поворачиваясь к ним спиной. Дио и Жжёный вновь переглянулись и подхватили свой сверток.

Чем дальше шли они к длинным, километровым ангарам, рядами протянувшимся по над берегом озера, тем больше людей попадалось им навстречу. Вечно пустые корпуса теперь кишели народом. И далеко не все из них были слугами Схарма. Многие выглядели так, будто прибыли сюда очень издалека: широкие домотканые штаны, грубая обувь и куртки плохо выделанной свиной кожи. От самих ангаров доносились глухие звуки, словно кто-то внутри забивал металлические

сваи в упругую, неподатливую землю. Дальше короткими толстыми тумбами упирались в небо три широких заводских трубы. Над одной из них вился белесый дымок.

Схармат шел быстро, не позволяя своим провожатым задержаться хоть на минуту, чтобы пристальней рассмотреть творящееся вокруг, но Дио увидел достаточно, чтобы понять: слуги Схарма нашли способ вернуть к жизни мертвое предприятие. Оно не прослужит им долго: механизмы, появлявшиеся в Городе вместе с развалинами, не принадлежали этому миру. Они стремительно выходили из строя, давали сбои и были порою даже опасны. Чем ближе к точкам сдвига находилась вещь, тем менее надежной она была. Дио любил пугать Жженого, обещая тому, что однажды его зажигалка взорвется прямо у него в руках. Лицо Жженого, обезображенное шрамами от ожогов, бледнело, становясь еще более отталкивающим. Огня Жженый боялся больше всего на свете...

Дио так задумался, что не заметил, как замер внезапно Жженый, и лишь тяжелая ноша, вдруг отдернувшая его назад, заставила Дио поднять взгляд от земли. Всего в нескольких шагах от них, у ручной дрезины, охраняя ее, стояли два лекана. Дио обернулся к приятелю, и увидел, как остекленел его взгляд, а свободная рука трогает горло.

— Жженый, — позвал Дио тихо, боясь, как бы его не услышал схармат. — Спокойно, Жженый. Я здесь.

Эти слова, произнесенные мягко, успокаивающе, удивили его самого. Они никак не вязались с тем бесконечным презрением, что он испытывал к Жженому, к страхам, довлеющим над ним. Но сейчас он и сам боялся того, что слуга Схарма заметит их замешательство, догадается о ночной схватке с дикою тварью. Дио чуть потянул переноску, заставляя Жженого выйти из ступора, сделать, наконец, шаг к неподвижно замершим у дрезины тварям.

Выдохнув шумно, Жженый пошел, словно завороженный, не сводя взгляда с леканов. В отличие от твари, пойманной ночью, те были чудовищно похожи на людей. Высокие длинноволосые парни, непринужденно стоявшие по обе стороны от полотна железной дороги. Обеими руками придерживая висевшие на шее автоматы, они смотрели прямо на них. Этот стеклянный, лишенный всякого выражения взгляд был прекрасно знаком Дио. Искусственные глаза, созданные мастером Леком, обеспечивающие идеальную координацию

по каналу глаз-рука, способные прекрасно видеть даже в кромешной тьме, различающие мельчайшие детали на расстоянии километра... Подойдя ближе, Дио заметил пальцы, усиленные металлическими пластинами. Впрочем, подобные перчатки с гибкими сочленениями, защищавшими руку во время боя, делали себе и на продажу многие умельцы, но Дио знал — этот металл искусно сращен с плотью.

— Нравится? — спросил схармат, увидев, как внимательно рассматривает Дио леканов.

Тот сдержанно кивнул, не желая признаваться, что испытывает чисто профессиональный интерес и рассматривает тварей так, как охотник рассматривает потенциальную добычу. Подойдя вплотную, они закинули брезент на платформу дрезины.

— Прошу, — схармат сделал приглашающий жест, указывая на скамейку, расположенную в передней части механического устройства.

Слегка робея, но даже себе не позволяя признаться в испытываемом страхе, Дио запрыгнул на платформу, и Жженый полез следом, боясь остаться в одиночестве. Слуга Схарма расположился уже, откинувшись на обитую рогожкой спинку и опершись о подлокотник. Дио сел рядом, Жженый едва втиснулся на оставшееся свободным место. Закинув автоматы за спину, леканы заняли места у рычагов. Со страшным скрежетом дрезина стронулась с места. Завертелись, постукивая на стыках рельс, колеса. Высокая сорная трава падала под разгоняющуюся платформу, словно подкошенная. Дио захотелось обернуться назад, посмотреть на стремительно убегающие прочь рельсы, но он знал, что увидит там тварей Лека, и потому он тоже откинулся на спинку скамейки, подставив лицо набегающим порывам раскаленного ветра, и постарался расслабиться. Ветер веял полынной горечью и перегретым металлом. Дорога заложила крутую петлю, и по левую руку открылась широкая гладь озера. Дрезина набирала и набирала ход. Справа бесконечной лентой тянулись серые заводские корпуса.

— Не хочешь стать таким же? — спросил вдруг схармат, склонившись к самому уху.

Дио вздрогнул.

— Что? — Повернул голову, заглянув прямо в глаза слуги Схарма, пытаясь понять, не шутит ли он.

— Посмотри на них, — тот обернулся через плечо, бросив взгляд на леканов, — неутомимы, неуязвимы, бессмертны.

— Почти, — ответил Дио прежде чем догадался прикусить себе язык. Но схармат понял его по-своему. Рассмеялся.

— Конечно, мастер Слова может уничтожить свое творение, использовав Слово Разрушения. Но я ручаюсь тебе, еще ни разу ни один лекан не был убит своим мастером.

— Они не люди, — ответил Дио коротко и слегка невпопад.

— Как Уроды? — спросил схармат, глядя заинтересованно.

Дио задумался, прикидывая, стоит ли злить слугу Схарма, и наконец решился:

— Хуже.

Схармат снова захохотал. Дио понял, что его бесит это неуемное веселье.

— Но помилуй, да чем же? — продолжил схармат, отсмеявшись.

— Уроды меняют свое тело, не используя магии, — Дио вновь замолчал, надеясь, что его, наконец, оставят в покое.

Дрезина двигалась очень быстро. Они миновали очередной поворот, обогнув заводские корпуса и начав удаляться от озера. Показались еще три трубы гигантского предприятия. За ними можно было увидеть обрушенные пролеты мостов, соединявших некогда края глубокой балки, по дну которой была проложена железнодорожная ветка. До Депо оставалось всего ничего.

— Почему вы зовете себя Губителями, — с трудом перекрывая ветер и шум дрезины, прокричал схармат, меняя тему.

Дио снова не смог удержаться от удивленного взгляда, но потом напомнил себе, что схарматы — выходцы из каких-то чужих краев — могли и не знать легенд Города.

— Мы ждем предсказанного прихода Губителя. С ним придут последние дни мира.

— А перед его приходом мир наполнят орды смертоносных тварей? — спросил схармат и снова расхохотался, не дожидаясь ответа.

Дио почувствовал, что над ним издеваются, и предпочел промолчать.

Колеса стукнули, сбив на секунду размеренный ритм — дрезина прошла стрелку, колея нырнула в сложное переплетение железнодорожной развязки. Обзор закрыли многочисленные вагоны,

ржавевшие на путях рядом. Леканы, не дожидаясь приказа, сбавили ход. Снайпер Губителей, выставленный в охранение, мог подстрелить пассажиров, не разбираясь, кто именно мчится к ним на такой скорости и зачем. Посты они миновали, даже не заметив их. Когда невдалеке показалась небольшая группа людей, леканы оставили рычаг, позволив дрезине преодолеть последнюю сотню метров самостоятельно. Члены банды, рассевшиеся на железнодорожной платформе, с нескрываемым интересом смотрели на их приближение.

Схармат поднялся вдруг и ловко спрыгнул, зашагал в сторону, туда, где по периметру плацкартного вагона стояла в охранении личная стража Скала. Дио с наслаждением вдохнул густой запах перегретого железа, выветривший из головы все посторонние мысли. С уходом схармата схлынуло напряжение с плеч. Даже пара леканов за спиной не вызывала особого беспокойства. Здесь и сейчас эти твари были неопасны.

Дождавшись полной остановки дрезины, Дио и Жженый принялись сгружать брезент, доставшийся им с таким трудом. Пара человек подбежала помочь — не каждый день стервятники возвращались с такой богатой добычей. Прежде чем уйти, Дио все же обернулся, еще раз пристально посмотрев на леканов, постаравшись хорошенько запомнить их лица, и когда одна из тварей вдруг улыбнулась ему — широко и открыто — по плечам юноши прошла невольная дрожь. Он поспешил отвернуться, прибавил шагу, чтобы догнать своих.

— И тогда эта тварь схватила меня за горло! — Жженый не терял времени даром, хвастаясь уже ночными приключениями.

Дио невольно поморщился, коря себя за то, что не приказал Жженому помалкивать. Тара, девица предпочитавшая Жженого всем прочим парням банды, бросила на Дио полный ненависти взгляд.

Тара была проблемой.

Она походила на подростка, не вошедшего еще в возраст — угловатая, узкобедрая, с плоской грудью — и не нравилась никому из банды. Редко кто брал ее с собою в постель, но добрая половина грязных шуток всегда была направлена в ее сторону. Не слишком сообразительная, она до слез ругалась со своими обидчиками, лишь распаляя тех еще больше. И только Жженый — сам объект постоянных насмешек, которые он, впрочем, сносил с присущим ему добродушием

— не участвовал в этой травле. Она привязалась к нему за это. И люто ревновала Жженого к Дио, всеми силами стремясь разрушить их давнее приятельство.

Дио ощерился зло, окинув девчонку откровенным взглядом. Он спал с ней не раз и не два, беря подчеркнуто грубо и холодно, вымещая свою собственную злость на Жженого. И если Жженый не заткнет свою пасть, он возьмет ее сегодня снова... Жженый запнулся вдруг на полуслове, оглянулся на Дио, будто почувствовал его взгляд, хотя на самом деле он почувствовал острые коготки Тары, впившиеся ему в локоть. Дио улыбнулся шире, и Жженый, смешавшись, поспешил завершить свой рассказ.

— В общем, скрутили мы его и отволокли мясникам для разделки....

Они зашли в длинный открытый ангар, где расположилась практически вся банда. Просторное пустое помещение, вероятно, использовалось когда-то для ремонта составов: рельсы пронизывали его насквозь. Через настежь распахнутые ворота под крышу залетали голуби. С балок, по которым когда-то передвигался неработающий теперь кран, раздавалось воркование и шорох перьев. Прямо на цементном полу полыхал разложенный костер, над ним, приподнятая на кирпичах, стояла бочка. Одна из женщин варила уху. Другой еды в этом районе города было попросту невозможно найти. Губители, привыкшие отбирать пропитание, а не добывать его самостоятельно, возбужденно обсуждали предстоящую смену места. Особого выбора у них не было: с юга на запад протянулось озеро, на северо-западе простирался лес, на юго-востоке теперь господствовали слуги Схарма. Оставался один путь — в северные районы города, контролируемые бандой Уродов. И хотя решающее слово оставалось за Скалом, никто не сомневался, каким оно будет.

Дио подсел к костру — страшно хотелось есть. Последний раз они с Жженым ели почти сутки назад. Женщина, помешивавшая варево черпаком на длинной ручке, покосилась неодобрительно, но не посмела проигнорировать требовательно протянутый котелок. Все уже знали, что Дио и Жженый притащили огромный кусок хорошего брезента. Дио вынул из-за пояса алюминиевую ложку, присел в стороне, слушая общий разговор.

Развернув истертую до дыр карту города, полную карандашных помет с обозначениями точек сдвига, узлов, мест вероятного образования норы, банда спорила, куда на этот раз поведет их Скал, где теперь с большей долей вероятности можно будет найти хорошей добычи.

— Надо послать стервятников. — Дио вклинился в разговор, когда очистил котелок до дна и счел, что услышал уже достаточно. — Проследить перемещения крыс, узнать, где у них свежие гнезда.

Это был самый опасный, и одновременно самый выигрышный вариант. Банда, называвшая себя мародерами, но получившая в городе презрительное прозвище «Крысы», первой исследовала новые руины. Они приходили в точки смещения, когда те еще были нестабильны, и прочесывали их вдоль и поперек, выгребая все под чистую. Иногда им удавалось находить действительно ценные вещи, но гораздо чаще «крысы» гибли, погребенные под останками рушащихся зданий, сожженные огнем занимающихся в них пожаров, выброшенные в неизвестность черными провалами нор.

Всё найденное они стаскивали в гнезда для дальнейшего обмена и продажи. Разорить такое гнездо было большой удачей для стервятников. Крысы умели прятать свою добычу.

Банда загудела. Город полнился слухами о счастливчиках, находивших свежие гнезда крыс, полные оружия, консервов, одежды, простейших механизмов, сложных приборов и даже лекарств, но разговоры эти не шли дальше слухов, и едва ли кто-то мог похвастаться, что видел хотя бы одно действительно богатое крысиное гнездо. Одновременно все знали: именно крысы способны достать практически любой предмет в городе, будь то рыболовные снасти или посуда тонкого стекла.

— Это слишком опасно, — крикнул кто-то.

«Ерунда», — хотел ответить Дио, но его опередил Скал.

— Отличная идея, Дио! — Наголо бритый главарь банды шел от ворот ангара, сопровождаемый своею свитой. Вовсе не ожидая такой поддержки, Дио невольно поднялся с места. — Сиди-сиди, мальчик. — Подойдя, Скал похлопал его по плечу. Сам присел на корточки у костра, сцепив пальцы и поглядывая на своих людей с хитрым прищуром. — Мы пойдем разорять гнезда крыс, и не важно, сколько добра мы найдем там... — Удивленное молчание было ответом ему. —

Слуги Схарма богато заплатят за каждую пойманную крысу. Клянусь приходом Губителя, без добычи мы не останемся!

Глава 3

Дио не понравилась эта идея.

— Зачем схарматам крысы? — спрашивал он Жженого, когда они собирались в рейд.

Жженый молчал. Он знал, что его мнение Дио вовсе не интересно, тот просто разговаривает сам с собой. Несмотря на жестокую, непрекращающуюся войну между бандами, мародеров никогда не трогали, позволяя тем беспрепятственно покидать свои гнезда, уводить детей и женщин в новые укрытия. Крысы были полезны. Они выполняли работу, с которой не справился бы никто в Городе. И теперь Скал готовился нарушить негласный закон, которому следовали все без исключения банды. Это тревожило Дио, заставляло его нервничать. Проверяя, легко ли выходит из ножен нож, не звякнут ли наручники на поясе, не ослабла ли шнуровка на берцах, Дио ругался. Грязно и зло.

Когда экипировка была закончена, они с группой таких же стервятников покинули ангар, направившись к вагону, в котором их ожидал Скал. Обычный инструктаж перед не совсем обычным рейдом.

— Помяни мое слово, Жженый — сказал Дио как можно тише, — мы настроим против себя весь Город.

В глазах Жженого тенью мелькнуло беспокойство. Стало понятно, он даже не задумывался о возможных последствиях этой вылазки. Думал ли о них Скал? — Дио не знал этого. Скал был давно уже не молод и стоял во главе Губителей уже не первый десяток лет. В чем-то он заменил Дио отца... Но ни один человек в банде не знал своего предводителя по-настоящему. Тому всегда удавалось удивить своих подопечных. Возможно именно поэтому никто за много лет так и не оспорил у Скала права первенства...

Охрана беспрепятственно пропустила их в вагон. Дио осмотрелся с любопытством. Под потолком тускло горели электрические лампы: банда всегда имела с собой достаточный запас аккумуляторов, но далеко не всегда было, к чему их подключать. Здесь основная начинка вагона сохранилась в неприкосновенности. Более того, временное убежище было хорошо усилено изнутри. Кто-то использовал этот вагон раньше: кочевые банды, нигде не задерживавшиеся надолго, никогда не делали таких укреплений, предпочитая свободу перемещения

защищенным позициям. Окна вагона были закрыты стальными листами. Переборки меж отдельными купе — снесены. Помещение внутри было разбито на две большие части, в одной из которых их и ждал Скал.

Стервятники тесно расселись на нескольких откидных полках, оставшихся по стенам вагона. Скал, помешивавший ложечкой чай, сделал добрый глоток и отставил в сторону стакан в красивом, но потемневшем от времени подстаканнике. Дио втянул ноздрями воздух, наслаждаясь терпким запахом свежезаваренных листьев.

— Сегодня вы идете в не совсем обычный рейд, — начал Скал, обведя взглядом лица стервятников. — Ваша задача, выяснить приблизительное число крыс в разных районах Города, чтобы мы могли, наконец, решить, куда нам отсюда двигаться дальше. Это не разведка боем, старайтесь избегать схваток. Но будет неплохо, если уже в этой вылазке вы добудете для схарматов пару крыс.

Стервятники невольно переглянулись. Не зря их банда носила имя Губителя — они никогда не охотились за живой добычей. Им привычнее было убивать всех, кто становился у них на пути, чем брать пленных. Скал терпеливо ждал. И когда волнение улеглось, продолжил:

— Я понимаю, что прошу странного. Но среди нас есть человек, которому такие рейды не в диковинку. Дио, — тот почувствовал себя неуютно, когда все взгляды обратились к нему, — расскажи нам, как ты ловишь тварей?

Злость поднялась волной, захлестнув до приступа удушья. Стоило труда сдержаться, взять себя в руки. Мешало пристальное внимание каждого, обращенное теперь на него.

— Я... обездвиживаю их... всеми... возможными способами, — он будто выталкивал слова из горла, преодолевая сопротивление связок. Пауза, повисшая после его слов, затянулась. Скал смотрел ему прямо в глаза, и Дио не в силах был отвести взгляд. Все ждали, что же он скажет дальше, а ему просто нечего было сказать им.

— Это совсем не сложно, — вдруг вклинился Жженый, будто почувствовав, как наэлектризовался воздух. — Крысы, это ведь совсем не твари. То есть я хочу сказать, крысы те еще бестии, и могут при случае доставить хлопот, но разве можно их сравнивать с леканами? Треснуть раз по темечку и в мешок.

Кто-то сдавленно хохотнул, и это моментально разрядило атмосферу. С невольной досадой Дио понял, что Жженый снова, в который уже раз, выручил его. Понимание это лишь разозлило его еще сильнее.

Дальше все прошло, как обычно. Они вновь рассмотрели карту, распределив кварталы между стервятниками. Им действительно не оставалось другого выбора, кроме как продвигаться на север, но территория на севере была достаточно обширна. Когда, наконец, обговорили все до мелочей, Скал сам пошел проводить стервятников. Снаружи уже сгущались сумерки, ветер усилился, из обжигающе-горячего став ледяным. По плечам прошла невольная дрожь — выходить на охоту в ночь было довольно рискованным делом: ночью мастер Лек спускал с поводка своих тварей. Дио прекрасно понимал: Скал задал вопрос не из праздного любопытства, но Дио действительно ничем не мог помочь другим поисковым группам. Доведись им столкнуться с леканом, им не поможет ничто...

— Так ты точно ничего не хочешь сказать парням напоследок? — спросил Скал, кладя руку на плечо. Его ладонь была сухой и теплой. Он чуть сжал пальцы, тихонько отводя Дио в сторону. Тот лишь качнул головой. — Жаль. — Скал помолчал, глядя задумчиво туда, где в наползающей темноте исчезали рельсы. В полумраке четче проступили белые шрамы, исполосовавшие скальп Скала — следы ножевых порезов, полученных в многочисленных уличных стычках. Вертикальные морщины у рта стали как будто глубже, уголки губ опустились. — Ты играешь в опасные игры, мальчик. — Продолжил он, и Дио ощерился невольно, почуяв скрытую угрозу. Но Скал не угрожал ему. Он хотел предупредить. — Схарматы спрашивали про тебя сегодня. Может быть, они слышали что-то... Что-то о человеке, убивающем тварей. Их тварей, Дио. Ты уверен в Мяснике, которому сбываешь свой товар?

— Да, — ответил Дио, вспомнив невольно о той случайной сделке, что так неожиданно ему подвернулась. Он боялся, как бы о ней не проведал Тесак. Теперь выходило, что опасаться ему следовало совсем-совсем иного.

Как только Тесак нашел способ пересаживать усовершенствованные органы леканов от одного носителя к другому, «доноры» стали очень дорогим и очень востребованным товаром.

Многие занимались лишь тем, что охотились на леканов: группами или поодиночке. Но только Дио неизменно сопутствовала удача. Тесак знал, кому он обязан процветанием своего бизнеса, и ни за что не подставил бы Дио... Чего нельзя было сказать о его конкурентах. Те вполне могли попытаться навредить Тесаку попросту устранив его поставщика.

Это мгновенное осознание возможной опасности пробежало по хребту холодными, липкими пальцами безотчетного, неконтролируемого страха. Людей Дио боялся больше, чем тварей.

Когда они проходили мимо ремонтного ангара, Дио увидел угловатую фигурку Тары, освещенную со спины ярко горящими кострами. Жженый тоже заметил ее: махнул ладонью, и Тара помахала ему в ответ.

Дио сплюнул. Зашагал шире, спеша скорее покинуть депо. Им предстояло пройти еще пять километров через руины Города. Дио рассчитывал быть на месте час-полтора спустя. Он задал такой темп, что Жженый едва поспевал следом. На улицах было темно: луна пряталась в тучах, а обитатели развалин были слишком малочисленны и осторожны, чтобы выдать свое присутствие нечаянным проблеском света. И хотя Дио чувствовал, за ними следят, это был «ничейный» район. Люди, обитавшие здесь сейчас, были слишком слабы и разрозненны, чтобы осмелиться угрожать бандам.

Пробираясь через завалы, Дио бросал взгляд на запястье, где едва слышно тикали большие наручные часы с несколькими циферблатами. Они не годились на то, чтобы отмерять время, но точно показывали, где начинаются зоны сдвига. Чем ближе располагалась аномалия, тем отчаяннее вертелись стрелки. Когда минутная стрелка начинала бежать так, словно отсчитывала секунды, вероятность оказаться в точке смещения достигала максимума. Именно в таких, готовых в любой момент схлопнуться, точках любили селиться крысы.

Когда время на часах Дио начало заметно убегать вперед, они остановились, чтобы натянуть шейные платки на нос — крысы не даром никогда не расставались с респираторами. Если им не повезет оказаться в точке смещения, тучи цементной пыли — самое малое, на что они могут рассчитывать. Приспособив летные очки так, чтоб их можно было в любой момент опустить на глаза, Дио оглядел улицу. Ветер гнал жестяную банку вдоль по проезжей части. Громыхая, она прокатывалась несколько метров и замирала до следующего порыва. На

секунду Дио показалось, что это мальчишка в ярко-красной курточке и широких синих штанах подбрасывает жестянку носком ослепительно-белых кроссовок. Глаз уловил едва заметное мерцание на фасаде здания напротив. Казалось, стоит напрячься, и можно будет разглядеть неоновую вывеску, переливающуюся всеми цветами радуги... Дио сморгнул, чтобы прогнать видение. Снова пристально вгляделся в дом напротив. Невысокий, всего в три этажа, он занимал зато огромную площадь и был довольно сложен по форме. Наверняка внутри имелось множество ярусов и переходов, а выбитые панорамные окна первого этажа позволяли без труда покинуть здание. Крысы любили гнездоваться в подобных домах.

Дио вытащил зачерненный сажею нож. Жженый расправил пращу, вложил в нее маленький свинцовый шарик из сумки на поясе. Дио первым пересек улицу, запрыгнул в выбитый оконный проем и откатился к темной тени справа. Подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Тень, в которой он нашел укрытие, оказалась невысокой длинной стойкой, разделившей просторное пустое помещение на две неравные части. Приподнявшись чуть-чуть, Дио увидел толстый слой цементной пыли, покрывавший стойку, каменный замусоренный пол, автомат с надписью «кофе» у стены напротив. Чуть сбоку широкая лестница вела на второй этаж. В пролете виднелось чудом уцелевшее витражное окно: в ветвях деревьев прятались удивительной красоты птицы. На секунду Дио пожалел, что не может увидеть это при свете дня, когда солнечные лучи играют в цветных стеклах. Потом он обернулся и посмотрел на улицу. Минута, которую должен был выждать Жженый, близилась к концу. Но как ни вглядывался Дио, Жженого он заметил лишь когда тот запрыгнул сквозь оконный проем внутрь и точно так же откатился к ближайшему укрытию. Жженый был хорошим охотником, и убедиться в этом лишний раз было приятно.

Они выждали еще чуть-чуть. Тронув за рукав, Дио приподнялся, показал Жженому витраж. Тот замер, восхищенный. Он тоже никогда в своей жизни не видел подобного, и Дио испытал странное чувство, как будто вся эта красота принадлежала ему потому лишь, что он увидел ее первым. Еще через минуту они начали искать спуск вниз.

Точки смещения диктовали свои правила: подвальные помещения обещали относительную безопасность. Близость к земле как будто стабилизировала реальность, даря призрачный шанс на выживание. Аномалии редко проявляли себя вблизи водоемов, оврагов, карьеров — точно так же можно было ручаться, чем ниже дом, чем глубже уходят его подземные этажи, тем меньше вероятность сдвига в этой точке. Впрочем, из всех правил были свои исключения.

Лестница, ведущая в подвальный этаж, отыскалась не скоро. Они миновали один зал, стараясь держаться ближе к стене, слиться с ее темной поверхностью. Вышли в другой. Там, в самом его конце, стояла группа людей.

Жженый замер на полушаге, но Дио дал знак двигаться дальше. Это были всего лишь муляжи. «Манекены», всплыло из глубин памяти нужное слово. Обнаженные, лишенные волос, они походили на служителей какого-то древнего культа: стояли, выстроенные в круг, обращенные спиной друг к другу, будто защищали нечто, находящееся в центре. Матово блестела неестественно бледная кожа обнаженных

тел. Дио предпочел обогнуть их по широкой дуге. Искусственные люди заметно напугали Жженого. Даже когда они завернули за угол, войдя в третий, округлый зал, он продолжал беспокойно оглядываться. Здесь, прямо посреди помещения они и нашли спуск вниз: две узкие лестницы, глядящие друг на друга. Дио внимательно исследовал их. Слишком узкие, темные, сделанные из какого-то прорезиненного материала и снабженные резиновыми перилами, они не внушали доверия. Дио предпочел бы спуск с большим пространством для маневра. Судя по тому, как вздохнул Жженый, он тоже не горел желанием окунуться в непроглядную тьму, царившую ниже. Но когда они собрались двигаться дальше, позади раздался глухой стук.

Дио пригнулся невольно, в полуприседе отбежав к ближайшему укрытию — широкой каменной чаше, полной чахлой, увядающей без воды и солнца зелени. Жженый распластался за низенькой скамейкой. Оттуда ему открывался отличный обзор на уже пройденный путь, и Дио смотрел на приятеля, ожидая, когда тот подаст какой-нибудь знак.

Ждать пришлось долго. Наконец Жженый поднялся, и, расправив пращу, двинулся так же, вдоль стены, назад. Выждав с десяток секунд, Дио тронулся следом, не забывая контролировать пространство за спиной. Приблизившись к повороту, они уже четко различали какие-то звуки, доносившиеся от группы манекенов. Жженый первым заглянул за угол. Бесшумно скользнул в ладони кожаный ремень — Жженый поотпустил конец, с заложенным в карман свинцовым шариком, и принялся тихонько раскручивать снаряд. Когда праща набрала обороты, раздался пронзительный свист. За углом вновь что-то стукнуло, и Жженый отпустил ремень. Послышался характерный звук упавшего тела. Дио сорвался с места. Обогнув Жженого, вылетел в зал.

Маленькая фигурка «крысы» с характерно длинными для них руками и впалой грудью, распласталась меж стоящих полукругом фигур. Только теперь Дио увидел: манекены охраняли второй спуск вниз, одним своим видом заставляя держаться подальше суеверных обитателей Города. Член банды мародеров попытался приподняться и снова упал навзничь. Вокруг его головы расплывалось темное пятно крови. Дио рухнул на колени рядом. Ударил рукоятью ножа меж лопаток, обозначив свои намерения, и, заломив руки за спину, защелкнул на запястьях наручники. И только потом поднял мародера за плечо, заставил его сесть. У того был слегка разбит затылок —

Жженый, помня приказ поймать одну-другую крысу живьем, сработал аккуратно. Зато из носа кровь шла сплошным потоком. Именно так и натекла та лужа, которая испугала Дио. Он улыбнулся невольно. Сдернул с мародера залитый кровью респиратор, увидел неестественно бледную кожу и трясущиеся белые губы под ним. Вынул из кармана относительно чистый лоскут ткани и, обильно смочив водой из фляги, вытер натекшую кровь. Движеньем руки заставил мародера запрокинуть голову, прижав тряпку к носу.

Жженый присел рядом. Принялся обшаривать тело пленного. Но нашел только тонкий, сработанный из напильника, нож на поясе. Такой мягко входил меж ребер, вонзаясь глубоко в легкие. Закончив, он дал знак Дио, и тот рывком поставил жертву на ноги. Окровавленная тряпка упала на пол. Мародер шмыгнул разбитым носом, и Дио слегка стукнул его по затылку, приказывая вести себя тише.

Теперь впереди шел Жженый. Они вернулись в первый зал, стараясь ступать как можно быстрее и аккуратнее, чтоб не звякнул ни один осколок стекла, не загремел под ногой строительный мусор. Пробежали туда, где никто не стал бы искать их — к лестнице, ведущей на второй этаж. Увидев, куда его тащат, мародер забился в руках пленителей, сопротивляясь. Достаточно сообразительный, чтоб понимать, его тут же убьют, попытайся он крикнуть, он все же не желал рисковать своею жизнью, забираясь на верхние этажи. Дио снова пришлось стукнуть пленного, и тот вдруг обмяк в его руках. Не сбавляя шага, Дио подхватил, взвалил его на плечо. Они бегом взбежали по лестнице, не ожидая увидеть никого наверху. Миновали пролет с цветным витражом. Отягощенный ношей, Дио чуть отстал, и потому не увидел, что именно произошло со Жженым. Преодолев последние ступеньки, тот сделал несколько шагов дальше, скрывшись из виду. А потом раздался короткий, сдавленный вскрик. Дио сбросил «крысу» с плеч. Замер, вслушиваясь. Он не поможет Жженому, если бросится к нему очертя голову, он понимал это. Но наверху было тихо, а время утекало сквозь пальцы. Одна упущенная секунда могла стоить Жженому жизни.

Дио вынул нож из ножен на поясе. Медленно пошел вперед. Каждая пройденная ступенька приподнимала его чуть выше, открывая постепенно панораму второго этажа. Прямо по центру нависала над просторным залом громоздкая, затянутая пыльной паутиной

конструкция. Ниже раскинуло ветви маленькое, высохшее деревце. Еще ниже, опрокинутый на спину, лежал Жженый. Прямо над ним, обнюхивая, стоял волк: необычайно крупный зверь с большой, лобастой головой. В лунном свете, свободно струящемся сквозь панорамные окна, было видно, как поблескивают стальные клыки зверя. Шипастый ошейник и металлические пластины, закрывавшие плечи и грудь волка, не оставляли сомнений: то было очередное создание мастера Лека. Тварь неразумная и оттого еще более опасная.

Жженый лежал, не шевелясь. Может быть, он был уже мертв. Дио старался не думать об этом. Он шел к волку, краем глаза замечая, как призрачно меняется все вокруг: загораются за окнами яркие огни, доносятся приглушенные звуки несущихся куда-то машин, отдаленный вой сирены... Часы на его запястье сходят с ума, стрелки вертятся как бешеные, указывая на скорое приближение аномалии, но Дио идет вперед, и дерево в центре зала одевается в листья, раздается журчание бегущей где-то воды, струя холодного воздуха ударяет в грудь, мгновенно высушивая пот, пространство полнится непривычными звуками работающих механизмов. Волк поднимает голову. Чуткая тварь обводит зал взглядом голодных желтых глаз. Приподнимается, обнажая клыки, верхняя губа, и раздается тихое рычание. Дио крепче сжимает нож, понимая, что у него есть всего лишь один шанс, и жалея о длинной, острой заточке, оставшейся у Жженого — как было бы хорошо вогнать ее меж металлических пластин под лапой твари, сразу достав до сердца...

Когда до твари остается всего лишь шаг, она вдруг прыгает прямо на него, каким-то немыслимым образом преодолевая все находящиеся между ними пространства.

Тварь сбила его с ног. Зубы клацнули у горла, но рука с ножом уже вспорола мягкое подбрюшье, выпуская кишки наружу. Побежала, обжигая, горячая кровь. В ноздри ударил удушливый запах мокрой шерсти. Пронзительный вой заложил уши, а серо-стальные клыки окрасились красным, когда на губах твари выступила кровавая пена. Понимая, что ничего еще не кончено, Дио выдернул нож, и, другою рукой отворачивая в сторону серую морду, снова ударил тварь, целясь в глаз. Нож соскочил, еще и еще раз. Не видя уже ничего от заливающей глаза крови — волк прокусил ему руку — Дио бил наугад до тех пор, пока судорога не прошила все тело твари. Обмякнув вдруг, она

навалилась всем своим весом, придавив. Дио с трудом спихнул тушу в сторону.

Мертвый волк был обездвижен.

Страшная рана на его животе почти затянулась — уродливым шрамом змеились сросшиеся края. Судорожно подергивались лапы, но из глазницы твари торчал всаженный по рукоять нож. Поврежденный мозг не в силах был отдавать приказы телу, а сталь препятствовала регенерации тканей.

Дио пополз прочь. Его трясло, и он не смог бы подняться на ноги. Раздался приглушенный стон, а потом Жженый приподнял голову.

— Дио? — прошептал он одними губами.

Дио опрокинулся на спину. Огромная стальная конструкция, украшенная пыльной паутиной, медленно вращалась у него перед глазами. Приступами накатывала тошнота. Тело сотрясали редкие конвульсии. Всплыло лицо Жженого. Его руки бережно приподняли голову, поднесли к губам край фляги. Первый глоток заставил закашляться, а потом Дио принялся пить, смывая с губ вкус своей и волчьей крови, смывая нечеловеческое напряжение и животный страх.

Жженый скинул куртку. Скатав ее, положил под голову и ушел. Вернулся через несколько минут, волоча за шкирку плененного мародера. Вновь прошептал одними губами, помня, как далеко разносится в руинах каждый звук:

— Еле догнал.

При виде твари мародер сжался в комок и заскулил чуть слышно. Жженый, не церемонясь, отвесил ему хороший подзатыльник. Дио усмехнулся и почувствовал, что наконец-то пришел в себя. С трудом сев, он снял с пояса собственную флягу и принялся пить. Сделал три длинных, полных глотка, с наслаждением ощущая, как прохладная вода омывает глотку, и посмотрел на убитую им тварь. Тело твари еще подергивалось, на обнаженных клыках выступала кровавая пена, уцелевший глаз смотрел с лютой ненавистью. Тварь была обречена и знала это. Все ресурсы организма были брошены на борьбу с чудовищной раной, но не могли восстановить поврежденный мозг. Телу мертвого волка оставался всего лишь час-другой его странного послесмертия, а потом оно затихнет навеки.

Мертвая тварь не стоила ничего. Мясники умели работать лишь с живыми тканями. Но оставлять тело здесь было опасно. Теперь, после

разговора со Скалом, совсем не хотелось рисковать лишний раз. Дио принял решение, и спустя какие-то четверть часа они со Жженым разошлись в разные стороны. Жженый, волоча за собою пойманную «крысу», возвращался назад, в банду. Дио же, устроив тушу волка на волокуше, наскоро смастеренной из обрезков арматуры и кусков целлофана, найденных тут же, потащил его дальше по улице. Он хотел подойти как можно ближе к точке смещения, чтоб наслоение реальностей, порой выбрасывавшее в их мир целые кварталы, навсегда погребло под собой тело твари. Когда руины вокруг стали практически непроходимы, а стрелки на его наручных часах завертелись гораздо быстрее обычного, он решил, что сделал достаточно. Не заботясь о том, чтобы прятать тело, бросил волокушу прямо посреди улицы, вынул из глазницы окоченевшей уже твари свой нож и поспешил скорее прочь из потенциально опасного района. Он не сомневался, в ближайшие дни, а может быть даже часы, все здесь обратится в прах, и ничто уже не сможет свидетельствовать против него.

Ночь умирала. В воздухе чувствовался рассвет. В сером небе кружили сизые голуби. Дио шел, почти бежал, придерживая раненную руку. Он хотел поскорее покинуть точку смещения и совсем не прятался. Улицы в этой части города были абсолютно пусты и необитаемы. Этот район был слишком опасен даже для «крыс». Даже твари Лека не рискнули бы ошиваться там, где одна реальность в любой момент способна заместить собой другую. Дио не рассчитывал столкнуться здесь с кем бы то ни было, и потому замер как вкопанный, услышав приглушенные расстоянием крики. Отчаянно кричала женщина.

Дио постоял еще минуту, размышляя, и когда крик повторился, он устремился к источнику звука. Им двигало любопытство и какое-то другое, смутно-осознаваемое чувство, чем-то похожее на ощущение уже виденного раз. Именно это странное ощущение заново переживаемого эпизода собственной жизни заставило его сорваться вдруг и побежать, не заботясь уже о боли в раненной руке.

Он успел вовремя.

Стиснутый со всех сторон высотными домами, пустырь был погружен в сумрак. Серый свет занимающегося утра еще не разбавил темноту уходящей ночи, но красное платье девушки на ее фоне трепетало ярким язычком пламени. Здоровый амбал, намного выше и

шире в плечах, чем Дио, держал отчаянно вырывавшуюся девчонку за плечи. Другой шел к ней, поигрывая ножом, и Дио хватило одного взгляда, чтобы понять его намерения.

Дио рванул во весь опор. Он бежал из глубокой тени, отбрасываемой домами, бежал наперерез тому, который был вооружен, и рассчитывал, что его заметят не сразу. Его расчет оправдался.

— Мля! — крикнул тот, который держал девушку, и в его голосе было больше удивления, чем страха. Второй медленно повернулся, взглянув на Дио. Человек двигался слишком медленно, словно во сне. В его взгляде тоже не было страха. Не веря, что все получится вот так легко, Дио ударил одной рукой, выбивая нож. Ребром другой ладони он рубанул парня по горлу. Боль электрическим разрядом пробежалась от кисти до локтя раненой руки, перед глазами поплыли черные пятна. Колени невольно подогнулись.

Раздался глухой, утробный рык. Второй отбросил девушку прочь. Та упала на четвереньки, с трудом поднялась и, оскальзываясь на обломках кирпичей, побежала, не оглядываясь назад.

Дио видел все это, когда присев и развернувшись, перебросил через себя ставшее уже безвольным тело. Следовало добить противника ударом ножа в сердце, но второй шел, целясь прямо в него из пистолета.

Огнестрельное оружие в такой близости от точки смещения с высокой долей вероятности могло дать осечку. Его могло заклинить, патрон мог разорваться в стволе... Сложная техника отказывалась работать там, где грани меж реальностями были слишком тонки.

Но Дио предпочел не рисковать.

Человек с пистолетом смотрел так, будто был абсолютно уверен: оружие выстрелит. И Дио метнулся в сторону, забыв о недобитом противнике. Пуля ударила в камень, обдав градом осколков. Дио невольно зажмурился. Снова нырнул, уходя вбок, высвобождая нож из ножен. Грянул второй выстрел подряд, и Дио не стал дожидаться третьего, ринувшись навстречу. Нож с влажным, чавкающим звуком вошел под нижнее ребро стрелявшего. Дио почувствовал кровь на своих руках. Человек замер на секунду. Посмотрел в упор. В глазах его все так же плескалось удивление. Дио разжал пальцы, отступив на шаг. Опустив взгляд, человек дотронулся до рукояти ножа свободной рукою,

как будто не веря, что все это происходит с ним, а потом рухнул как подкошенный.

Придавив тело носком ботинка, Дио наклонился, вытащил нож. Тот подался с натугой. Очистив лезвие об одежду убитого, Дио отметил про себя, какая хорошая у того куртка: крепко пошитая куртка толстой свиной кожи.

— Эй! — спасенная им девушка шла обратно, ежесекундно спотыкаясь о камни и мусор. Голос ее дрожал, но она все-таки возвращалась к нему. Дио пошел ей навстречу, решив прийти за курткою позже. — Эй! Ты как? — Девушка говорила на одном из многочисленных языков Города. Дио знал его хорошо. — Они тебя ранили?! — воскликнула она, когда Дио подошел совсем близко, и в голосе ее прозвучало неподдельное беспокойство.

— Нормально, — ответил Дио, разглядывая чистую кожу, слегка растрепанные вьющиеся волосы, большие испуганные глаза. — Идем отсюда, — сказал он, беря ее под локоть, уводя прочь с места побоища.

Глава 4

Девушка шла, тяжело опираясь на руку Дио и поминутно оглядываясь назад. Ноги ее то и дело подворачивались, она едва не падала. Когда девушка споткнулась в третий раз, Дио просто подхватил ее на руки. Она вскрикнула, испуганно вцепившись в его куртку, но уже в следующую минуту вздохнула с облегчением, спрятав лицо у него на груди. Дио бросил взгляд на запястье: стрелка часов бежала не быстрее обычного, и потому увидев останки автобусной остановки, он повернул туда. Усадив девушку на раздолбанную скамейку, он осмотрел ее ноги. Те были обуты в немыслимой конструкции туфли на невероятно высоком каблуке. Разбитые колени кровоточили. Дио оглянулся растерянно. У него не было ни воды, чтобы промыть раны, ни чистой ткани для перевязки.

— Вот, — сказала девушка, вынимая из маленькой сумочки, перекинутой через плечо, небольшой пакетик, — сейчас.

Она достала резко пахнущую белую салфетку, развернула и принялась осторожно промокать рану.

— Дай сюда, — он отобрал у нее лоскуток, увидев, как она морщится от боли, избегая задевать саму ссадину. Несколькими точными, сильными движениями стер кровь и грязь, обнажив рану. Девушка шумно втянула воздух сквозь стиснутые зубы. — Еще есть? — спросил Дио, осматривая сбитые колени.

— Вот, — повторила она, отдавая ему весь пакетик.

Салфетки были влажными на ощупь и, судя по резкому, чуть спиртовому запаху, должны были хоть как-то продезинфицировать ссадины.

— Потерпи, — сказал он, плотно прижимая пару лоскутков к ее ногам, чувствуя гладкую, шелковистую кожу под пальцами. Она кивнула, но на глазах ее все равно выступили слезы. — Я Дио, — сказал он, надеясь отвлечь ее разговором. И добавил, рассчитывая произвести впечатление, — из банды Скала. — Во взгляде ее плескалось непонимание. — Мы называем себя Губителями, — завершил он неловко, сообразив, что должного эффекта не получилось.

— Я Шура, — ответила она и, подумав, тоже добавила, — из Северокаменска. Приехала на день рожденья сестры. Её муж должен был меня встретить, но, таксист отказался ехать через новостройки, я заблудилась, а телефон здесь не ловит, и вот...

Она беспомощно пожала плечами.

Дио не очень хорошо понял сказанное, но кивнул. Убедившись, что салфетки не соскользнут случайно, отнял ладони и сел на скамейку рядом. Девушка дрожала крупною дрожью. Может от холода, но скорее от нервного перенапряжения. Руки с тонкими запястьями теребили клапан сумки — громко щелкал магнит замка. Дио попытался снять куртку, чтобы набросить ее на вздрагивавшие при каждом щелчке плечи девушки, но рукав, заскорузлый от крови, бередил свежую рану. Зашипев от боли, Дио вспомнил, что в спешке так и не осмотрел искусанную волком руку. Пришлось распарывать рукав по шву. Делать это в одиночку было не слишком удобно, но Шура вызвалась помогать. Едва увидев, что Дио ранен, она, казалось, забыла о собственных своих злоключениях. Дио отдал ей нож. Она надпарывала нити, придерживая рукав с одной стороны, а он тянул его изо всех сил в другую. Нити лопались с громким треском — старая куртка и так доживала свои последние дни. Вдвоем они управились меньше, чем за минуту. Вернув Дио нож, Шура принялась аккуратно высвобождать его руку из рукава. Он мог бы сделать это и сам, но ему были приятны ее нежные, бережные прикосновения. В его жизни никогда не было ничего подобного. Женщины боялись его, зная, каким жестоким он может быть, и едва ли хоть одна девушка прикасалась к нему по собственной воле.

Когда Шура отложила куртку в сторону, взялась осматривать его руку, Дио придвинулся ближе, иначе ей было бы неудобно. Воспользовавшись моментом, приобнял её за талию, ладонь прошлась по приятной округлости бедра. Девушка не заметила. Морща лоб, она расстегнула рукав рубашки, попыталась его закатать, но ткань, схватившись кровяной корочкой, плотно присохла к ране. Приходилось действовать осторожно. И пока она по лоскутку, где-то оттягивая, где-то разрывая в клочья истончившуюся за долгие годы носки, насквозь пропитанную кровью рубашку, обнажала искусанную волком руку, Дио склонялся к ее шее, вдыхая едва уловимый аромат волос, перебирал пальцами складки платья, думая о гладкой,

шелковистой коже под ним, всем телом прижимался к телу девушки, стремясь не только согреть ее, но и самому ощутить исходящее от нее тепло.

— Какой ужас, — прошептала она, когда рана открылась полностью. — С этим надо к врачу, — Шура подняла обеспокоенный взгляд.

— Ерунда, — прошептал Дио. Её близость сводила его с ума. Он повернул ладонь, лежавшую в ладони девушки, их пальцы сплелись. Другая рука чуть крепче обхватила ее за талию, прижимая ближе. Он зарылся лицом в ее волосы, наконец-то дотронувшись губами до шеи.

— Что ты делаешь? — Она вырвала свои пальцы из его. Её ладони уперлись ему в грудь, отталкивая. — Прекрати!

Но он не мог и не хотел останавливаться. Губы скользнули ниже, к глубокому вырезу ярко-красного платья, он прижал ее к себе еще сильнее, положив другую руку на грудь и чуть сжав пальцы.

Вскрикнув, она откинулась, ударив его прямо по обнаженной ране. Внезапная, пронзившая все тело боль заставила ослабить хватку. Девушка снова рванулась, с силой оттолкнув его прочь, и, не удержав равновесия, он полетел со скамейки на землю. Инстинктивно выставленная ладонь подвернулась, напоровшись на стекло, и всем своим весом Дио упал прямо на раненную руку. Дикая боль накрыла с головой, в глазах поплыли цветные пятна. Он приподнялся на локте, глядя, как бежит, спотыкаясь на своих неимоверно высоких каблуках, девушка. Смотрел до тех пор, пока затылок не налился свинцовой тяжестью, а взгляд не застлала сплошная черная пелена.

Очнулся он, когда солнце поднялось высоко над домами, заглянув под проржавевшую крышу автобусной остановки. Дико болела голова, во рту чувствовался солоноватый железистый привкус, на зубах скрипела дорожная пыль. Пытаясь подняться — его шатало от потери крови — Дио отстраненно подумал, что опоздал вернуться к своим. Едва ли стервятники станут ждать его в точке сбора дольше положенного, а значит назад, в банду, ему придется добираться самостоятельно. В его состоянии это было равносильно самоубийству. Стоит ему войти в обитаемые кварталы Города, он станет легкой добычей для каждого. Он подумал об этом без страха, с холодной отрешенностью приговоренного к смерти.

Гораздо больше его волновало то, как поступила с ним Шура. Он спас ей жизнь, а она просто оттолкнула его. Воспоминания о ладонях, упирающихся ему в грудь, наполняли рот полынной горечью. Дио сплюнул зло, подумав, что в следующий раз он уже не станет церемониться с ней. Обида жгла, но он знал, что хочет эту женщину так, как не хотел еще ни одну другую в своей жизни, и сделает все, чтобы найти ее и сделать своей. Шура из Северокаменска — этого было достаточно, чтобы начать поиски. Возможно ее, как и всех тех людей, что он видел на территории комбината, привезли с собой слуги Схарма... Осознание обреченности странно мешалось в нем с мрачной решимостью найти беглянку. Голова от этого хаотичного мельтешения мыслей болела и кружилась еще сильней.

Сумев, наконец, встать, Дио побрел туда, где оставил убитого амбала. Его куртка пришлась бы как нельзя кстати. Распоротые лохмотья валялись тут же, уже ни на что не годные. Рубашка изодралась в клочья, лопнув по шву на спине, когда он падал. Но на пустыре уже никого не было. Вероятно, оставшийся в живых забрал с собой тело товарища. Это лишь разозлило Дио еще сильнее. Обратно он шел, совершенно не прячась, с твердым намерением выместить всю свою злость на первом, кто только осмелится связаться с ним. Жажда убийства заставляла пристальней вглядываться в темные, отбрасываемые домами тени. Он шел пустыми улицами мимо полуразрушенных домов, и ему казалось, будто улицы эти полны народу. Спешили куда-то странно одетые люди, проносились мимо, отчаянно сигналя, легковые авто, обшарпанные фасады зданий украшали яркие вывески. От какофонии звуков кружилась голова, и дурнота подступала к горлу.

Первым наткнуться на Дио не повезло Жженому.

Когда в условленное время Дио не вернулся к точке сбора, Жженый оставил плененного мародера другим стервятникам и в одиночку отправился на поиски. Жженый знал приблизительно, в каком районе Дио собирался прятать труп твари. Заходить туда не хотелось. У Жженого не было наручных часов, чтобы по ним следить, насколько безопасна точка смещения, как скоро можно ожидать сдвига. И потому Жженый решил проверить примыкающие к району кварталы, оставив саму точку на самый крайний случай.

Он методично передвигался от здания к зданию, забегал на верхние этажи, чтобы оттуда охватить взглядом окрестные улицы, жалея, что у него нет приборов, позволяющих видеть дальше, и понимая, что даже если б те у него были, это едва ли ему помогло б — плотно стоящие дома закрывали обзор.

Но ему неожиданно повезло. Очередная высотка одиноко возвышалась в скоплении домов поменьше. Кроша подошвами битое стекло, Жженый взбежал по лестнице на четвертый этаж. Выше, задыхающийся и порядком измученный долгими поисками, он поднимался уже тише, и лишь потому заметил через окно, выходившее на лестничный пролет, как движется невдалеке маленькая одинокая фигурка. Жженый всматривался, не веря своим глазам и своей удаче — никто не ходит в городе так, не прячась, если только он не один. Но ошибки быть не могло. Прямо по центру улицы, спокойным, размеренным шагом шел Дио.

Обрадованный, Жженый скорей поспешил вниз. Пришлось поплутать в переулках, прежде чем он вышел к месту. Жженый бежал прямо по улице и сам уже почти не прячась, скорым взглядом окидывал перекрестки, боясь вновь потерять друга, но Дио не успел уйти далеко.

— Эй! — крикнул Жженый, и в голосе его прозвучала не сдерживаемая радость. — Клянусь Губителем, я уж не думал тебя отыскать!

Будто не слыша его, Дио шел дальше, и не думая останавливаться. Жженый выругался сквозь зубы — подобное было ему не в новинку.

— Ты злишься, да? — Пришлось прибавить шагу. Слова все еще давались Жженому с трудом, поврежденное горло саднило, не справляясь с напряжением. — Слушай, ну перестань уже, а? Да, глупо было возвращаться, но как я мог бросить тебя здесь? — Жженый, наконец, нагнал его и, схватив за плечо, с силой заставил развернуться, посмотреть на себя.

Удар пришелся в висок. Чуть смазанный — Дио шатало как под порывами ветра — он был все же достаточно силен, чтобы Жженый упал на дорогу. В глазах потемнело на миг. Жженый сморгнул раз, и еще раз, пока не увидел собственные руки, упирающиеся в нагретый солнцем асфальт. Поднявшись на ноги, он посмотрел Дио в лицо.

Тот стоял, пошатываясь, озирался растерянно. Левая рука его висела безвольно, правой он потирал висок. За прошедшие несколько часов он почернел и осунулся. Губы приобрели синюшный оттенок, темные круги залегли вокруг глаз, русые волосы взмокли и потемнели, облепив высокий лоб влажными прядями.

Жженый снова выругался, грязно и зло, а затем попятился назад, высвобождая заправленную за ремень пращу. Сунув по привычке руку в мешочек на поясе, он достал было маленький свинцовый шарик, но, взвесив в ладони, опустил его обратно. Огляделся, отбежал к тротуару и поднял с земли плотный комочек жирной грязи.

— Извини, — пробормотал Жженый, заправляя найденный катышек в петлю.

Когда праща набрала обороты, засвистев, Дио вскинул взгляд, в котором на секунду мелькнуло узнавание, но Жженый уже отпустил свободный конец пращи, послав снаряд точно в цель. Дио рухнул, как подкошенный.

Подбежав, Жженый перевернул его на спину.

— Что ж ты так, — пробормотал он, оглядывая голову Дио, его покалеченную волком руку, лохмотья, в которые превратилась его одежда.

Убедившись, что бессилен помочь, Жженый просто перекинул тело Дио через плечо и понес его к единственному лекарю в городе, которого знал. Жженый спешил, поглядывая на солнце, задевавшее уже краем крыши многоэтажек. Он боялся, что темнота застигнет его на улице. С той же опаской он смотрел на окна домов. Покинув точку смещения, он вошел в обитаемые районы. Небольшие наспех сколоченные группировки вели тут бесконечную войну за ресурсы. Для этих людей его сумка, полная свинцовых шариков, уже была баснословным богатством. Жженому пришлось делать мучительный выбор. В конце концов, он решил, что не настолько везуч, чтоб за какие-то два дня повстречаться сразу с тремя тварями. Когда осматривая очередную улицу и развалины, тянущиеся по обе ее стороны, Жженый понял, что не хочет выходить на дорогу, всё существо его восставало при мысли о том, чтобы выйти под этот пустой взгляд выбитых окон... Жженый затащил Дио в ближайший подвал. Замусоренный, но сухой, он носил следы людского присутствия. На полу был расстелен латаный матрас. Это едва не

заставило Жженого уйти, но Дио стало заметно хуже, он впал в забытье и начал бредить. Жженый положился на волю Губителя. Бережно уложив Дио, он укрыл его своей курткой, после чего привалился к стене рядом так, чтобы видеть проем входа и просматривать улицу через подвальное окошко, одновременно. Так они дождались прихода ночи. В сумерках, уверенный, что все, кому дорога жизнь, сидят, не высовываясь в щелях и укрытиях, Жженый выволок Дио наружу и, не прячась больше, скорее понес его дальше. Идти пришлось всю ночь, и к Тесаку Жженый добрался лишь под утро.

Высотное здание, в котором Тесак занимал весь подвал, Жженый увидел издалека. Когда-то полностью остекленное, оно сохранило окна целыми лишь на верхних своих этажах. Над городом поднималось солнце, и те ярко горели отраженным алым светом. Жженый замер, всем существом своим внимая странному, переполнявшему его ощущению. Это было почти так же прекрасно, как цветной витраж в логове крыс. Этим чувством хотелось поделиться, но рядом никого не было. Только Дио, впавший в беспамятство, бормотал что-то невнятно. Жженый вздохнул, поправил свою ношу, и уже через полчаса был на месте. Вершина башни все так же сверкала алыми всполохами, но ощущение какого-то чуда уже ушло. Жженый обогнул здание, спустился по круто сбежавшей вниз улице и увидел небольшую металлическую дверку, ход в цокольный этаж. Рядом располагалась кнопка звонка и частая решетка переговорного устройства. Прежде чем вдавить круглую черную таблетку в стену, Жженый вытер ладонь о штанину, провел языком по вдруг пересохшим губам.

Тесак не ждал их скорого возвращения, и Жженому пришлось призвать на помощь все свое красноречие, чтобы уговорить того открыть дверь. Та лишь слегка приотворилась. Жженый напрягся, готовый ломиться в узкий проем, если мясник вдруг вздумает оставить их снаружи.

— Что с ним? — спросил Тесак, бросив взгляд на Дио.

Жженый пожал плечом.

— Долгая история, — ответил он сипло, — может я расскажу тебе, пока ты сам посмотришь, что с ним?

Тесак колебался еще секунду, холодно поблескивали стекла летных очков, а потом он все-таки откинул цепочку, распахивая дверь

шире.

Вдвоем они протащили Дио в операционную, бросили на металлический стол, где совсем еще недавно Тесак разделывал свою последнюю жертву. Жженый с неприязнью взглянул на кровосток. После притащил себе высокий табурет из жилой комнаты, и, взгромоздившись на него, принялся рассказывать. Он мог рассказать о том, что случилось в гнезде крыс, но не о том, что произошло дальше. Тесаку было достаточно и этого.

— Я подлатаю его, — сказал он, когда Жженый закончил, — но потом вы оба уйдете отсюда.

Жженый молчал, он не привык разговаривать с Тесаком сам, и не знал, чего ждать от него.

— Слуги Схарма задают слишком много вопросов. Будет лучше, если Дио и ты, Жженый, на какое-то время забудете дорогу сюда. Если схарматы решат прикрыть мою лавочку, я не смогу противостоять им. Я не воин, и у меня нет армий бессмертных тварей.

Жженый кивнул, глядя, как Тесак срезает хирургическими ножницами лохмотья, в которые превратилась рубашка Дио. Очистив рану и наложив швы, Тесак наполнил шприц какой-то прозрачной жидкостью. Ввел иглу в вену.

— Это все, что я могу для него сделать, — закончил Тесак, протирая место укола спиртовым раствором. — Забирай его, и уходите оба.

Жженый снова кивнул и, взвалив приятеля на плечо, грузно зашагал к выходу. Стальная дверь захлопнулась за спиной, снова оставив их один на один с ночью. Жженый постоял минуту, пытаясь сообразить, куда же ему идти дальше. Сам он хотел бы возвратиться к банде, но трезво оценивал свои шансы проделать этот путь с такой ношей и остаться в живых. Решение было очевидно и возвышалось над ним всеми своими этажами. Перехватив тело Дио поудобнее, Жженый вновь обогнул высотное здание и, спеша скрыться в проеме центрального входа, взбежал по ступенькам. Остановился отдышаться.

Холл был пуст, свешивались с потолка обрывки проводов, обозначая место, на котором раньше располагались хрустальные люстры, но на полу сохранился мозаичный рисунок. Стилизованный цветок, обрамленный по кругу какою-то надписью. Жженый в отличие от Дио читать не умел. Сквозь полураспахнутые двери лифта была

видна лифтовая шахта. Жженый заглянул в нее с любопытством, когда шел к лестнице. Автоматически отметил для себя эту шахту как возможный черный ход к Тесаку — та уходила далеко вниз, ее дно терялось во мраке. С тем же успехом она могла быть ловушкой...

Подъем на верхние этажи отнял много времени и сил. Солнце уже успело взойти, прохладный ветер завевал в разбитые окна. Сначала Жженый останавливался каждый второй этаж. Потом остановки пришлось делать гораздо чаще. Наконец, на двадцать девятом этаже Жженый увидел первое целое стекло в окне. Он поднялся еще чуть выше, а потом ушел с лестницы. Долго бродил длинными коридорами, ища место, которое пришлось бы ему по душе, и наконец нашел комнату с хорошим обзором, имевшую достаточно выходов в смежные помещения и предоставлявшую возможность уйти по любой из четырех ближайших лестниц. Схемы, расположенные прямо на стенах в коридоре, немало помогли ему в поисках.

Когда он опустил Дио на мягкое покрытие посреди этого случайного убежища, тот не бредил уже, впав в глубокое забытье. Но лекарство, вколотое Тесаком, начало действовать. Исчезли темные круги под глазами, ровнее стало дыхание. Жженый укрыл приятеля своею курткой, подумав мельком, что Дио понадобится новая одежда, и не имея ни малейшего представления, где бы можно было ее достать.

Сделав это, Жженый осмотрел место привала. Поднявшееся солнце ярко светило сквозь стекла окон. Не было никакого смысла ставить ловушки в коридорах. Оставалось только надеяться, что никто и не подумает искать их здесь, а Тесак знал, что делает, когда выбирал своим домом одно из самых высоких зданий в городе. Но больше всего Жженый уповал на окна. Ни одно здание, хоть раз побывавшее в точке смещения, не сохраняло целым ни одного стекла. Здесь же, на немыслимой высоте, с которой открывался потрясающий вид на весь город, Жженый лежал на полу и сквозь подступающую дрему смотрел на чистое голубое небо сквозь серое, запыленное стекло окна.

Довольная улыбка набегала на его губы. Он думал о том, что, пожалуй, даже Дио не смог бы придумать все лучше. С этой мыслью он и заснул, улыбаясь.

Проснулся он внезапно. Так, как просыпаются чуткие люди, когда чувствуют резкую перемену в окружающем. Оглянувшись рассеянным спросонья взглядом, Жженый сразу увидел, что было не так. Дио

исчез. Жженый приподнялся, озираясь, и, не увидев своей куртки, которую он набросил на Дио перед тем, как лечь спать, вздохнул с облегчением. Встав, он первым делом заглянул в уборную, которая хотя и не работала в полной мере, но могла еще использоваться по назначению. Справив нужду, отправился на поиски Дио и скоро нашел его на ближайшем застекленном балконе. Тот сидел, упершись лбом в стекло, глядя вниз, на распластавшийся перед ним город.

— Я ударил тебя, Жженый? — спросил Дио, не отрывая взгляда от темных домов далеко внизу.

— Ерунда, — ответил Жженый излюбленным словечком Дио. Тот усмехнулся. Похлопал по полу рядом, приглашая садиться.

Жженый сел, опасаясь, впрочем, прислоняться к стеклу. Слишком непрочной казалась эта преграда, отделявшая его от многометровой пропасти.

— Я довел мародера до места, — сказал Жженый устроившись. — А потом пошел искать тебя, — последнее прозвучало как оправдание.

— Спасибо, — ответил Дио. Жженый взглянул удивленно. Замолчал, не зная, что говорить теперь дальше. — Это Тесак меня заштопал? — спросил Дио, избавив его от необходимости подыскивать подходящие слова для ответа.

— Да, — Жженый с радостью переключился на новую тему. — Не захотел укрыть нас у себя хотя б на сутки. Скотина! — Жженый зло сплюнул.

— Схарматы? — спросил Дио.

— Да, — ответил Жженый, вновь поражаясь, как быстро Дио улавливает суть.

Дио задумчиво кивнул.

— А забраться на верхние этажи высотки, это ты сам придумал?

— Да, — повторил Жженый, испытывая странную смесь смущения и гордости.

— Молодец. — Похвала была приятна. Жженый порадовался, что солнце уже давно село, и Дио не может видеть краски, залившей его лицо и шею. — Завтра сходишь в банду, принесешь одежду. — Дио поправил наброшенную на плечи куртку Жженого. — Я скажу, у кого брать.

— А дадут? — обеспокоенно поинтересовался Жженый. Банда не делала долгосрочных запасов, предпочитая жить добычей одного дня, а значит, кто-то в банде будет вынужден расстаться с последним.

— Дадут. Если станут упорствовать, отдашь сигарету из тайника. Но только если не отдадут так, — ответил Дио устало. Было видно, это не то, что ему хотелось бы обсуждать. — Слушай дальше. Переговоришь со Скалом. Расскажешь ему, где мы, надо, чтоб хоть кто-то из наших знал, расскажешь то, что тебе рассказал Тесак, узнаешь последние новости и вернешься обратно.

— Хорошо, — ответил Жженый. — Все сделаю.

Вновь воцарилось долгое молчание. Дио как завороженный смотрел на темный город далеко внизу. Жженый вглядывался до рези в глазах, но скоро махнул рукой на попытки разглядеть там хоть что-нибудь. Тьма была абсолютной.

Дио же видел в этой тьме яркие огни вывесок, мягко светящиеся окна жилых домов, фары стремительно пробегающих по улицам автомобилей, бортовые огни пролетающих самолетов. То, что раньше казалось ему миражом, игрой утомленного сознания, случайным взблеском отраженного света на битом стекле здесь и сейчас стало реальностью. Вот уже несколько часов подряд он наблюдал за тем, чего попросту не могло существовать в их мире. Осознание увиденного сводило с ума. Хотелось шагнуть за тонкую стеклянную грань, отделявшую его от этого яркого, сверкающего мира. Любой ценой оказаться там. Он был теперь практически уверен: девушка, оттолкнувшая его после всего, что он для нее сделал, тоже оттуда, и он никогда ее больше не увидит. Мысль эта наполняла сердце тоской. Ощущение безысходности комком подкатывало к горлу, и лишь присутствие Жженого заставляло держать себя в руках. Чтобы отвлечься как-то, заглушить ноющую боль в сердце, Дио вновь заговорил.

— А как тебя звали раньше, Жженый?

— Что? — Жженый вздрогнул. Казалось, вопрос этот напугал его, коснувшись чего-то давно и прочно забытого, пробудив к жизни старые страхи.

— Имя, Жженый, имя. — Повторил Дио, лишь теперь заинтересовавшись по-настоящему. — Не родился же ты сразу с этим,

— он кивнул на безобразный шрам, изуродовавший лицо приятеля. — Тебя должны были как-то звать раньше.

Жженый молчал. Дио обернулся, всматриваясь в его лицо. Казалось, призрачный город, сиявший за окном многоцветьем ночных огней, отбрасывал такие же призрачные отсветы, чуть подсвечивая темноту комнаты.

— Я никому не рассказывал, — наконец ответил Жженый. — Только Таре.

Дио почувствовал внезапный укол ревности. Злость, гораздо более привычное чувство, поднялась волной, смыв мутный осадок тоски. Жженый, преданный ему душой и телом, имел от него какие-то тайны, тайны, которые он, тем не менее, поверял этой вздорной девчонке. Дио дал себе слово разобраться с этим позже. Но пока он молчал, надеясь, что его молчание сподвигнет Жженого на дальнейшие откровения.

— Я плохо помню, — начал Жженый, и голос его дрожал. — Это связано с пожаром, — добавил он, будто оправдываясь, — я плохо помню все, что было тогда. А все, что было раньше, вообще кажется сном... Но я не всегда был Губителем.

Дио обернулся, наконец, полностью, оперся об оконное стекло, приготовившись слушать. Горящий огнями призрачный город отпустил его на время. Жженый взглянул на Дио как-то странно, попросил:

— Не делай так.

— Почему? — Дио удивленно вскинул бровь.

Жженый неловко пожал плечами, еле выдавил из себя:

— Стекло такое тонкое... Страшно.

Дио ухмыльнулся и не стронулся с места.

Несколько минут прошло в полной тишине. Глаза Дио привыкли к тьме, царящей в здании, и теперь он совсем хорошо различал лицо Жженого, по которому судорогами пробегали отзвуки испытываемых им чувств.

— Мне кажется, я был зверем, — наконец выдавил из себя Жженый. — Стаи диких собак... Это первое, что я помню.

Глава 5

Полудикие псы грызлись за брошенную у кострища кость, а маленький мальчик посасывал большой палец руки, глядя на полуобглоданный мосол.

— Отними, — мужчина присел рядом, посматривая то на пацана, то на скалящих зубы собак. — Давай, покажи, кто главный в стае.

Мальчик ответил долгим пристальным взглядом. Затем качнул головой. Его руки сплошь были испещрены следами укусов, но это были следы игр. Он боялся грозно оскаленных острых клыков и был еще слишком мал, чтобы стыдиться этого. Мужчина гневно раздул ноздри приплюснутого, переломанного в нескольких местах носа, желваки заходили под высокими скулами.

— Останешься без еды, — бросил он, поднимаясь на ноги.

Пацаненок запрокинул голову, чтобы видеть глаза взрослого — так высок был его отец — и не заметил в них ни тени жалости. Бросить взгляд на мать, перебиравшую скарб рядом, мальчик так и не решился. Он боялся гнева молчаливого, скупого на ласку и скорого на расправу отца, но вздыбленных загривков и мощных челюстей, способных дробить кости, он боялся еще сильнее. Поднявшись с земли, ребенок отряхнул ладошки от пыли, бросил еще один прощальный взгляд на кость и пошел прочь. Слезы застилали глаза, он спотыкался о каменные обломки, не видя, куда ступает, но не смел поднять руки, чтоб отереть их, потому что понимал: отец смотрит ему вслед.

Если бы знать наверняка, что отец бросится, защитит его, когда стая накинется и начнет рвать зубами, он не испугался бы, ринулся бы в самую гущу собак, но он не знал...

Мальчик шел, не разбирая дороги, натыкаясь коленями на бетонные балки, обходя леса устремленных к небу арматурных прутов. Когда вой и рычание стаи стихли, он понял, что ушел достаточно далеко, и теперь его никто не видит. Осеннее солнце холодно светило с зенита, свежий ветерок задувал под просторную, не по размеру рубашку. Мальчик вспомнил, что его серая домотканая курточка, из которой он вырос всего за одно лето, осталась там, у костра, но

возвращаться назад уже не хотелось. Он, наконец, утер глаза рукавом. Шмыгнул заложенным носом и огляделся.

Это место было ему незнакомо, хотя, казалось, что он излазил здесь каждую пядь и знает окрестные руины как никто другой в стае. Тропинка, проложенная меж развалинами высотки и недостроенным домом, огибала зарывшийся в землю ковш экскаватора. Сама машина была давно растащена на составные части. О том, что и она стояла здесь когда-то свидетельствовали лишь окаменевшие следы траков. Бурьян, бурно разросшийся вокруг, оставил в неприкосновенности эти две широкие полоски земли, будто там, где покоилась когда-то мертвая машина иного мира, не могло уже расти ничто живое.

За ковшом прятался крохотный, чудом сохранившийся домик в один этаж. Хватаясь за почерневшие от времени зубцы ковша, мальчик сделал шаг, другой по направлению к домику. Крутое крыльцо в три ступеньки взбегало к приветливо распахнутой двери. Заходить внутрь было страшно. Стаи никогда не жили под крышей, не искали убежищ в домах, кочуя по городу, нигде не находя постоянного пристанища. Даже непогода: проливные дожди, трескучие морозы и снежные метели — не могли загнать их под крышу надолго. Мальчик видел мало зим. Он помнил прозрачное небо над головой и боялся замкнутых пространств. Но этот маленький домик выглядел так необычно...

Постояв еще немного, он все-таки решился взойти на крыльцо, хотя бы одним глазком заглянуть внутрь. Деревянные перила, украшенные когда-то резьбой, рассохлись и неприятно скрипнули под пальцами. Мальчик отдернул руку, едва прикоснулся к ним, так внезапен был этот короткий, чем-то похожий на стон, скрип. В ответ ему вдруг раздался второй такой же. Мальчик отпрянул, глядя на крыльцо с опаской. Звук раздался оттуда, из-под ступеней, на которые он не успел еще даже опустить обутую в мягкие кожаные носки подошву. Он постоял еще немного, напряженно вслушиваясь, но звук не повторился. Тогда мальчик опустился на колени, пристально и с некоторой опаской вглядевшись в темную тень, отбрасываемую деревянными ступенями. Оттуда, надежно спрятанный разросшимся кустом репейника с одной стороны, и зарослями травы — с другой, на него глядел маленький, вислоухий щен. Лишь по белому пятну, украшавшему большой, выпуклый лоб дворняги, да по ярко

блестевшим карим глазам мальчик различил в антрацитово-черной тени собаку. Щенок был темен как ночь.

— Черныш! Эй! Черныш! — прошептал мальчик громко.

Положив передние лапы на ступеньку, щенок приподнялся, просовывая в узкую щель черный любопытный нос. Мальчик не видел, но очень живо представил себе, как там, под крыльцом, маленький песик отчаянно виляет куцым хвостом. Картинка эта на какое-то мгновенье оттеснила все, даже голод, терзавший желудок острыми, мучительными спазмами. Улыбаясь невольно и приговаривая «сейчас-сейчас», мальчик раздвинул руками высокую траву, росшую с одной стороны крыльца, и увидел свободный, чуть углубленный сильными собачьими лапами лаз. Черный щенок кинулся ему навстречу, ткнулся мокрым холодным носом в лицо. Мальчик отвернулся невольно и почувствовал, как шершавый язык лижет ему ухо. Мальчик тихонько засмеялся, и в ответ на звук рядом шевельнулась, просыпаясь, вторая, такая же черная, без единого пятна тень.

Щенки молчали, не издавая и звука. Настоящие дикие псы, больше похожие на лесных своих собратьев, чем на домашних собак, которых по легендам люди поработили когда-то, посадив на железные цепи и заставив лаять вместо того, чтобы рвать глотки, как и подобает свободнорожденным бойцам — эти истории с раннего детства рассказывала мальчику мать, он засыпал, слушая легенды о том, как человек взял в руку палку и ударил пса, тем самым поставив себя вне стаи и вне закона...

Мальчик играл со щенками, пока голод и усталость не дали о себе знать. Солнце, перевалив зенит, скрылось за развалинами высотки, маленький дворик, укрытый от посторонних глаз ковшом экскаватора, разом погрузился в серый сумрак. Ветер посвежел и усилился, из прохладного став пронизывающе-ледяным. Мальчик почувствовал, как тело начала бить мелкая дрожь. Он оглянулся на покинутые им развалины, где под открытым небом мать варила похлебку на ужин, а отец отливал заряды для пращи из купленной у мародеров свинчатки. Судорожный вздох вырвался из груди. Мальчик шмыгнул носом, и, подхватив одного из щенков подмышку, а второго подпихивая свободной рукой, пополз под крыльцо, в собачье логово, где ему, по крайней мере, были рады. Свернувшись калачиком в яме, вырытой сукой для себя и щенков, мальчик уткнул голову в колени и заплакал.

Слезы тихо катились по щекам, и лишь по судорожно вздрагивавшим плечам можно было понять, что ребенок горько плачет. Щенята беспокойно ворочались рядом, поминутно обнюхивая своего нового знакомца, и через какое-то время мальчик уснул, согретый и успокоенный теплом их маленьких, но горячих тел.

Он проснулся внезапно, когда на дворе уже стояла поздняя ночь. Щенки, пригревшиеся у него под боком, сучили во сне толстыми короткими лапами. Прямо над ухом оглушительно стрекотал сверчок. Но не это выдернуло его из глубокого сна. Мальчик вслушивался до звона в ушах, и через несколько минут снова раздался заунывный, пронзительный вой, захлебнувшийся почти щенячьим визгом. Выла стая.

Царапая колени о мелкие камни, раздвигая руками траву, он скорее пополз из-под крыльца наружу, но очутившись, наконец, на свободе, замер в нерешительности.

Если стая выла, предчувствуя скорый сдвиг, он должен был бегом бежать обратно. Но если на стоянку напала другая банда... Много раз, с раннего детства мать нашептывала ему, прижимаясь губами почти к самому уху: «Беги! Беги и прячься!» — мальчик живо вспомнил ее горячее дыхание, щекотавшее кожу так, что хотелось смеяться. Нижняя губа задрожала невольно, на глаза навернулись слезы, и стоило немалых сил удержаться, не зареветь в голос. Едва не впервые в жизни мальчик не знал, что ему нужно делать.

Ответ пришел неожиданно. Черною тенью, скользнувшею бесшумно под крыльцо. Мальчик резко развернулся, вглядываясь до рези в глазах. Из-под крыльца послышался сдавленный шум, а затем, двигаясь уже не так быстро, но так же целеустремленно, из норы показалась сука, державшая в пасти щенка с белым пятнышком на лбу. Не обращая на мальчика ровно никакого внимания, она пробежала мимо, спеша подальше унести свой ценный груз.

«Сдвиг», понял мальчик, глядя вслед растворившейся во тьме собаке. «Сдвиг!», толкнуло радостно в грудь, и он развернулся, побежал скорей туда, где отец уже наверняка сворачивал стоянку, последними словами вспоминая невесть куда девшегося сына, а мать молча помогала ему, смахивая украдкою слезы.

Он мчался во весь опор, ни на секунду не останавливаясь. Даже когда ноги подворачивались, натыкаясь на очередной каменный

обломок, он падал на руки, сдирая ладони в кровь, поднимался и снова бежал, потому что все эти развалины, все эти леса устремленных к небу арматурных прутов, все эти протянутые в никуда железобетонные балки всего через пару часов обратятся в прах, не оставив по себе ни следа, ни памяти.

Увидев отсветы костра, пляшущие по стенам чуть дальше, мальчик побежал еще сильнее, так, что в ушах засвистел ветер.

Просторный пустырь, на котором отец мальчика разбил маленький лагерь, был полон чужих людей.

Мальчик замер как вкопанный, увидев это. «Сдвиг!», билось в голове с каждым ударом пульса. «Сдвиг! Сдвиг! Сдвиг!» — сука пришла, чтоб перетащить щенков в новое логово. Животные всегда чуют, когда точка смещения становится нестабильной — это должен был быть сдвиг. Но стая выла не потому, что чувствовала, как смещаются, наплывая друг на друга реальности...

Качнувшись, мальчик медленно пошел вперед. Там, у костра, чужие люди ели сваренную его матерью похлебку. Мальчик смотрел туда. Ему казалось, что рядом огромный, плечистый человек в черной, отороченной серым мехом куртке снимает шкуры с отцовских псов. Не рассмотреть было за широкой спиной, но под ногами его елозили по грязи окровавленные собачьи лапы.

Мальчику стало дурно. Он поспешил отвести взгляд в сторону. Туда, где чужая женщина ходила меж раскиданных в беспорядке вещей, носком высокого шнурованного ботинка переворачивая опрокинувшуюся посуду, наконечником длинного копья поддевая запятнанные кровью тряпки. Дальше наголо бритый человек с перекинутым за спину арбалетом пытался вынуть болт, застрявший меж ребер мужчины с приплюснутым, перебитым в нескольких местах носом. Мальчик шел, не в силах поверить, что этот валяющийся на земле мужчина, из груди которого так нелепо, чужеродно выпирает короткий и толстый арбалетный болт — его отец, а на шее арбалетчика болтается ожерелье из волчьих клыков — единственное украшение его матери.

— Эй-эй-эй-эй! — крикнули вдруг слева, и мальчик замер, будто бы очнувшись ото сна. Разум, до последнего момента отказывавшийся понимать происходящее, затопило вдруг осознание свершившегося.

Горе нахлынуло, захлестнув с головой. Захотелось кричать, но тело отказывалось повиноваться, парализованное страхом.

Арбалетчик поднял бритую голову, посмотрев мальчику прямо в глаза. А потом одним неуловимым движением арбалет из-за спины перекочевал в его руки. Человек поднялся, переступив через лежавшее на земле тело. Пошел, на ходу взводя тетиву и укладывая новый болт в ложе.

— Сдвиг! — крикнул мальчик то единственное слово, что словно пойманная в силки птица билось и билось у него в голове. — Сдвиг, — повторил он тише, заставив бритоголового невольно прислушаться.

Тот приопустил руки, направив острие болта в землю.

— Что сдвиг? — спросил мужчина хрипло.

— Там. — Мальчик дернул головой, боясь хоть на миг отвернуться, отпустить взглядом арбалетный болт. Пот градом катился между лопаток. Длинные волосы, собранные на затылке в тонкий крысиный хвостик, взмокли, неприятно прилипнув к спине. — Пришла собака. Забрала щенков. — Он замолчал, испугавшись вдруг, что эти чужие, убившие их псов люди, не поймут, что значат его слова, а он не сможет объяснить лучше.

Но бритоголовый понял. Он бросил вдруг быстрый взгляд на запястье.

— Уходим! — закричал он, одним движением руки разрядив арбалет и закинув его за спину.

— Мясо! — тот, который освежевал собак, поднялся, обернувшись, и мальчик вновь пошатнулся, увидев его окровавленные ладони и влажно поблескивающий острый нож в них.

— Бросай! Бросай все! — крикнул арбалетчик, подхватывая мальчика на руки, сажая его на локоть. — Сдвиг!

Слово хлестнуло словно плеть, разом подстегнув каждого. Загремел, отброшенный в сторону за ненадобностью скарб, зашипел костер, залитый опрокинутой прямо в него похлебкой, кто-то свистнул пронзительно, и из развалин близлежащих домов показались новые люди.

— Где? Где ты видел щенков, малыш? — спросил арбалетчик, и мальчик поразился его голосу, ставшему вдруг удивительно мягким.

— Там, — мальчик махнул рукой, глядя на бритую голову, иссеченную белыми шрамами.

— Идем-ка, посмотрим, — сказал арбалетчик, перебрасывая мальчика через плечо.

Мальчик вскрикнул невольно, ударившись носом о широкую и твердую, словно камень, спину, но человек уже бежал, ловко преодолевая препятствия, которые еще днем казались мальчику непреодолимыми. Когда он пытался поднять голову, то видел, как стремительно удаляется маленькая, залитая кровью площадка у затухающего, слабо трепещущего костерка. Как следом несется молчаливая, сосредоточенная толпа. Никогда раньше мальчик не видел столько людей разом.

Расстояние до ковша экскаватора, казавшееся мальчику огромным, они преодолели за считанные минуты. Мальчик стукнул кулаком в спину арбалетчика, и тот замер, сбросив его с плеч, поставив на землю перед собой.

— Куда? — спросил он требовательно, встряхивая мальчика за плечи. — Куда собака потащила своих щенят? — Ласка из его голоса снова пропала. Это успокоило мальчика, расставило все по местам. Когда злой человек говорил с ним добрым голосом, мозг отказывался воспринимать услышанное. Мальчик снова махнул рукой, указывая направление.

Человек оглянулся. Увидел крыльцо и примятую траву под ним. В два шага подошел и, опустившись на колени, пошарил рукой под ступенями.

— Сколько? — спросил он, поднимаясь с колен. — Сколько было щенков?

— Два, — ответил мальчик.

— Диаметр небольшой, — бросил кто-то из толпы. — Успеем.

— Поздно, — сказал арбалетчик, глядя куда-то поверх голов.

Мальчик обернулся и увидел то, чего никогда раньше не наблюдал с такого близкого расстояния. Воздух дрожал, словно марево над раскаленным солнцем асфальтом. Очертания близлежащих домов плыли, теряя свои формы. Подошвы вдруг ощутили мелкую вибрацию земли. Не веря своим глазам, мальчик смотрел, как подскакивают выше и выше мелкие камешки рассыпавшейся кирпичной кладки. Как поднимается от земли, повисая плотным, разрастающимся облаком серая цементная пыль.

— Вниз! — закричал арбалетчик, и его голос был страшен. — Все вниз!

Кто-то вновь подхватил мальчика на руки, но тот даже не обернулся, чтобы узнать, кто это. Как завороженный он смотрел внутрь черной воронки, казалось, засасывавшей в себя весь городской квартал разом.

Серая цементная пыль поднималась все выше и выше, укрывая от постороннего взгляда творящееся в эпицентре сдвига. Мальчик чихнул. Еще и еще раз. Ткнулся лицом в чужую куртку, не зная, как иначе спрятаться от мелкой взвеси, проникающей в легкие, забивающей нос, покрывающей кожу толстым непроницаемым слоем. Но когда его, перехватив за запястья, начали вдруг опускать в какую-то яму, мальчик закричал, вложив в этот отчаянный крик все свое горе. Ноги сами нашли края канализационного люка, и, упершись в него крепче, мальчик с силой рванулся прочь. С младенчества внушаемый страх перед Уродами — мерзкими обитателями подземных пространств — был сильнее страха перед надвигающимся смещением.

Его тут же поймали другие руки. Мальчик вскинул взгляд и увидел человека в черной, отороченной серым мехом куртке. Воспоминания об окровавленных ладонях, сжимавших острый охотничий нож, захлестнули волной безотчетного ужаса. Вывернувшись с ловкостью хоря, мальчик проскользнул под рукою мужчины, готовый бежать прочь.

«Брось!» — крикнул кто-то, но тяжелая ладонь упала уже на плечо, с силой развернув обратно. Не удержавшись на ногах, мальчик рухнул оземь. Приподнимаясь на локтях, ладони были свезены в кровь, мальчик увидел, как с оглушительно громким гудением взметнулся позади столп пламени. Огонь, распространившийся под землей, искал путей наружу. С громкими хлопками пламя срывало крышки близлежащих канализационных люков. Не в силах сдержать рвущийся из груди крик, мальчик инстинктивно закрыл лицо руками и не видел, как потекли над асфальтом стремительно распространяющиеся волны пламени. Он только почувствовал, как схвативший его человек рухнул сверху, разом придавив всем своим весом. Это спасло ему жизнь. Волна огня прошла, лишь опалив руки и половину лица. Дикая боль принесла неожиданное облегчение. Мальчик легко отдался ей, позволив унести себя прочь от творящегося

вокруг кошмара. Нечеловечески кричали обожженные люди, с чудовищным грохотом рушились дома, слои реальности смещались, замещая один на другой. Там, где не успело еще осесть облако пыли и гари появлялись новые дома. Выныривали из ниоткуда мчащиеся на бешеной скорости автомобили, и люди гибли под их колесами. Ржа на глазах разъедала их блестящие корпуса. Сворачиваясь в трубочку, опадала лохмотьями краска. Раскаленные шины оставляли в асфальте длинные черные полосы. Непрекращающееся сотрясение пространства разрывало стены, пробегая трещинами по кирпичной кладке, заставляя осыпаться штукатурку, выбивая стекла из окон. Звон падающих осколков был подобен шуму дождя. Под этот шум — непрерывный и монотонный — мальчик медленно провалился в глубокий черный омут забытья.

Очнулся он утром, когда ставшая уже привычною тяжесть чужого тела вдруг пропала, оставив чудовищную боль в затекших ногах. Захотелось кричать, но обожженное пламенем, исцарапанное пылью горло издало лишь слабый хрип. Слезы сами хлынули из глаз, побежали, сплошным потоком, омывая свежие раны. Половина лица мальчика, там, где он не сумел защититься маленькими еще ладошками, была сожжена. На тыльной стороне ладоней зияла одна сплошная рана, но все-таки он был еще жив.

— Сукин сын, — прохрипел нашедший его человек. — Какой же ты удачливый сукин сын, Жженый! — И в его голосе мальчику послышалось неподдельное восхищение.

— Тогда погибла едва не треть банды, — Жженый смотрел мимо Дио, сквозь серое оконное стекло на поднимающееся над домами солнце. Лицо его разгладилось. Казалось, заново переживая прошлое, он успокаивался, примирялся с ним. — Скал потерял своих лучших бойцов, и меня оставили жить... Теперь, когда я вырос и знаю законы, по которым живут звери, мне кажется, что все пошло бы иначе, если бы я решился тогда отнять у собак кость... Отец бы увидел, что я готов драться, готов сам добывать себе пищу... увидел бы, что я уже не щенок, и мы вернулись бы в стаю, и ничего, ничего этого не случилось бы...

— Ты не можешь знать, — сказал Дио, понимая, что Жженый прав.

— Нет, Дио. — Грустная улыбка тронула губы Жженого. — Я знаю. Я струсил. Я всегда боялся. Я не умею, как ты. Я виноват.

Дио молчал. Рассказ Жженого бередил душу, будя какие-то давние, прочно забытые воспоминания. Крик Шуры, заставивший Дио вопреки здравому смыслу сорваться с места, ринуться на помощь, он тоже был как-то связан с ними. Но настойчивые попытки докопаться до прошлого отдавали болью в висок. Что-то в нем ожесточенно сопротивлялось этим попыткам. Дио подозревал, что это был страх. Страх узнать о себе нечто новое, нечто такое, с чем он не был готов встретиться...

— Так как же тебя звали раньше, Жженый? — спросил Дио, отчаявшись наконец сладить с собственными воспоминаниями.

— Я не помню, — ответил Жженый, и в его голосе Дио вдруг почудились едва сдерживаемые слезы. — Я не помню!

Глава 6

Жженый ушел вскоре после восхода солнца. Дио, полночи проведший в наблюдениях за городом, попробовал снова лечь, но острый, режущий голод не позволил сомкнуть глаз. Организм восстанавливался и требовал энергии. Рассчитывать на скорое возвращение Жженого не приходилось. Отправляться обратно, рискуя оказаться на улице одному после наступления темноты, было слишком опасно, а значит, Жженому на дорогу понадобится не меньше суток. Нужно было добывать пропитание самостоятельно. И Дио отправился исследовать здание. Он не тешил себя надеждами найти хоть что-нибудь на нижних этажах — те были давно разграблены, но ему казалось, что едва ли кто-то решился бы подниматься на самый верх высотки, и потому Дио решил искать там. Путь наверх отнял много времени и сил, едва не заставив Дио отказаться от предпринятого похода. Но возвращаться обратно ни с чем не хотелось. На каждом этаже Дио делал долгую остановку, скорым шагом обходил просторные помещения, но видел повсюду лишь следы мародеров. Когда-то те хорошо потрудились здесь: Дио видел полностью опустошенные комнаты, ободранные полы, лишенные мягкого коврового покрытия, следы проводки, с мясом выдранной из стен. Все, что хоть как-то могло быть пущено в дело и обрести вторую жизнь, было давно найдено и унесено прочь. К тридцать седьмому этажу у Дио начала кружиться голова, но он упрямо поднимался выше, и на последнем, сорок втором этаже его усилия были вознаграждены.

Он с трудом преодолел последний пролет. Прошел широким коридором мимо сомкнутых дверей лифта, пол перед которыми украшало стилизованное изображение раскрывшегося цветка, и толкнул приоткрытую дверь.

От увиденного захватило дух.

Остекленная галерея полукольцом охватывала последний этаж высотки. Широкие панорамные окна открывали вид на весь город. И это был не тот город, который знал Дио — серый, полуразрушенный, зияющий черными проплешинами выгоревших кварталов. Дио подошел ближе, упершись ладонями в стекло, прислонив к нему

горячий, воспаленный лоб. Сотней метров ниже привольно раскинулись светлые городские кварталы. По мосту, соединявшему противоположные берега городского пруда, сплошным потоком мчались автомобили. Просторные парки шелестели сочно-зеленой листвой. Ослепительно ярко горели отраженным солнцем золотые купола храмов.

Ладонь сама собою сжалась в кулак. Дио ударил в стекло. То даже не дрогнуло. Он ударил сильней. Еще, и еще раз. Стекло отзывалось глухим стуком. Закричав, он принялся бить, что есть силы, без остановки, пока черная пелена не застлала взгляд.

Очнулся он через несколько минут на полу. Сел, прислонившись к окну спиною. Этот вид благополучного, цветущего города выворачивал душу. Дио не мог смотреть туда. Он посмотрел на руки. Костяшки пальцев правой были разбиты в кровь. Он провел ладонью по лицу и почувствовал следы слез, но глаза его были уже сухи.

Пошатываясь, он поднялся на ноги. Прошел остекленной галереей, описав полукруг, толкнул другую дверь и спустился по короткой лесенке в огромную круглую комнату, занимавшую весь верхний этаж высотки. Здесь он испытал еще один шок. Это было крысиное гнездо. Место, где мародеры прятали все самое ценное, что только могли найти в городе. Вечные обитатели подвалов выбрали действительно неплохой тайник. Никто и представить себе не мог, что легендарные схронки нужно искать под самым небом.

Дио медленно обвел взглядом комнату. Манекены, хаотично расставленные по всему помещению, охраняли ровные штабеля картонных коробок. Выстроенные наподобие лабиринта, они составляли сложный узор, отдаленно напоминавший мозаичную картинку, выложенную перед дверями лифтов на каждом этаже здания. Невысокие, сложенные всего лишь в три яруса, они занимали зато все свободное пространство. Дио шагнул вперед, открыл ближайшую.

В ней хранились консервы. Отлично знакомые, стоящие баснословных денег серебристые жестянки. Упав на колени, Дио вынул из ножен нож. Ослабленные руки дрожали от голода. Ему стоило труда проткнуть тонкий металл крышки. Еще большего — сделать надрез. Когда удалось, наконец, отогнуть край жестянки, Дио увидел густую, молочного цвета жидкость. Он окунул в нее кончик ножа. Принюхался, но не услышал того тошнотворного запаха

разложения, что источало большинство консервов, которые ему случалось находить в развалинах. И тогда, невольно жмурясь от страха, он снял языком вязкую перламутровую капельку.

Это было невероятно вкусно.

Откинувшись на коробки так, что громоздкая конструкция покачнулась, едва не упав, Дио захохотал. Он смеялся, не прекращая. Едва затихал один приступ, волною накатывал следующий. Нечеловеческое усилие воли понадобилось на то, чтоб прекратить это. Дио встал. Отставил банку в сторону и прошел к видневшейся неподалеку раковине. Естественно, в кранах не было никакой воды, но слив работал исправно, и Дио, сняв с пояса флягу, умылся. Немного придя в себя, осмотрел прилегающее пространство. Этот участок комнаты, очевидно, когда-то служил кухней. В подвесных шкафчиках с прозрачными дверками в неприкосновенности сохранилась посуда. Дио приподнял одну дверку — та подалась с трудом — вынул тарелку из стопки. Поставил на столешницу рядом. Вернувшись к коробке, забрал открытую банку и прихватил еще несколько из коробок, стоявших рядом. Разместившись на высоком табурете, он встряхнул консервы, прислушиваясь, затем вскрыл еще две.

Скоро на его тарелке красовалась горка крупных черных ягод и куски желированного мяса. Это была странная еда, но она утоляла голод. Дио ел, прихлебывая из стакана разбавленное водою сладкое молочко и неспешно обдумывал ситуацию. С каждой минутой к нему возвращались самообладание и ясность мысли. Он тихо радовался, что никто не видел его слабости, одновременно досадуя на себя за потерянную выдержку.

Свежие консервы и отсутствие толстого слоя пыли на мебели убедили Дио в том, что место это не было забыто или заброшено. А значит, он рисковал, задерживаясь здесь. Доев, он спрятал тарелку обратно в шкафчик, надеясь, что никто не заглянет туда еще ближайшие пару десятков лет. Затем он принялся осматривать тайник более пристально.

Все коробки были тщательно рассортированы и выстроены согласно некой системе. Очень скоро Дио понял, что этот своеобразный лабиринт разделен на сектора, каждый из которых находится под охраной своего манекена. Он нашел одежду, еду, инструменты, оружие, лекарства и многое-многое другое. Глаза

разбегались от невиданного разнообразия вещей, но, повертев в руках пистолет, Дио положил его на место. Не слишком надежная вещь в тех частях города, по которым кочует банда. Ножи привлекли его больше. Хотелось забрать их все, но он выбрал один, тот, что напоминал его собственный, снятый когда-то с тела убитого им зверя, нож. Простой, без изысков, с удобной рукоятью и кованым стальным лезвием. Дио просто отложил его в сторону, понимая, что к новому оружию придется долго привыкать и нельзя просто так нацепить его на пояс и начать пользоваться.

Он нашел себе тонкий шерстяной свитер, теплый и не сковывающий движений. Хорошую кожаную куртку с меховой подстежкой. Новые ботинки он, так же как и нож, отложил отдельно. К ним бросил пару зимних перчаток. Коробки с лекарствами Дио оставил нетронутыми. Названия на упаковках не говорили ему ничего. Бросив взгляд на блестящие блистеры, Дио спросил себя, а знает ли Тесак, что хранится практически у него над головою? Этот вопрос не занял его надолго. Он не собирался брать что-то сверх необходимого или возвращаться сюда снова. Это место угнетало его. Отсюда он видел то, к чему не в силах был прикоснуться.

Ни одна из найденных сумок не показалась ему достаточно удобной, чтобы носить ее постоянно с собой, и поэтому он просто выбрал ту, что подошла по размерам. Сложив все отобранные вещи в нее, и добавив несколько банок консервов, Дио окинул комнату прощальным взглядом и поспешил уйти, избегая смотреть в сторону панорамных окон.

Спускаться вниз было не в пример легче, чем подниматься наверх. До своего этажа он добрался в считанные минуты. Понимая, что Жженый будет искать его здесь, а делать в здании ему больше нечего, Дио бросил сумку в одной из комнат, и, улегшись на нее головой, застегнул новую куртку до подбородка. Найденная еда вернула ему силы. Но теперь его клонило в сон. Он отключился, стоило только закрыть глаза.

Далеко за полночь его разбудил громкий хлопок, похожий на приглушенный расстоянием звук выстрела. Дио сел на полу, разом сбросив с себя сон. Огнестрельное оружие не было такой уж редкостью на улицах города, но стреляли в здании. Дио сидел, чуть прикрыв веки и напряженно вслушиваясь. Второй выстрел раздался

меньше, чем через минуту. Стреляли в подвальном этаже у Тесака. Искаженный звук долетал по шахте лифта. Подхватив сумку, Дио бросился прочь из комнаты. Выбежав на лестницу, замер, ожидая, когда глаза привыкнут к практически полной темноте. Ничто не нарушало тишины ночного города. Шагнув к дверям одного из четырех лифтов, Дио приложил ухо к прохладной металлической створке, но ничего не услышал.

Развернувшись, он побежал вниз по ступеням. Ни единой минуты он не считал найденное Жженым убежище по-настоящему безопасным. По-настоящему безопасных мест в городе попросту не существовало. Но были негласные правила. Были люди, которые считались неприкосновенными, которые приносили пользу. Тесак был таким человеком. Дио хотел знать, кому помешал лучший мясник города, и не связано ли произошедшее с их маленьким совместным бизнесом. Предчувствием беды в нем зрела уверенность: чужаки, пришедшие в город, начали устанавливать в нем свои правила, каждым своим шагом нарушая порядок, утвержденный самим временем. Дио чувствовал, как в нем растет, не находя выхода, глухое раздражение, еле сдерживаемая злость. Злость на Скала, взявшегося служить этим людям.

Спустившись до третьего этажа, Дио стал передвигаться гораздо медленнее и осторожнее. Он избавился от неудобной сумки, спрятав и ее, и новую, поскрипывающую еще не разношенной кожей куртку в одном из воздуховодов. В последнюю секунду, не выдержав, он дернул молнию и вынул найденный нож. Со всем остальным он легко бы расстался, но потерять хорошее оружие было действительно жаль. Закрепив ножны на поясе, Дио долго стоял на площадке перед лифтами — ему чудились приглушенные звуки, доносящиеся снизу. Наконец, ладонями он приоткрыл дверцы одного. Звуки мгновенно стали четче. А где-то на уровне первого этажа сквозь точно так же распахнутые двери лифта падал, освещая одну из стен лифтовой шахты, слабый, рассеянный свет. Решение было спонтанным. Протиснувшись в узкую щель меж смыкающимися створами, Дио ухватился за один из кабелей в стене шахты, поставил ногу на перекладину, отходящую от ведущего рельса. Узкие перекладины не давали достаточной опоры ноге, чтобы стать на них полностью, но все же позволяли медленно продвигаться вниз по шахте лифта.

В вестибюле первого этажа кто-то был.

Звуки, доносившиеся оттуда, мог бы издавать крупный зверь. Но Дио уже слышал подобное раньше. Он почувствовал, как зашевелились волосы на руках и затылке. Ноги тем временем сами нашли очередную планку. Подталкиваемый непреодолимым желанием убедиться в своей догадке, увидеть происходящее собственными глазами, он спускался все ниже, боясь, что уроды уйдут раньше, чем он доберется до полураскрытых дверей на первом этаже.

Они не ушли. Рискуя быть обнаруженным, и не имея сил преодолеть болезненное любопытство, с каким порою смотрят на сумасшедших и калек, Дио вынул из кармана обрезок тонкой и прочной бечевки. Затянул узел, закрепив одним концом за толстое переплетение проводов в боковой стене шахты, и, намотав другой конец на кулак, начал медленно стравливать, балансируя на носках.

Запоздало подумалось, что неплохо бы было разуться перед тем, как лезть вниз. А потом все мысли разом вылетели у него из головы: в вестибюле стояли уроды.

Огромный, перекрученный узлами мышц танк возвышался, едва не задевая макушкой высокий потолок. Маленькая голова медленно поворачивалась на бычьей шее. Пудовый кулак сжимал кожаный поводок. Рядом, опустившись на все четыре конечности, раздувала широкие ноздри чувствительного носа ищейка. Дио не раз видел танков — воинов, выращенных специально для боя. Ему доводилось даже убивать их, хотя это и было почти так же сложно, как убить тварь. Но вот с ищейками он сталкивался впервые. Существо это лишь отдаленно напоминало человека.

Ноги, специально деформированные так, чтоб человек мог бегать, помогая себе руками. Глаза и уши, закрытые сплошной, непроницаемой маской. У костров рассказывали, будто ищейкам вырывали язык, чтобы нюх стал единственным их проводником в этом мире. Эти истории всегда казались Дио страшной выдумкой, но теперь он был готов в них поверить. Пальцы на руках существа были коротко подрублены...

Танк чуть дернул поводок, и существо у его ног, рожденное когда-то человеком, заскулило, словно пес. Дио забыл, что хотел всего лишь бросить быстрый взгляд на происходящее. Тонкий жгут все сильнее и сильнее врезался в ладонь, но Дио, казалось, не чувствовал боли.

Завороженный, он следил за тем, как нечеловечески ищейка поводит слепой головой. Как перебирает тем, что когда-то было руками, не решаясь, куда двигаться дальше. Танк дергал поводок в нетерпении. Наконец, ищейка стронулась с места. Двигаясь так, как никогда не смог бы двигаться ни один нормальный человек, она повлекла своего хозяина к одной из лестниц, и Дио догадывался, чей след она взяла. За последние дни здесь проходил только Жженый.

Медленно и осторожно подтянувшись, Дио вновь схватился свободной рукой за переплетение лифтовых кабелей. Ладонь другой руки горела. Шнур врезался в плоть, оставив после себя длинные синие полосы. Сунув бечёвку в карман, Дио принялся разрабатывать онемевшую кисть.

Если к Тесаку пришли уроды, значит, Тесак был уже мертв. Все сразу встало на свои места. Выстрелы, которые слышал Дио, и которые он приписал схарматам, охотно и часто демонстрировавшим огнестрельное оружие на улицах города... Это стрелял Тесак, и выстрелов было всего лишь два. Но чем Тесак мог помешать банде уродов?

Вот уже много лет те контролировали центральные районы города, и никто не мог составить им там конкуренции. Пользуясь сетью подземных железных дорог, они могли быстро перебрасывать свои силы из одного района города в другой. Судя по тому, с какой скоростью уроды реагировали на внезапно возникавшие угрозы, у них был и какой-то способ мгновенной связи. По слухам они контролировали практически все подземные коммуникации города, и никто не спешил проверить эти слухи. Только тварей мастера Лека в городе боялись больше и то лишь потому, что уроды были древним, ставшим уже привычным ужасом. Маленьких детей пугали рассказами о банде уродов. Каждый знал жуткие истории о похищенных и превращенных в чудовища младенцах. Но даже для уродов существовали те негласные правила, по которым жил весь город. Даже уроды никогда раньше не трогали мясников.

Дио ждал возвращения уродов, спрашивая себя: возьмет ли ищейка его след, станет ли танк подниматься на последний этаж, найдут ли его самого в этом ненадежном, больше похожем на ловушку укрытии... Ноги, опиравшиеся на тонкие перекладины, затекали, и приходилось постоянно переносить вес с одной ступни на другую.

Хотелось выбраться наружу, поскорей покинуть не только осточертевшую лифтовую шахту, но и само здание. Ночной город теперь казался ему гораздо более безопасным местом, и только мысль о Жженом не давала стронуться с места. Дио потерял счет времени. И когда забрезжило неяркое еще утреннее солнце, Дио решился, наконец, выбраться наружу. Покинуть лифтовую шахту было проще, чем проникнуть в нее. Дио просто прыгнул в приоткрытый створ дверей, и, упав на пол, тут же перекатился дальше, под длинную стойку, отделявшую небольшую часть вестибюля у ближней стены. Там он, шипя от боли, чуть ослабил шнуровку ботинок, пошевелил затекшими от многочасового стояния пальцами ног.

Тишина в здании казалась абсолютной. Хотелось верить, что уроды уже ушли. Из своего укрытия Дио мог наблюдать и просторный холл, и выход к лестницам, и даже часть улицы за разбитыми окнами. Свежий ветер с озера навевал прохладу, остужал покрытый испариной лоб. Вслушиваясь до звона в ушах, Дио ждал неестественно-частого, убыстренного дыхания ищейки, тяжелой поступи танка, но вокруг было тихо. Рассветало. Утро медленно наползало на город, обнажая его убожество. Выбелило стены домов, резче обозначив пробегавшие в них трещины и черные провалы пустых окон. Заглянуло в самые темные уголки, обнажив горы сваленного там мусора. Неестественно пустынная улица не подавала признаков жизни. Дио чувствовал, что сегодня этот район действительно покинут всеми. Наверняка не он один стал свидетелем ночного происшествия, а слухи в городе разлетаются очень быстро.

Жженый появился незадолго до полудня. Дио, утомленный полуночным бдением, даже не заметил его появления. Жженый сам дал знать о себе. Камушек, метко пущенный пращником, с громким звоном отскочил от металлической таблички, украшавшей стену рядом с входом в здание. Дио вздрогнул. Оглядел обозримое пространство, но никого не увидел. Выждал достаточно, чтоб убедиться, сигнал Жженого не привлек больше ничьего внимания.

Нужно было выбираться из здания. Центральный выход казался слишком открытым, но поиск обходных путей грозил внезапным столкновением с уродами. Бросив последний взгляд на лестницу, Дио, пригнувшись, пробежал к противоположному концу стойки. Открылась другая часть вестибюля, в дальнем конце которого широкие

двери вели к служебным помещениям, к спуску в подвальные этажи, к подземной парковке, к логову Тесака, еще недавно казавшемуся неприступным. Из-за дверей не доносилась ни звука. Наконец, Дио решился. Выскользнув прямо сквозь оконный проем, он быстро пересек открытое пространство. Добежав до остова автомобиля, одиноко стоявшего на пустой парковке, Дио окинул взглядом покинутое здание. В пустых проемах выбитых окон дремали стайки сизокрылых голубей. Неестественная тишина разливалась вокруг. Слышно было, как бьют крыльями скатывающиеся с крутых карнизов птицы, да царапают по металлу когти. Дио охватило странное ощущение постороннего взгляда, пристально следящего каждое его движение. Возникло непреодолимое желание спрятаться, скрыться от навязчивого внимания. Пришлось приложить усилие, чтобы преодолеть это гнетущее ощущение постоянной слежки.

Пообещав себе никогда больше не возвращаться сюда, Дио ринулся в переплетения улиц, надеясь затеряться там.

Через несколько кварталов Жженый нагнал его. Не сговариваясь, они свернули к ближайшей подворотне. Арочный проход меж домами надежно скрыл их с глаз в своей глубокой тени, одновременно позволив просматривать улицу на всем ее протяжении.

— Что с Тесаком? — спросил Жженый, подтверждая догадку Дио. Весть о ночном происшествии распространилась по городу моментально.

— Я не видел, — ответил Дио, вынимая из рук Жженого принесенную им куртку. Мягкая кожа поношенной уже вещи не сковывала движений и практически не ощущалась на теле. — Я слышал два выстрела, и там были уроды. Это все, что я могу рассказать.

— Уроды? — в голосе Жженого сквозило явное недоверие. — Что такого сделал уродам Тесак?

— Я не спрашивал, — огрызнулся Дио зло.

— Дио. — Что-то в голосе Жженого заставило Дио внимательно посмотреть тому в глаза. — Мясники считают, что Тесака убил ты...

— Что?! — Дио не мог поверить собственным ушам.

— Они явились утром. Целой толпой. — Жженый говорил запинаясь. — Потребовали, чтобы Скал выдал тебя им.

— И что Скал? — спросил Дио тихо, едва сдерживая рвущуюся наружу ярость.

— Расхохотался им в лицо. Но он зол на тебя, Дио. И он хочет тебя видеть...

— Идем. — Развернувшись, Дио решительно шагнул из под арки.

— Стой! — Жженый нагнал его в два шага. — Это после.

— После чего? — спросил Дио.

— После облавы на крыс. Скал заключил договор со схарматами. Мы должны отловить им с полсотни крыс. Мужчины, женщины, дети — все равно. За всех обещана одна цена. Большое гнездо в центре города, неподалеку отсюда. К полудню мы должны быть там.

— Дурная затея, — пробормотал Дио, проверяя, насколько легко выходит из ножен нож.

Глава 7

Район, занимаемый крысами, действительно находился неподалеку, но чтобы добраться туда вовремя, пришлось бежать бегом. Мост через городской пруд мог бы вчетверо сократить путь, но он никогда не был целым. Рухнувший центральный пролет покоился на самом дне, каждое лето зарастая бурыми водорослями. Только теперь Дио обратил внимание на резиновую дубинку, болтавшуюся у Жженого на бедре. Та била его по ногам, и он всё пытался придерживать ее ладонью, но бежать так все время было неудобно.

— Это еще что? — спросил Дио Жженого, когда они в очередной раз притормозили, остановленные завалами рухнувшего дома.

— Это дали схарматы. Тебе тоже найдется. Чтобы брать добычу живьем, не попортив, — отвечал Жженый, взбегая по куче строительного мусора прямо на второй этаж полуразрушенного здания.

— Чем плоха твоя праща? — спросил Дио, осторожно переступая с бетонной балки на деревянное покрытие пола. Доски неприятно заскрипели под ногами.

— Как по мне, так ничем. — Жженый отвечал короткими рубленными фразами, весь сосредоточенный на продвижении вперед. Они шли медленно, с опаской. Пол в любую минуту мог провалиться под ногами, стены рухнуть, но иначе им пришлось бы обходить развалины, заложив широкий крюк в пару кварталов. — Но если дали, отчего бы не взять?

— Выброс эту штуку, — посоветовал Дио, перепрыгивая через дыру в полу. Жженый оглянулся удивленно. — Выброс, — повторил Дио. — Ты не умеешь ей пользоваться. Она будет только мешать.

Жженый в сомнении тронул черную рукоять. Дио живо представил себе, как удобно она должна ложиться в руку, и как жаль было бы расставаться с подобною вещью. Вспомнились новые, неразношенные ботинки, которые он вынужден был оставить в тайнике. Здесь и сейчас новая обувь могла стоить ему подвернутой ноги, а может быть и жизни. Противоположная стена дома уцелела, и им пришлось прыгать в замусоренный двор с высоты второго этажа.

Уйдя из прыжка в перекат, они, ни на минуту не задерживаясь, ринулись дальше. Надо было наверстывать время, упущенное в завалах.

Уходя от широких проспектов в сложные переплетения узких улочек, они старались держаться тени, пробегали дворами, срезая углы, но избегали подходить слишком близко к зданиям. Не бойцы по натуре, крысы любили расставлять ловушки в местах своего обитания. Те не только могли причинить вред, но и предупреждали мародеров о приближении опасности. Объявлять о своем присутствии заранее не хотелось.

Чем дальше уходили они от высоток, тем чаще останавливался и оглядывался Жженый. Наконец, увидев то, что искал, он молча дал знак следовать за собой в некотором отдалении. Дио послушно поотстал. Через минуту он и сам увидел то, что высматривал Жженый — посты губителей, стерегущие подходы к точке сбора. Их можно было бы не заметить, если не знать, что искать. Шкаф с зеркальной дверцей, наполовину перегородивший один из оконных проемов, лист жести, загнувшийся так, чтобы прикрыть чердачное окошко. Готовилась большая охота. Непривычные к роли загонщиков, губители изменили своей привычной тактике — прочесывать развалины редким гребнем, оставляя мародерам шанс на спасение. Если обычно для облавы на крыс хватало десятка опытных стервятников, то теперь Скал стянул к гнездам едва ли не треть банды.

Дио нервничал. Крысы, позволявшие беспрепятственно разорять свои гнезда, могли повести себя абсолютно непредсказуемо, если под угрозой окажется их жизнь и свобода. Дио не хотел бы на собственной шкуре узнать, на что способны загнанные в угол мародеры.

До точки сбора удалось добраться буквально за четверть часа до назначенного срока. Стервятники, занявшие укрытый от посторонних глаз дворик, разбившись на группы по двое, планировали облаву. Крысы привычно оккупировали нижние этажи невысокого, но занимающего огромную территорию здания. На деревянном столике, установленном в беседке посреди двора, пришпиленная ножами, трепыхалась на ветру большая карта помещений первого этажа, позаимствованная разведчиками из холла. Игорь, доверенный человек и правая рука Скала, вооружившись огрызком карандаша, вносил исправления в схему.

— Здесь стена обвалена, прохода нет, охранение можно не выставлять, зато вот тут, — стервятник склонился, отчеркивая

короткую жирную линию, — большой пролом, ведущий наружу. Нужно закрыть.

Жженый первым вошел в беседку, кивком поприветствовав банду, и Дио всей кожей ощутил внимание, обратившееся вдруг на него. Игорь вскинул взгляд, почувствовав, что его не слушают больше. Дио стал у входа, привалившись плечом к ржавой трубе, поддерживавшей крышу беседки. Захотелось скрестить руки на груди. Усилием воли Дио завел их за спину. Сцепил пальцы в замок, услышав, как хрустнули суставы. Карандаш качнулся, стукнув по бумаге. Игорь прочистил горло.

— Два кольца, — продолжил он, чуть снизив тон, и головы всех присутствовавших мгновенно повернулись в его сторону, — этого будет достаточно. — Ударная группа войдет внутрь обычным порядком. Если крысы поймут, что мы пришли за ними, они могут попытаться организовать оборону. Нам это не нужно. Остальные работают в оцеплении. Помните, нам нужно как можно больше живых крыс. Посты по периметру подчистят то, что пропустит второе кольцо, но хотелось бы, чтоб зачищать было нечего. Работаем чисто.

Дио скользил взглядом по лицам. У доброй половины стервятников на шее вместо привычного платка болталась дыхательная маска, руки сжимали черные резиновые дубинки. Что бы ни рассчитывали получить схарматы по результатам облавы, они не пожалели средств на экипировку исполнителей. Предстоящая охота вызывала смутное чувство тревоги, и стоило труда убедить себя в том, что это странное, зудящее ощущение подкрадывающейся опасности — результат бессонно проведенной ночи, истощения и усталости. Обострившиеся до предела чувства доносили каждый вздох, малейшее дуновение ветерка, поскрипывание песка под подошвами тяжелых ботинок, терпкий запах сорной травы и вонь застоявшейся в подвалах воды. Глаз различал, как крошится карандашный грифель, оставляя на бумаге мелкие черные точки. Воздух на периферии зрения дрожал. Казалось, за металлическим ограждением беседки серыми призраками ходят люди, по площадке, крича, бегают дети...

Дио вздрогнул, когда кто-то стукнул его по плечу. Жженый стоял рядом, протягивая резиновую дубинку. Дио взял ее машинально, оглянулся, потирая ноющий висок. Игорь выдергивал ножи, чтобы свернуть и спрятать ненужную уже карту. Стервятники расходились, спеша каждый занять свою позицию.

— Мы во втором кольце, — сказал Жженый, — контролируем главный выход в левом крыле.

Дио кивнул рассеянно. Взглянул на дубинку в своих руках. Та выглядела и ощущалась чужеродно.

— Отдай нож, Дио.

— Что? — Дио вскинул взгляд. Игорь смотрел на него в упор.

— Нож, Дио, — повторил Игорь буднично, будто в просьбе его не было ничего необычного. За спиной его стояли двое из охраны Скала. Дио мгновенно оценил их жесткий прищур и напряженные позы. — Отдай мне свой нож. Нам не нужны горы трупов.

Двигаясь словно во сне, Дио откинул полу куртки, вынул нож из ножен. Оружие, добытое в бою. Нож, с которым многие годы не расставался ни на секунду. Взявшись за лезвие, подал рукоятью вперед.

— Заберешь после, — сказал Игорь, передавая нож одному из сопровождающих. Тот взвесил рукоять в руке, будто примериваясь, оценивая баланс, но заметив пристальный взгляд Дио, поспешил бросить нож в сумку, которую второй держал наготове. Сталь звякнула, ударившись о сталь. Сумка была полна. «Что происходит?» — вопрос рвался с губ, и стоило труда сдержаться, не задать его в лоб. Развернувшись, Игорь пошел прочь.

— Будь рядом, Жженый, — шепнул Дио, — и не лезь на рожон.

— Что? — спросил Жженый обеспокоенно.

— Еще не знаю, — ответил Дио, оглядывая ярко-голубое небо с бегущими по нему облачками, — но у меня дурные предчувствия...

Выйдя, наконец, из ступора, Дио понял, что все еще сжимает в руке дубинку. Черная пелена застлала взгляд. Размахнувшись, он послал ее по широкой дуге вверх. Перелетев пол двора, она упала на козырек ближайшего подъезда, покатилась, гремя осколками стекол, и с громким стуком канула в пустом оконном проеме. Игорь оглянулся через плечо, и Дио, не сдерживаясь, сплюнул под ноги. Усмехнувшись криво, Игорь покрутил у виска пальцем.

— Я говорил тебе, что ты псих? — спросил Жженный, провожая взглядом удаляющихся стервятников.

— Я говорил тебе выкинуть эту хрень?

Злость, поднявшаяся волной, очистила разум. Наслаждаясь кристальной ясностью сознания, Дио тронул Жженого за рукав и скорым шагом поспешил вон из двора. Они молча прошли меж двух

плотно притиснутых друг к другу пятиэтажек, остановились в тени трансформаторной будки. Улица впереди выглядела заброшенной и пустынной. Трава пробивалась сквозь растрескавшийся асфальт. Дальше, за покосившимся бетонным забором, виднелись длинные, серые корпуса здания. Неправильной формы строение пестрело обрывками разноцветных плакатов. Полоскались на ветру выгоревшие на солнце полотнища. Дио знал, как хорошо просматривается окружающее пространство из-за такого рода укрытий, и как хорошо они прячут самого наблюдателя. Но странное чувство, преследовавшее Дио у логова Тесака в ночь его смерти, не возвращалось больше. Дио знал: улица полна внимательных глаз, зорко следящих каждое дуновение ветерка. Группы стервятников, выдвинувшихся на позиции, просматривают улицы, контролируя пути отхода. Там, невидимый за белесой полоской ткани, может скрываться дозор мародеров. Каждый из глядящих на площадь домов мог оказаться временным пристанищем случайного свидетеля... И это было нормально. Таков был привычный порядок. Дио медленно выдохнул, окончательно успокаиваясь.

Жженый тронул рукав, кивнул, указывая кратчайший путь к зданию. Проследив его взгляд, Дио кивнул в ответ, бросил взгляд на запястье. Стрелки часов стояли как вкопанные: зона была стабильна. Заведя руку за спину, Дио вынул из-за пояса новый, найденный в крысином логове, нож. Жженый удивленно вскинул брови. Протянул раскрытую ладонь, и Дио неохотно вложил в нее оружие.

Тронув ногтем лезвие, сделав пробный замах, Жженый молча показал большой палец, и Дио почувствовал невольную досаду. Снимая с пояса старые ножны, он думал о том, что никогда уже не наденет их снова.

Жженый первым стронулся с места. Прошел по-над стеной трансформаторной будки до угла, осмотрел улицу и коротким, точным рывком пересек открытое пространство. Присел в густой траве, выбивающейся из-под забора. Дио следил его движение до тех пор, пока он не скрылся в широком проломе, ведущем на территорию комплекса, и после сам повторил тот же путь.

В зарослях бурьяна стрекотали сверчки, прыгали со стебля на стебель длинноногие кузнечики. Непривычное жаркое для начала осени солнце нагрело яркую, сочную зелень. Где-то в вышине заливались трелями невидимые жаворонки. Прикрыв глаза, Дио втянул ноздрями

терпкий, настоянный на травах воздух. Закружилась голова. Захотелось опрокинуться навзничь, зарывшись лицом в душистую землю и заснуть так, не думая ни о чем...

Выдохнув шумно, Дио еще раз оглядел пустынную улицу, потом заглянул сквозь пролом в заборе. Жженого уже нигде не было видно. Взявшись за торчащую из бетонного основания арматуру, Дио чуть отогнул ее в сторону. В случае экстренного отступления зацепившаяся за одежду железка могла стоить не только времени, но и жизни. Лишь убрав препятствие, Дио нырнул в освободившийся проем. Наполовину ослепленный бьющим прямо в глаза солнцем, бросился туда, где должен был ждать его Жженый.

Внутри здание выглядело гораздо более запущенным, чем снаружи. Стеклянная крыша осыпалась, открыв центральные помещения первого этажа всем ветрам и стихиям. Декоративная зелень, оформлявшая некогда длинные коридоры, буйно разрослась, превратившись в непроходимые джунгли. Толстые корни, пробив тесноту деревянных кадок, цеплялись за пол, кроша и ломая керамическую плитку. Непросохшие лужи, оставшиеся после последних ливней, зацвели и распространяли тяжкий гнилостный запах. Чтобы хоть как-то перебить удушающую вонь, Дио натянул на нос шейный платок. Респиратор на лице Жженого придавал ему странное сходство с мародерами. Сходство это вызывало невольное отторжение.

Дио оглянулся на широкую арку центрального входа. Только что покинутая улица по сравнению с прохладным сумраком помещений казалась иссушенной и выбеленной. Кирпичные стены отсекли уличные шумы: шелест листьев и звон жаворонков. Тишина давила на уши. Где-то на галерее третьего этажа шуршал колышимый ветром полиэтилен, и этот звук отчеркивал всеобщее безмолвие. Жженый вертел в руках резиновую дубинку, Дио обнаружил, что пальцы его сами нашли и сжали рукоятку ножа.

Когда глухой взрыв сотряс здание, отозвавшись дребезжанием в немногих уцелевших стеклах, Дио почувствовал привычный азарт. Охота началась. Приглушенные расстоянием, искаженные лабиринтами переходов и лестниц, из подвальных этажей доносились полные боли и ужаса крики. Губители, уподобившись своему богу, шли, сея хаос и разрушение. Дио взглянул в глаза Жженого и увидел в них отражение

собственных чувств. Не сговариваясь, они разбежались по разные стороны широкого коридора. Став за колонной, Дио слушал шум борьбы, терпеливо ожидая первую жертву. Та не заставила ждать себя долго. Крики усилились, перейдя в визг. Раздался грохот бьющегося стекла, и из-за поворота, оскальзываясь и на гладкой плитке пола и едва не падая, прямо на них помчался человек в маске. Дио видел его отражение в алюминиевых конструкциях, украшавших центральный вход здания.

Дождавшись, пока бежавший поравняется с колонной, Дио шагнул в сторону, преграждая путь. Схватив за одежду, он резко рванул на себя и, лишь перекинув жертву через колено, увидел залитое кровью лицо стервятника.

— Уроды, — прохрипел тот, стягивая маску. Его губы были разбиты в кашу. Все еще не выпуская ворот рубахи, Дио поднял взгляд, проследив кровавую цепочку следов, протянувшуюся по всей длине коридора.

Пальцы разжались, и стервятник с тихим стоном откинулся на спину. Его глаза закатывались. Удар, поваливший его наземь, оказался слишком силен. Жженый стоял рядом, сжимая в руках свою резиновую дубинку.

— Я говорил тебе? — пробормотал Дио с каким-то мрачным удовлетворением выдирая дубинку из вялых пальцев Жженого и сам не вполне отдавая себе отчет, что именно он имеет в виду. Внезапное появление Уродов, или свой приказ выбросить бесполезную вещь.

Жженый безропотно отдал свое единственное оружие. Взгляд его был полон безотчетного ужаса. На секунду Дио почувствовал что-то похожее на жалость и, повинуясь этому внезапному импульсу, выдохнул:

— Беги!

Жженый посмотрел прямо, и Дио увидел в его глазах проблеск мысли.

— Да пошел ты, — ответил он, невольно копируя Дио, и тот ухмыльнулся, узнав собственные интонации.

Хлопнув Жженого по плечу, Дио присел, скоро обшарив впавшего в беспамятство стервятника. Прощупал пояс, провел руками по штанинам, похлопал по карманам куртки, но не нашел ни ножа, ни кастета, ни рояльной струны. Подхватив под мышки, Дио приподнял

тело. Жженый с готовностью сграбастал лодыжки. Вдвоем они легко отволокли стервятника в сторону, спрятав в одном из боковых помещений за небольшим прилавком.

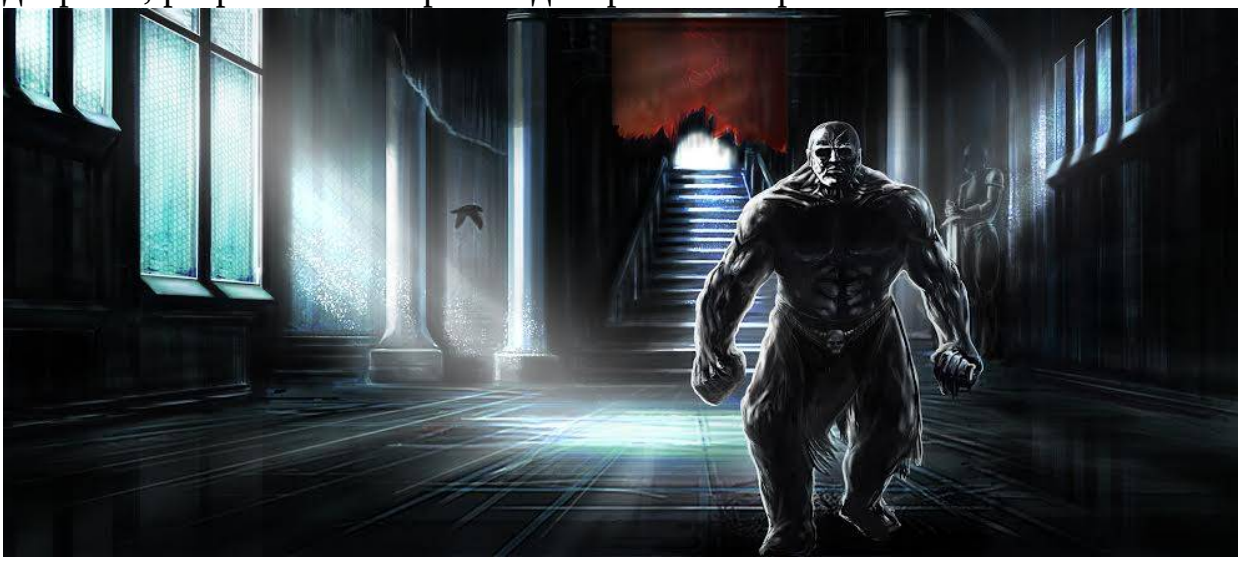
Глядя на широкую лужу крови, черневшую посреди коридора, на четкую цепочку влажных следов, протянувшуюся прямо к их импровизированному укрытию, Дио покачал головой. Жженый перехватил его взгляд. Стервятник был обречен, и они оба знали это. Было слышно, как по коридору в их сторону движется танк. Тяжело топали, с треском давя стекло и керамическую крошку, гигантские ступни. Дыхание со свистом вырывалось из нечеловечески мощных легких, снабжавших кислородом массивное тело.

Боевая машина уродов, выращенная так, чтобы стать практически неуязвимой. Бычья шея, способная противостоять любой удавке, переплетения мышц, надежно защищающие жизненно важные органы, сила, способная крушить камень... Дио спрашивал себя, каковы их собственные шансы. Даже нож не всегда мог пробить толстую кожу танка, а у Жженого и вовсе не было никакого оружия. Скорость и маневренность оставались единственным их преимуществом, но Дио прекрасно понимал, если это ловушка, то кроме танков их могут поджидать и другие уроды. Более быстрые, ловкие и почти такие же смертоносные. Уходить следовало по возможности тихо.

Не раздумывая больше и не дожидаясь, пока танк подойдет достаточно близко, чтобы увидеть их, Дио вспрыгнул на стойку. Непрочная конструкция задрожала под его весом, и Жженый поднялся, чтоб придержать ее. Вентиляционный короб тянулся по-над самым потолком у дальней стены комнаты. При всем желании Дио не мог бы добраться до него. Но потолок, как он и предполагал, был подвесным и оставлял достаточно пространства, чтобы попытаться укрыться там. Дио ударил, выбивая одну из секций, надеясь, что плотный кожаный шлем, закрывающий маленькую голову танка, его собственное шумное дыхание, не дадут тому расслышать звук.

Танк расслышал. Замерла тяжелая поступь, и Дио тоже замер, вслушиваясь в шум, похожий на работу кузнечных мехов. Минуты тянулись в томительном ожидании. Дио представлял себе, как стоит посреди пустынного коридора над цепочкой кровавых следов танк. Неспособный вертеть перекаченной шеей, поворачивается всем

корпусом, оглядывая голые стены, полутемные залы за прозрачными дверьми, разросшиеся заросли декоративных растений....



Внезапно раздавшийся хрип заставил Дио вздрогнуть. Хрипел раненый стервятник. Жженый вскинул испуганный взгляд. Танк стронулся с места. В коридоре снова послышались его размеренные шаги, и теперь он приближался к ним, точно зная, где находится его цель. Ухватившись ладонями за несущие конструкции потолка, и надеясь, что они выдержат его вес, Дио подпрыгнул, подтянувшись на руках, и перебросил тело в узкое тесное пространство, заполненное переплетением проводов. Именно эта паутина проложенных в беспорядке кабелей удержала конструкцию от обрушения. Почувствовав, как трещит под его весом несущий профиль, Дио вцепился в ближайшее сплетение кабелей, перенося на него основную нагрузку. Закрепившись, он посмотрел вниз и встретился взглядом со Жженым. Тот стоял уже на стойке, заглядывая в проделанную Дио дыру. Этого взгляда Дио хватило, чтобы понять: Жженый не полезет за ним.

Развернувшись, тот спрыгнул на пол. Сжался за стойкой, рядом с хрипящим в предсмертной агонии стервятником. Дио скрипнул зубами. Убедившись, что прочно зафиксирован, высвободил одну руку и достал из-за пояса нож. Сквозь дыру в потолке он мог теперь видеть лишь то, что творилось прямо под ним. Но удар, ломающий гипсокартонные перекрытия, подсказал: танк уже рядом и расширяет узкий для его громоздкой туши проход. Дио видел белесую пыль и летящие во все стороны осколки. Видел, как невольно, всем телом вздрагивает от

каждого удара Жженый. Лишенная одной из опор, несущая конструкция подвесного потолка вновь задрожала, ощутимо, пугающе прогибаясь. Дио казалось, что металл стонет под ним. Через минуту, он увидел неестественно-маленькую голову танка, сидящую на непомерно широких плечах. Урод не умел смотреть вверх.

Расслабившись, Дио упал на перекрытия всем своим весом, позволив им, наконец, обрушиться вниз. Танк взревел. Удар могучей руки отбросил Дио в стену. Нож, чужой, непривычный нож, выскользнул из пальцев, покатившись прочь по гладкой плитке пола. Затылок ударился об острый выступ, кровь, обжигая, побежала по шее, вмиг пропитав воротник рубашки. «Беги!», хотел крикнуть Дио, глядя как Жженый появляется из-за стойки и, используя ее как ступеньку, прыгает на спину танка. Губы шевельнулись, не издав и звука. Осколок алюминиевого профиля блеснул в кулаке Жженого, и тот нанес удар по глазам танка. Вой урода заложил уши. Пудовые кулаки застучали по голове, сметая Жженого на пол. Упав, тот откатился прочь, как раз вовремя, чтоб не попасть под рухнувшую навзничь тушу.

Дио почувствовал, как губы его невольно расходятся в улыбке. Пошатываясь, Жженый поднялся на ноги. Оглянулся, встретившись с ним взглядом, и улыбнулся в ответ, как бы говоря «Я смог!».

Он так и умер, улыбаясь, когда в спину ему вонзился нож Дио.

Глава 8

Где-то в темноте капала вода, шелестели крылья, доносилось воркование голубей. Звуки успокаивали, убаюкивали. Хотелось, отдавшись им, провалиться в сон, и лишь одна мысль настойчиво билась, не давая вновь погрузиться в забытье: «Жженый умер».

«Жженый умер!» — осознание факта ударило подобно электрическому разряду. Дио вскочил, чтобы тут же со стоном повалиться наземь. Непрекращающаяся боль жгла мышцы, он чувствовал каждую кость в теле, а голова просто раскалывалась на части. Выворачивая из суставов, стягивал локти огрызок веревки.

— Очнулся? — голос Скала был как обычно бесстрастен.

— Развяжи, — прохрипел Дио, тщетно пытаясь сесть ровно, и понимая, что не справляется без помощи рук. Окоченевшее, занемевшее, израненное тело отказывалось подчиняться ему.

Сильные руки, схватив за ворот куртки, с легкостью приподняли и усадили, привалив спиной к стене.

— Нет уж, — ответил Скал, и Дио поднял голову, наконец, посмотрев на предводителя банды Губителей. Красный огонек тлеющей сигареты бросал слабенький отсвет на едва угадывавшееся в темноте лицо Скала. Он осунулся и как будто постарел за те несколько суток, что Дио не видел его. — Сначала ты расскажешь мне, что произошло в логове крыс. — Скал помолчал, и Дио понял, с каким трудом ему удается сдерживать себя. Он и сам очень хорошо знал это состояние едва контролируемой ярости. — Я потерял людей, Дио. Я потерял очень много своих лучших людей. Ты единственный выживший, Дио. Единственный выживший из тех, кто вошел в здание. Я хочу знать, что произошло.

— Уроды, — коротко ответил Дио, как будто это объясняло всё, и понимая, Скал ждет большего. Он и сам бы хотел знать точный ответ на поставленный Скалом вопрос. Перед глазами стоял Жженый. С улыбкой на губах, с внезапно потухшим взглядом. Воспоминание об этом взгляде причиняло ни с чем не сравнимую боль, и стоило труда, отстранившись от него, вспомнить и беспристрастно оценить все, что, случилось после.

Жженый упал и не вставал больше. Из спины его, всаженный по рукоять, торчал нож. Готовый сорваться крик застыл на губах, когда Дио узнал свой собственный нож, отданный Игорю меньше часа назад. Сам Игорь стоял над телом Жженого, глядя Дио прямо в глаза. На губах его играла усмешка, а за спиной возвышался еще один танк. Маленькие, невыразительные глазки урода, тускло поблескивавшие из-под тяжелых надбровных дуг, бесстрастно оглядели мертвого собрата. Шумный выдох танка ветерком пронесся по тесной комнатке. Развернувшись, урод грузно потопал вдоль по коридору прочь. Все так же ухмыляясь, Игорь пошел следом.

Дио попытался встать и не смог. Голова кружилась, ноги подкашивались. Тогда он просто пополз к Жженому. Тот лежал, опрокинувшись лицом вниз. Рука все еще сжимала окровавленный обломок алюминиевого профиля. Став на колени, Дио протянул ладонь к рукояти ножа, но так и не решился выдернуть его. Пальцы пробежались по холодеющей спине Жженого, тронули шею, лишний раз подтвердив то, что Дио и так наверняка знал. Жженый был мертв. Окончательно и бесповоротно.

Парализованный разум упрямо отказывался воспринимать увиденное. Пришло странное ощущение, будто все это происходит не с ним. Бесцельно блуждавший взгляд натолкнулся на второй, потерянный им в самый разгар боя, нож. Пальцы сами сжали рукоять. Дио наконец нашел в себе силы подняться. Из подвальных этажей все еще раздавались полные боли и ужаса крики. Пошатываясь, и не думая больше ни о чем, Дио двинулся туда. Это полное отсутствие мысли позволило ему не сойти с ума, когда он увидел то, что творилось ниже.

— Очень много уродов, — повторил Дио, слепо глядя в темноту за спиной Скала и видя там орды смертоносных созданий, лишь отдаленно напоминавших людей. — Не только танки. Другие виды, с которыми мы не сталкивались раньше...

Широкая мраморная лестница, ведущая в подвальные этажи, была вся залита кровью. Едва не поскользнувшись на ступенях, Дио схватился за перила, и лишь тогда поднял взгляд. Пролетом ниже стояла полуобнаженная женщина. Узкие кожаные ленты охватывали точеное тело, не скрывая, а скорее подчеркивая все его достоинства: приподнимая небольшую грудь и зауживая талию, отчего ее бедра казались шире. Дио счел бы её красивой, если бы не длинные, остро

заточенные ногти, превращавшие руки в подобие птичьих лап. Услышав шум, женщина резко обернулась. Колени ее чуть согнулись, и она выставила вперед свои окровавленные когти, готовая нападать и защищаться. Лицо ее было похоже на застывшую маску, лишенную всякого выражения. Неестественно расширенные зрачки, казалось, еще увеличивали и без того большие глаза. Она ощерилась хищно, и Дио увидел подпиленные треугольником зубы.

Крепче сжав нож, Дио начал спускаться по лестнице в серый сумрак подвального этажа. Издав пронзительный, нечеловеческий крик, женщина еще глубже присела на своих длинных, жилистых ногах, и прыгнула высоко вверх и в сторону, разом скрывшись из виду. Спустившись ниже, Дио увидел стервятника. Тот дышал еще, на губах пузырилась кровавая пена. Расфокусированный взгляд смотрел, не видя. Рядом валялась резиновая дубинка. Дио рванул пропитанную кровью рубашку так, что пуговицы посыпались во все стороны. Четыре раны в правом подреберье, похожие на следы вил, не оставляли шансов на спасение. Стервятник умер раньше, чем Дио закончил осмотр. И лишь подняв взгляд от тела, Дио рассмотрел, что творилось в подвальном этаже здания.

— Там действительно было большое крысиное гнездо. Уроды полностью его разорили. Они убили всех.

Дио видел кровавые бойни. Не раз он сам участвовал в них. Но никогда, убивая, он не стремился причинить своим жертвам максимум боли, и потому воспоминания об увиденном вызвали невольную дрожь. Скал заметил судорогу, пробежавшую по плечам Дио, коротко кивнул. Качнулся ярко-красный огонек сигареты. Затянувшись, Скал выпустил облачко дыма.

Дио почувствовал, что его мутит. В запахе дыма ему почудился запах крови. Её было столько, что пол почернел, превратившись в одну большую лужу. Он шел осторожно, боясь поскользнуться и упасть на мокрой мраморной плитке. Серый сумрак подвальных помещений разбавлял лишь падавший с лестничного пролета свет, да отблеск занимающегося вдалеке пожара. Пламя, скрытое за поворотом, играло ярко-красными бликами в металлическом оформлении павильонов. Пространство, наполненное стонами и криками умирающих, затягивало плотной белесой пеленой. Прежде чем идти дальше, Дио поправил шейный платок, опустил на глаза большие летные очки. Но даже сквозь двойной слой ткани, защищавший нос, проникал удушающий запах смерти.

— Я видел с полсотни мародеров и всех стервятников ударной группы. Многие из них были еще живы.

Дио шел, методично работая ножом. Беглый взгляд, достаточный, чтобы понять — нанесенные уродами раны смертельны, и короткий удар в шею. Осознание того, что разгорающийся пожар и так добьет оставшихся в живых, если те не истекут кровью раньше, чем угарный газ заполнит их легкие, не могло остановить Дио. Он шел, представляя себя живым воплощением Губителя. Эта мысль облегчала ему его труд, он будто бы становился другим человеком. Когда дым заполнил нижний этаж настолько, что уже ел глаза, проникая даже сквозь плотно прилегающие к лицу летные очки, Дио вышел из транса, вновь осознав, кто он, и где находится. Гудело, стелясь под самым потолком, все шире и жарче разгоравшееся пламя. Развернувшись, Дио бросился обратно к лестнице. Бежал, едва не падая на мокром полу, задыхаясь от всепроникающего дыма, с трудом ориентируясь в его черных непроницаемых клубах. Рев пламени, распространявшегося с

чудовищной скоростью, подсказывал верную дорогу — оно также искало путей наружу.

Выход на лестницу он угадал по обжигающе горячей волне, ударившей внезапно в спину. Закричав от невыносимой боли, ринулся прочь от настигающего пламени, едва не упал, запнувшись о ступеньки и, захлебываясь раздирающим легкие кашлем, вылетел в холл первого этажа. Глаза слезились, повязка на шее затрудняла дыхание. Он сорвал и очки, и платок, бросил их на пол. Пошатываясь, побрел подальше от лестничного пролета, ставшего вдруг поддувалом разрастающегося пожара. Когда бегущие сплошным потоком слезы чуть промыли глаза, он увидел, что поднялся наверх по другой лестнице и теперь стоит в огромном круглом зале, перед пустым дверным проемом центрального входа. За его порогом стоял Скал в окружении своей свиты. Игорь занимал привычное место по его правую руку. Дио опустил взгляд. Его ладонь все еще сжимала окровавленный нож. Не думая, он сорвался с места, в один прыжок преодолев все разделявшее их расстояние. Гримаса страха исказила лицо Игоря, он вскинул руку, защищаясь. Привычно направляя нож снизу вверх, в область подбрюшья, Дио отстраненно подумал, как легко у него все получается...

Нож соскользнул, лишь слегка пропоров одежду. Живот Игоря был надежно защищен от удара. В следующий момент его самого с силой ударили по руке, принуждая разжать пальцы, выпустить оружие. Болевой захват заставил изогнуться дугой, а опустившийся на затылок кастет избавил на время от боли.

— Игорь предатель, — сказал Дио, силясь разглядеть в темноте глаза Скала. — Он был там, с уродами.

— Игорь не отлучался с периметра до тех пор, пока не запахло жареным, — ответил Скал.

— Тебе солгали, — сказал Дио.

Скал замолчал, задумавшись. Дио вновь услышал, как капает где-то размеренно вода. Звук убаюкивал, стоило труда держать глаза открытыми. Когда Скал заговорил снова, Дио, вздрогнув, обнаружил, что голова его упала на грудь, а сознание почти отключилось.

— Нижний этаж выгорел весь. Ничего не осталось. Но наверху мы нашли много трупов. Стервятники, убитые твоим ножом, Дио.

— Ты сам приказал стервятникам разоружиться, выдав им эти проклятые дубинки, Скал. Я отдал свой нож Игорю.

— Я?! — казалось, впервые за все время разговора Скал потерял выдержку и самообладание. — Я похож на идиота, мальчик?

— Игорь предатель, — повторил Дио, осознав совершенную им ошибку. Осознание это лишь добавило горечи. — Вы нашли мой нож? — спросил он, помолчав.

— Да. В спине у Жженого, — ответил Скал, и по тому, как он склонился ближе, Дио понял, что тот хочет видеть его реакцию.

— Жженого убил Игорь. — С трудом проглотив невесть откуда взявшийся ком в горле, Дио добавил, — после того, как Жженый убил танка.

— Жженый убил танка? — Скал снова не сумел скрыть своих чувств, но теперь в его голосе сквозило явное удивление.

— Да, — Дио кивнул, — куском алюминиевого профиля.

— Он сжимал его в кулаке. Это верно. Но мы не видели ни одного урода. Ни живого, ни мертвого.

Скал снова задумался ненадолго, а Дио почувствовал, что сознание вновь ускользает от него.

— Я верю тебе, Дио, — наконец продолжил Скал. — Ты, может быть, частенько не говоришь всей правды, но ты никогда не врешь, я достаточно тебя знаю... Но прежде чем мы с тобою закончим, я хотел бы, чтобы ты ответил мне еще на один вопрос... Откуда у тебя это? — Раздался шорох, и Скал поднес к глазам Дио его новый, прошедший закалку кровью, нож.

— Нашел в логове крыс, — ответил Дио, наслаждаясь тем, что говорит чистую правду.

— И много там было добра? — спросил Скал с тоской в голосе.

— Очень, — ответил Дио с мрачным удовлетворением.

— М-да, — Скал снова вздохнул. — Я верю тебе, Дио, — повторил он, — поэтому мне будет не просто сделать то, что я должен.

Встав, он сплюнул окурок, схватил Дио за ворот, одним сильным рывком поставив его на ноги. Мышцы пронзила острая боль, колени подогнулись невольно.

— Идем, — Скал почти тащил его за собой. Сосредоточенный на том, чтобы передвигать ноги самостоятельно, Дио чувствовал лишь захлестывающий его с головой безотчетный ужас, и не находил в себе сил противостоять ему. Он не знал, что задумал главарь Губителей, и

ощущение неотвратимо приближающейся катастрофы сжимало сердце стальными когтями.

Когда Скал провлек его вверх по крутым ступеням и вытолкнул под нестерпимо-яркое после темноты подвала солнце, Дио все-таки упал. Пространство вокруг взорвалось торжествующими криками. Ослепленный бьющим в глаза светом, ослабленный перенесенными испытаниями, Дио тщетно пытался подняться без помощи связанных за спиной рук.

— Вот тот, — закричал Скал, — кто виновен в смерти наших братьев! — и ему ответил многоголосый, оглушающий рев.

Не веря собственным ушам, Дио вскинул голову. В лицо его тут же больно ударил пущенный кем-то камень. Из рассеченной скулы потекла по щеке кровь. Это помогло, наконец, сконцентрироваться. Одним рывком Дио перекатился на бок, встав на колени, а потом, пошатываясь, поднялся на ноги и обвел взглядом окружающее пространство.

Банда ушла из ангаров депо. Дио не узнал эту серую бетонную коробку, посреди которой он стоял в окружении всех, оставшихся в живых, Губителей. Недостроенное одноэтажное здание, лишенное крыши, было заполнено бетонными блоками, на которых, словно на ярусах амфитеатра, расположилась вся банда. Взгляд сам вылавливал из толпы знакомые лица. Все они сейчас казались чужими и отталкивающими.

— Вот тот, кто заманил их в огненную ловушку! — кричал Скал. — Тот, кто убил их ударом ножа в спину!

— Не-е-ет!!! — крик Дио захлебнулся в граде обрушившихся на его голову камней.

Пытаясь защититься, уйти от острых осколков гравия, он вновь упал на колени. Кровь бежала уже и по щеке, и по виску. Затылок отзывался тупою, ноющей болью. Скал шагнул ближе, закрыв его собой и тем самым принуждая банду прекратить истязание. Вскинул руки, требуя внимания.

— Он шел тропою Губителя, и не нам распоряжаться его жизнью, — проговорил он тише, заставив толпу замолчать. — Он убил Тесака. Многие видели, как он пытался убить Игоря.... Кто усомнится теперь, что он — тот, чьего возвращения ждем? Ибо было предсказано! Перед приходом Губителя мир наполнится ордами смертоносных тварей и нежити!! Последние дни мира настают!!!

Дио стоял на одном колене, снова и снова пытаясь подняться на ноги, и чувствуя, что едва ли удержит собственный вес. Его шатало из стороны в сторону, а разум отказывался воспринимать окружающее, настолько чудовищным казалось все творящееся вокруг. «Я — Губитель» — думал он, не в силах избавиться от навязчивой мысли, осознавая всю ее бредовость, и вспоминая одновременно, как он шел там, под землей, задымленными коридорами, убивая и представляя себя богом, которому он поклонялся.... То, что приносило ему тогда облегчение, сейчас обернулось кошмаром.

Наконец, он собрался с силами и рывком вновь поднялся на ноги.

— Я вызываю тебя, Скал! — крикнул он, и не без удовольствия заметил, как отшатнулась банда, когда голос его, умноженный гулким эхом, прокатился от стены до стены огромной бетонной коробки. Никто не помнил, когда в последний раз член банды вызывал на бой своего предводителя, оспаривая у того право стоять во главе Губителей. Казалось, Скал всегда был и навсегда останется их лидером. Дио понял вдруг, что даже если ему каким-то чудом удастся одолеть Скала в поединке, он не проживет долго. Банда ненавидела его. Он чувствовал эту ненависть всем своим существом, она обволакивала его как кокон.

Стало так тихо, что Дио услышал, как скрипит, перекатываясь под чьими-то ботинками, бетонная крошка. Как пронзительно кричат стрижи, гнездящиеся в широких щелях на стыках нештукатуреных грязно-серых плит здания. Скал медленно обернулся, посмотрев ему прямо в глаза.

— Смело, — прошептал он так тихо, что даже Дио с трудом услышал сказанное. — Смело, но поздно, мальчик... Ты вне закона. Ты вне закона! — прокричал он громко, и словно почувствовав облегчение, толпа выдохнула, вторя ему: «Ты вне закона!».

— Ты вне закона! Ты вне закона!! Ты вне закона!!! — кричали люди, потрясая оружием, пока двое из свиты Скала, подхватив под локти, волокли Дио к выходу.

Он не сопротивлялся больше, почувствовав, что у него не осталось никаких сил. Его готовность драться, а вместе с ней и вся энергия, которую придала ему ярость, испарились без следа. Он уже не пытался переставлять ноги, почти повиснув на руках своих конвоиров. Грудь его разрывала тоска. Тоска о единственном человеке, который мог бы выступить на его стороне сегодня, и который был мертв.

Он не удивился, увидев во дворе толпу схарматов в их длинных балахонистых одеяниях, украшенных символами хаоса — восемью перекрещенными стрелами. Те расступились, открыв взгляду странную повозку, гибрид телеги и автомобиля. Кабриолет, поставленный на деревянные обрезиненные колеса, мехос, приводимый в движение магией Слова. Дио бросили в пустой короб в передней части машины, и он снова почувствовал боль в вывороченных суставах связанных за спиной рук. Эта боль приносила облегчение, помогала отвлечься от другой, еще большей боли. Он смотрел в темное, предгрозовое небо — ветер гнал с севера грязно-серые громады туч — и как милости ждал забытья. Ему хотелось умереть. Когда на лицо его упала тень, он даже не повернул головы, чтоб увидеть, кто это. Тонкие девичьи пальцы взяли его за подбородок, заставив посмотреть прямо в глаза.

— Ты убил Жженого, — сказала Тара, и в ее голосе Дио услышал собственную тоску по умершему.

— Я не делал этого, Тара, — ответил Дио, и сам не узнал себя.

— Твой нож, Дио. — Она приставила к его горлу так хорошо знакомый ему клинок. Дио сглотнул невольно, почуяв ледяное прикосновение стали. — Я сама вытащила его из-под лопатки Жженого.

— Бей, — сказал он равнодушно. — Мне уже все равно. Только запомни. Жженого убил Игорь.

Она замахнулась для удара, когда руку ее кто-то перехватил. Дио увидел, как усиленные сталью пальцы сграбастали тонкое запястье девушки, выкручивая его, заставляя выпустить оружие. Тара рванулась, вскинула полный ярости взгляд и отшатнулась, задохнувшись от ужаса.

— Не смей, — сказал лекан тихо, и Дио узнал ту тварь, что улыбнулась ему однажды у дрезины. — Теперь он наш.

Пальцы Тары разжались безвольно, нож упал, звякнув по корпусу мехоса, и лекан ослабил хватку, позволив девушке выскользнуть прочь.

— Я приду посмотреть, как тебя убьют на арене! — кричала она, когда лекан захлопнул крышку багажника.

«Жженый любил смотреть бои», подумал Дио, наконец-то отключаясь.

Глаз Схарма Глава 9

Кто-то легонько бил его по щекам, заставляя прийти в чувство. Дио провел языком по пересушенным губам, и его голову тотчас приподняли, поднеся ко рту чашку, полную чуть подслащенной воды. «Пей», сказал кто-то требовательно, и Дио послушно сглотнул, ощущая, как постепенно с каждым новым глотком возвращается к жизни. Боль не ушла, но притупилась. Притупилось и мучительное чувство потери, на смену ему возвращалась утраченная было жажда жить. Не верилось, что там, в пустой бетонной коробке без крыши, он был готов уже сдаться, смириться со всею ложью, прозвучавшей из уст Скала... Сейчас собственная слабость бесила, и бешенство как будто вливало в него энергию. Он открыл, наконец, глаза.

Увиденное заставило его поперхнуться. Он рванулся изо всех имевшихся сил, и понял, как же он ослаб за эти дни. Лекан, поивший его подслащенной водой из красной эмалированной кружки в горошек, даже не шелохнулся. Лишь отнял край от губ, усмехнулся:

— Не дергайся. Останешься без зубов.

Дио глядел, закипая ненавистью и понимая одновременно — он целиком и полностью в руках твари. В самом прямом смысле этого слова. Усиленная металлическими пластинами ладонь уверенно поддерживала его голову. Та самая ладонь, что отвела от него удар Тары...

— Еще хочешь? — Спросил лекан, и, не дождавшись ответа, снова поднес кружку ближе к губам.

Пить хотелось. Дио сглотнул невольно. Пара глотков лишь раздразнила жажду, показав, как же пересушено его горло, как запеклись губы. Неотрывно следя за тварью и понимая, что едва ли сможет противостоять ей сейчас, он снова принялся пить. Не спеша, понемногу, осознавая, что слишком много жидкости может убить его так же верно, как удар ножа в живот. Тварь, очевидно, тоже понимала это. Когда кружка опустела едва наполовину, лекан отставил ее на прикроватную тумбочку.

— Потом дам еще, — сказал он, поднимаясь.

Только теперь Дио заметил, что лежит в небольшом, но чистом и светлом помещении с выбеленными стенами. Колыхались, развеваясь от задувающего в распахнутое окно ветерка легкие тюлевые занавески, снаружи доносились приглушенные расстоянием голоса людей. По ярко-голубому небу бежали белые облачка. Лекан вновь положил его голову на подушку, и Дио понял, что просто не сможет поднять ее сам.

Тварь приоткинула покрывало, и Дио почувствовал ток свежего воздуха по обнаженной коже. Кто-то раздел его, пока он валялся в отключке. Ощущение беззащитности усилилось, накатив приступом паники. Дио подобрался невольно, и тварь, прохладными пальцами ощупывавшая его тело, почувствовала напряжение мышц.

— Расслабься. — Лекан вновь усмехнулся. — Ты мне не интересен. — Сильные пальцы прошлись по груди, ощупав ребра. Чуть теплая ладонь легла на живот, тварь надавила слегка сначала с одного бока, потом с другого. Спросила, — не больно?

— Нет, — ответил Дио, внимательно следя каждое движение твари.

— Внутренних повреждений нет, — резюмировал лекан, вновь прикрывая его одеялом. — К концу недели встанешь на ноги.

— Ты что, врач? — спросил Дио, не удержавшись.

— Был когда-то. В прошлой жизни. — Лекан вновь присел на стул рядом, заложил ногу за ногу, обхватив ладонями колено. Сходство твари с человеком сводило Дио с ума. Требовалось усилие, чтобы помнить: перед ним тварь, а не молодой, загорелый и длинноволосый парень. — До того, как начал служить в армии Схарма. Даже здесь не очень-то жалуют лековых тварей, и желающих лечиться у лекана не так чтобы много.... Но тебе-то не привыкать иметь дело с нами? — Тварь смотрела прямо в глаза, и Дио понял, что она знает. Знает всё.

Он благоразумно промолчал. Тварь усмехнулась. Спросила, все так же пристально глядя пустым, невыразительным взглядом искусственных глаз:

— Почему ты так ненавидишь нас? Там, на железной дороге, ты сказал, что леканы хуже уродов... Я видел уродов. Они никогда не были людьми. А мы были. Были и остаемся. Я человек, Дио. Такой же как ты. Отличия несущественны.

— Виноват ли волк, что родился волком? — спросил Дио с вызовом. — Чтобы стать уродом надо родиться уродом. Чтобы стать

леканом достаточно продаться мастеру Леку.

— Мне жаль, что ты воспринимаешь все так. — Искусственные глаза смотрели без всякого выражения, но рот твари, сжатый в тонкую линию, выдавал ее чувства. — Я надеялся, мы станем друзьями.

Дио не смог сдержать короткого смешка.

— Что тебе в моей дружбе?

— У меня есть свои резоны. — Улыбнувшись грустно, лекан снова взял кружку и приподнял голову Дио. — Пей, — нагретый солнцем металл мягко коснулся губ, и Дио сглотнул, ни на секунду не сводя глаз с твари.

— У меня нет друзей, — ответил Дио, когда кружка, наконец, опустела. — Больше нет.

— Я знаю, — ответил лекан, вновь кладя его голову на подушку. — Как иначе мы могли бы достать тебя так быстро и так просто? — На губах твари мелькнула легкая усмешка.

— Тварь, — выдохнул Дио, чувствуя, как наливается свинцовой тяжестью затылок и непроизвольно закрываются глаза. Рука чуть шевельнулась в бессильной попытке оттолкнуть кружку с питьем.

— Меня зовут Март, — невозмутимо ответил лекан. Его голос донесся будто издалека. — Я предпочел бы, чтобы человек, которому предстоит меня убить, знал мое имя.

Лекан говорил что-то еще, но Дио уже не различал слов. Сквозь дрожание смыкающихся ресниц следил, как шевелятся губы твари, и какой-то другой человек в его голове повторял не в такт: «как иначе мы могли бы достать тебя, Дио?»...

Когда Дио снова очнулся, вокруг уже никого не было. Все так же колыхалась развеваемая ветерком занавеска, но вернувшиеся силы подсказывали — прошло не меньше суток. Он без труда поднял голову, а потом сел. Скрипнули металлические пружины кровати. Рядом, на прикроватной тумбочке стояла та самая кружка, из которой его поил лекан. Снова полная. Дио сглотнул невольно, провел языком по пересушенным губам. Пить хотелось. Но не хотелось снова провалиться в тяжелый, дурманящий сон, пусть даже сон этот поставил его на ноги. Боясь передумать, поддаться минутной слабости, он схватил кружку, одним быстрым движением выплеснув воду за окно.

Он не рассчитал своих сил. Вода пролилась на подоконник, побежала, часто закапав на пол. Кружка, показавшаяся невероятно тяжелой, едва не выскользнула из пальцев. Дио осторожно опустил ее обратно на тумбу. Рядом, на том самом стуле, где совсем недавно сидел лекан, лежала стопка поношенной, но целой и чистой одежды. Под стулом стояла пара ботинок.

Одевался Дио медленно, осознав, как обманчиво то ощущение вернувшегося здоровья, что дали ему многочасовой сон и наконец-то ясная голова. Зашнуровав ботинки, поднялся, придерживаясь за спинку кровати, и понял, что предосторожность эта не была излишней. Ноги дрожали, а комната медленно вращалась перед глазами, и потребовалось некоторое усилие, чтобы прекратить непрестанное коловращение. Не меньше минуты прошло прежде, чем Дио отважился шагнуть к распахнутому настежь окну. Ветер, охладивший разгоряченный лоб, окончательно привел его в чувство.

Комната третьего этажа выходила на широкий, ярко освещенный заходящим солнцем и огражденный высоким бетонным забором, двор. Смахнув ладонью остатки воды, Дио лег животом на подоконник, высунувшись из окна по пояс. Длинная пятиэтажка не походила на жилые дома, а напоминала скорее одно из административных зданий промзоны. Чуть справа виднелся широкий козырек парадного входа, и можно было бы попытаться выбраться на него...

Дио усмехнулся. Это отсутствие решеток и настежь распахнутое окно как будто намекали: беги! Но бежать ему было некуда, и его пленители прекрасно знали это. В Городе не осталось никого, к кому он мог бы обратиться за помощью... В Городе не осталось никого, кто просто не желал бы ему смерти. Это сдерживало лучше любых оков и заборов. Вздохнув, Дио еще раз прошелся взглядом по пустому двору, бетонной ограде, плотной стене сосен за ней и выпрямился. На новой рубашке осталась темная полоса от пролитой воды. Влажная ткань приятно холодила тело, напоминая одновременно, как же все-таки хочется пить.

Словно отвечая на его мысли, дверь распахнулась и на пороге появился лекан. «Март», вспомнил Дио имя твари. В руках тот держал заставленный тарелками поднос. Полотенце, перекинутое через плечо, придавало ему какой-то нелепый вид, но Дио подобрался невольно, почувствовав, как напряглись мышцы, и испытал мгновенное

удовлетворение. Он сколько угодно мог общаться с тварью как с самым обыкновенным человеком, но его тело знало, чего на самом деле можно ждать от лековых выродков, и никакие предложения дружбы не могли изменить эту память о доброй дюжине смертельных схваток, из которых ему пока везло выходить победителем. Сразу же вспомнились последние слова твари, сказанные перед тем, как начало действовать подмешанное в питье зелье: «человек, которому предстоит меня убить» — Дио не был уверен, что верно услышал и точно запомнил сказанное. Со смутной досадой почувствовал, как пробуждается невольный интерес к твари. Взгляд сам внимательней скользнул по фигуре, оценивая в лекане потенциального противника. Дио понял, что хочет этого вероятного поединка так, как хотел бы уже принадлежащего ему права.

Лекан перехватил его взгляд. Дио понял это по тому, как приопустились уголки вдруг сжавшихся в тонкую линию губ. Как будто компенсируя полное отсутствие мысли в стеклянном взгляде, мимика твари выдавала все ее чувства. Очевидно, лекан знал это. Он поспешил опустить голову, принявшись переставлять тарелки с подноса на прикроватную тумбу. Завершив, прислонил поднос к ножке стула и сел так, словно никуда и не уходил. Лицо его снова стало абсолютно бесстрастным.

«Он не хочет умирать», — подумал Дио с мрачным удовлетворением, — «и не хочет в этом признаваться».

— Ты вылил воду? — спросил лекан, заметив лужу, натекшую под подоконник. — Зря. Тебе нужно много пить.

— И много спать. — Дио не смог сдержать кривой ухмылки.

— Ты плохо спал? Тебе стало хуже? — лекан остался невозмутим. Кивнул на сервированную тумбочку. — Эта вода была чистой, и я принес еще.

— Чистой? — спросил Дио, глядя твари в глаза и испытывая дискомфорт от того, что не может ничего прочесть в этом дистиллированном взгляде.

— Да, — ответил лекан, и в его голосе Дио почудилось легкое замешательство. — Зачем ты спрашиваешь, ты ведь понимаешь, что я не вру?

— Чтобы поймать тебя на лжи, когда ты надумаешь-таки меня обмануть, — буркнул Дио, садясь, наконец, на кровать, ближе к

дымящимся тарелкам. Запахи раздразнили дремавшее чувство голода, и игнорировать требования организма становилось все сложнее.

Не желая показывать, как же он на самом деле голоден, и как ему хочется пить, он отломил кусочек тонко нарезанного хлеба. Медленно поднес его ко рту, наслаждаясь запахом теплой еще сдобы. От этого запаха кружилась голова и дрожали руки. Этот запах будил в нем что-то прочно и давно забытое...

Лекан успел подхватить его до того, как Дио свалился на пол. Накатило мгновенное чувство невесомости, словно при прыжке с большой высоты, комната перевернулась вверх тормашками, а уже в следующий момент его подхватили, не дав удариться головой об пол. Прямо над собой Дио увидел лицо твари, и на лице этом явственно читалось неподдельное беспокойство. Именно это озабоченное выражение, спрятавшееся в поджатых уголках губ, в глубокой морщинке, отчеркнувшей переносицу, привело Дио в ярость. Что-то похожее он замечал иногда на лице Жженого, когда тот думал, что Дио не видит его...

Тварь не ожидала нападения, и потому первый удар пришелся точно в цель. Будь у Дио больше сил, этот удар был бы смертелен для обычного человека и, может быть, на некоторое время обездвижил бы тварь. Основание раскрытой ладони, направленной снизу вверх, должно было вогнать носовой хрящ в мозг или, по крайней мере, сломать противнику нос. Лекан, казалось, вовсе не заметил удара, зато Дио прочувствовал, как электрическим разрядом пробежалась от запястья к локтю пронизывающая, парализующая боль. Рука повисла плетью, онемев на миг. Удар левой, покалеченной волком рукой, был легко блокирован тварью, и меньше чем через минуту Дио понял, что лежит, придавленный коленом к полу, намертво зажатый стальными пальцами твари, без возможности хоть как-то пошевелиться.

— Пусти, — прохрипел Дио пересушенным горлом.

— Успокоился? — спросил Лекан, не ослабляя хватки. Голос его был так же ровен, а дыхание даже не сбилось.

— Да, — выдохнул Дио, понимая, что не сможет справиться с тварью здесь и сейчас.

Но прежде чем выпустить, лекан сжал пальцы чуть крепче. Достаточно, чтоб не ожидавший подвоха Дио шумно втянул воздух

сквозь стиснутые зубы. И только после этого лекан поднялся на ноги, убрав колено с груди.

— Я тебе это еще припомню, — сказал Дио, пытаясь встать.

— У тебя еще будет такая возможность. — Лекан протянул раскрытую ладонь, предлагая помощь, и Дио, не раздумывая, сжал чуть теплые пальцы твари, закрытые сверху холодными металлическими пластинами. Оценил и уверенную, крепкую хватку и то, как внимательно потенциальный противник следил теперь каждое его движение, не расслабляясь ни на секунду.

Лекан помог ему снова сесть на кровать. Отступил, уже не позволяя себе повернуться к Дио спиной, и свинтил крышку на маленьком термосе, принялся наливать в нее дышащий паром напиток. Дио вздохнул глубоко и почувствовал запах мяты. Постепенно приходило расслабление и какое-то буйное, неуемное веселье, почти что азарт. Лекан его боялся, и уже не скрывал этого. Это косвенное признание силы льстило. Радовала и ярко-красная капля, медленно, как бы нехотя, выползшая из левой ноздри твари. Лекан стер ее тыльной стороной ладони, и металл, защищающий его запястье, окрасился алым.

— На, — сказала тварь, протягивая пластиковую кружку с травяным чаем. Добавил, предупреждая, — Горячий.

Дио кивнул, обеими руками принимая обжигающий пластик. Коснулся губами, спеша сделать первый глоток, утолить, наконец, мучившую его жажду. Чай был слишком горяч. Пришлось опустить кружку.

— Все еще хочешь быть моим другом? — спросил Дио, не скрывая охватившего его веселья.

— А что? — Лекан держался настороженно. Стоял, не спеша садиться. В нем ни на гран не осталось той спокойной уверенности в себе, что он демонстрировал так недавно.

— Хочу узнать, почему Скал меня сдал. Я понял все, кроме этого. Расскажешь мне? По дружески? — И Дио широко улыбнулся твари.

— Скал жаден и азартен. Он откусил кусок, которого не смог проглотить. — Лекан сел наконец, но в его позе все еще чувствовалась напряженность. — Он заключил сделку и не смог расплатиться по контракту.

— Полсотни крыс?- спросил Дио, мысленно расставляя по местам последние части головоломки.

— Да. — Лекан кивнул. — И амуниция, выданная стервятникам как предоплата.

— Респираторы и резиновые дубинки?

— Да. — Лекан снова кивнул, и Дио выругался, вкладывая в забористое ругательство всю накипевшую злость.

— Я верил ему, — сказав это, Дио почувствовал вдруг внезапную горечь, лишь теперь вполне осознав, что значил для него лидер банды. Возникло острое, непреодолимое желание сдать Скала. Сдать точно так же, как тот сдал его самого. Ведь если Скал поверил его рассказу об устроенной уродами ловушке и о предательстве Игоря, значит, Игорь скоро умрет. Как только Скал выяснит, кто именно покрывал предателя. Но если Дио передаст схарматам свой последний разговор со Скалом.... Стоило труда сдержаться, преодолеть мгновенную вспышку ярости. Когда приступ прошел, Дио понял вдруг, что Игоря он все-таки ненавидит больше. Это понимание принесло странное удовлетворение. Своею волей он будто бы давал Скалу второй шанс, и собственное великодушие казалось широким жестом, дарило иллюзию свободы. Даже здесь, в плену у схарматов, он все еще мог выбирать, был в состоянии влиять на ситуацию. Это воодушевляло, заставляло надеяться на лучшее, давало сил бороться дальше.

Лекан понял его молчание по-своему.

— Вы потеряли много людей. Нужен был козел отпущения. А ты сделал все, чтобы стать идеальной кандидатурой на эту роль. Скал не мог поступить иначе.

Дио вскинул заинтересованный взгляд. Лекан как будто защищал главаря банды, ища тому оправданий. Вспомнив об остывающем чае в своих руках, сделал наконец-то глоток, не сводя глаз с твари. Та не переставала его удивлять. Попытка оправдать поступок Скала казалась по меньшей мере странной.

«Да», — подумал Дио, с наслаждением потягивая теплый, настоянный на травах, чай и чувствуя, как отступает, наконец, жажда, — «продав меня схарматам, эта бритая скотина разом убила двух зайцев, позволив банде выместить злость, и дав понять Игорю, что настоящее положение дел ему не известно». Утешало одно — Игорь

скоро умрет. И, зная Скала, Дио мог бы поклясться, что смерть эта будет не из приятных.

— Ладно, — опустошив кружку до дна, Дио вновь потянулся за термосом, — а что ты там говорил насчет того, что я будто бы должен тебя убить?

Расслабившийся было лекан вновь напрягся, и Дио понял, что ему нравится наблюдать, как каменеет лицо твари, выдавая испытываемый ею страх.

— Ты убиваешь таких, как я. — Лекан говорил медленно, пристально глядя в глаза своим ничего не выражающим взглядом. — Признаться, до сего дня я относился к этому факту с изрядной долей скептицизма...

Тварь замолчала надолго.

— И? — подтолкнул Дио, точно зная, что именно ему скажет тварь, и понимая, как же ему хочется услышать это из ее уст.

— Твое сегодняшнее выступление было бы совсем не убедительно, если бы не одно но. — Лекан смотрел взгляд к взгляду, будто силился разглядеть что-то. — Ты не боишься, — наконец, закончил он, видимо отчаявшись найти искомое.

Дио не смог сдержать торжествующей улыбки.

— Хотите, чтоб я продемонстрировал свои способности?

— Лично я, — все так же медленно произнес лекан, и Дио четко различил ударение, поставленное на слове «я», — предпочел бы, чтоб ты просто рассказал мне, как это у тебя получается... По дружески.

— Боишься умереть? — спросил Дио все с тою же улыбкой.

— Я не умру уже, — ответил лекан, сохраняя все ту же серьезность. — Но я ценю свое тело, мне нравится ощущать его живым. Жизнь в послесмертии меня не прельщает.

— Ну что же, жаль, — ответил Дио.

— Ты ничего мне не расскажешь? — закончила за него тварь, и вопрос прозвучал почти как утверждение.

— Нет.

— Тогда готовься. — Лекан встал. — Я очень постараюсь тебя убить. И как ни жаль, — сожаление в его голосе было неподдельным, — но мне дороже своя жизнь.

— Тварь! — выдохнул Дио, когда дверь за спиною лекана захлопнулась.

Азарт прошел. Осталось холодное осознание факта: эта схватка станет для него последней. При любом раскладе. Да и убивать этого Марта уже как-то расхотелось. Противник признал свое поражение еще до начала боя. Эта мысль грела душу и придавала сил. Но лишала поединок какого бы то ни было смысла. Соскочив с кровати, Дио вновь перегнулся через подоконник, внимательно изучая усыпанный битым стеклом козырек парадного подъезда. Два этажа и три окна отделяли его от пути к свободе. Три не застекленных окна...

Закончив с этим, приступил к изучению принесенных леканом тарелок. Еда еще не успела остыть. С каждым проглоченным куском Дио чувствовал, как к нему возвращаются силы. Оставалось решить, куда ему теперь бежать отсюда. Стараниями схарматов путь в Город был закрыт для него навсегда.

Глава 10

Долгими зимними ночами, когда банда Губителей пряталась от метелей в холодных бетонных коробках заброшенных домов мегаполиса, у ярко разведенных костров из поколения в поколение передавались рассказы о мире вне Города. Это были истории о легендарных временах, когда мир был еще монолитен, о молодых и новых богах, о первом приходе Губителя, о смертоносных ордах, пришедших с ним, и о его предсказанном возвращении. Рассказы эти, приукрашенные невероятными подробностями, больше походили на сказки, но даже среди них встречались правдоподобные истории, повествующие о странных местах, куда судьба, порой, забрасывала стервятников. Дио не слишком любил такие рассказы, слушая их без особого внимания. Он не представлял своей жизни вне Города, и не видел смысла в пустых небылицах. Зато Жженый охотно верил любым россказням. Ему мечталось, что может быть однажды он и сам соберется в далекий путь, чтобы увидеть лес, горы, дальние дороги, ведущие к равнинам и флаговым рынкам, другие поселения, вовсе не похожие на мегаполис, живущие другой, мирной жизнью. Частенько Дио зло насмехался над этими мечтами, и Жженый скоро перестал делиться с ним своими планами. Теперь Дио жалел об этом. Стоило немалого труда вспомнить, что именно рассказывали люди о мире, начинавшемся там, где проходила граница развалин, и вставал сплошною, неприступною стеной дикий лес.

Более-менее сносно Дио помнил одну лишь историю — ту, которую Жженый любил больше и пересказывал чаще. Историю о заповедном лесном поселке у Оленьих ручьев. Согласно легендам там жили люди, наделенные тайным знанием. Маги, способные не только создавать полезные механизмы, но и умеющие практически голыми руками творить настоящие чудеса. Место это по преданию было достаточно стабильно, чтобы люди могли жить там, не опасаясь внезапных смещений реальности. Они растили хлеб, пасли скот. Их мирная жизнь вовсе не походила на непрекращающееся противостояние банд города. Там не только никто не грабил и не убивал чужаков: по легенде, любой мог найти там помощь и укрытие.

Именно эти, раз за разом повторяющиеся рассказы, переданные через третьи руки истории о людях, спасенных кудесниками из Оленьих ручьев, казались Дио самыми невероятными. Он готов был поверить байкам о любых чудесах, в конце концов, он сам не раз видел, как бесполезный хлам оживал, превращаясь в хитроумный механизм под ладонями мастеров Слова, и понимал, что и сам обладает неким даром. Но люди, готовые прийти на помощь каждому, казались ему воплощением невозможной, несбыточной мечты, сродни сказкам о Спасителе. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Одновременно сейчас это легендарное место было единственным ориентиром во внешнем мире, дорогу к которому Дио смог вспомнить хотя бы приблизительно. Сотен пять километров на юго-запад от мегаполиса, за перевалом Чертово Седло. Дио казалось, что по лесу, там, где нет необходимости прятаться от посторонних глаз и перебираться через развалины, он должен дойти до поселка дней за десять, не больше. Но даже для такого короткого перехода ему нужно было хоть какое-то снаряжение. В лесу водились дикие звери. Не раз Дио видел волков и медведей, забредавших на окраины Города. Нужны были запасы воды и пищи. Мысль невольно возвращалась к найденному в высотке тайнику крыс. Идти туда снова не хотелось. Но последние дни лета обещали уже осеннюю сырость. В воздухе пахло дождем, по небу неслись караваны белых облаков. Кто знает, что пригодится ему на новом месте? Возможно огнестрельное оружие, бесполезное в городе, там будет работать исправней. Может быть людей, живущих в горах, заинтересуют лекарства или книги — Дио не верил в бескорыстную помощь чужаков. О том, что он скажет им, этим таинственным чародеям, Дио старался даже не думать. Теперь, когда он внезапно остался один, ему все чаще казалось, что его уже не примут нигде, и перспектива эта пугала больше, чем любые опасности и даже возможная смерть.

Однако пока у Дио не было даже ножа.

Он мог бы сделать заточку из алюминиевой ложки, но опасался, что Март заметит пропажу, и это лишь усилит надзор. Пока за Дио приглядывал один лишь лекан, и его это полностью устраивало. Решение нашлось быстро. Днем, когда во двор под окнами выходили покурить и поболтать какие-то люди, Дио скатывал матрац и переплетал кроватную сетку. На то, чтобы вынуть проволоку из ряда

так, чтобы вся конструкция не разлетелась, ушло два дня и три часа работы. После он скрутил из длинного куска стали подобие стилета. Конец, служивший лезвием, заточил о ножку кровати. Другой конец согнул в кольцо, пропустив через него кусок шнурка из ботинок. Заправляя эту пародию на оружие в боковой шов джинсовых брюк, он все равно почувствовал себя намного более защищенным. Это было ложное чувство, и Дио понимал это умом. Но рука невольно подергивала сложенный в кармане шнурок. Хотелось проверить, насколько легко выходит из импровизированных ножен его самодельный нож.

В этот день Март заметил в нем эту внезапную перемену. Дио привык уже общаться с тварью, не обращая внимания на всегда одинаковый, бесстрастный взгляд искусственных глаз. Мимика, жесты и тембр голоса могли рассказать гораздо больше. Лекан чуть медленнее расставлял посуду, держался чуть напряженнее и против обыкновения не сказал ни слова. В этот день Дио решил, что медлить больше нельзя.

Когда солнце скрылось за горизонтом, а на небе засияли первые звезды, Дио выглянул в окно. Небольшое пространство между пятиэтажкой и забором было ярко освещено установленным на крыше прожектором, неясно доносились голоса переговаривающихся часовых. Но сама стена здания утопала в глубокой тени. Мягко сияло рассеянным электрическим светом одно окно на первом этаже, у самого подъезда. Дио вспрыгнул на подоконник. Это был дом старой постройки, изобиловавший карнизами, декоративными выступами и рисунками, сложенными из кирпичей. В стенах пробегали широкие трещины, обещавшие дополнительную опору рукам. Ничего не стоило спуститься на два этажа вниз и на несколько окон влево — к удобному козырьку парадного хода. Все было настолько просто, что Дио в который уж раз подумал, не ловушка ли это? Дверь в его комнату всегда была заперта, а окно — приглашающее распахнуто настежь. Но иных путей выхода он просто не видел.

Дио прислушался. Вокруг было тихо. Покачивались, поскрипывая, сосны, и казалось, вот она, свобода, рукой подать, стоит лишь перемахнуть через бетонный забор. Прежде чем лезть за окно, Дио вытер о штанины внезапно взмокшие ладони. Пришло долгожданное ощущение опасности, разом обострившее все чувства.

Мир задрожал привычно, в одно мгновение став предельно ярким и выпуклым. Ноги сами нашли удобный выступ, пальцы — глубокую щель в кладке. Движения приобрели быстроту и точность. В считанные мгновенья Дио спустился к окну ниже. Мельком заглянул внутрь. Комната была темна, пуста и заброшена. Сорванная с петель входная дверь валялась тут же. Возникло мимолетное желание забраться внутрь и попытаться спрятаться в здании. Дио отмел эту мысль. Мертвые псы схарматов шли по следу не хуже живых, он не укроется здесь надолго. Нужно было уходить из города прочь. Раз и навсегда обрубить все концы, связывавшие его с прошлою жизнью.

Дио глянул из-под руки вниз. Со второго этажа уже можно было спрыгнуть, не боясь расшибиться, но по крыше ходили часовые, а на асфальте поблескивали осколки битого стекла. Дио скользнул взглядом вдоль по стене. От крыши подъезда его отделяло с полдюжины оконных проемов, и расстояние между ними было довольно широким. Дио вновь заглянул в окно, а потом бесшумно перевалился через подоконник в комнату. Стоило ли лезть по стене, рискуя наделать шуму или сорваться вниз, когда можно было бы просто пройти по коридору?

Замер надолго, прислушиваясь. Бетонные стены обрезали шумы улицы. Стихли и поскрипывание сосен, и стрекот сверчков. Зато стало слышно, что творится в здании. Лишь теперь Дио понял, как хорошо была изолирована от посторонних шумов та комната, в которой его держали. Вдоль по коридору расхаживал часовой. Скрипел в такт размеренным шагам мелкий мусор. Дио метнулся к дверному проему, стал, вжавшись спиною в стену. Он успел вовремя. Часовой остановился, Дио слышал его размеренное дыхание, поскрипывание кожаных сапог, когда человек переминался с ноги на ногу. Человек, не тварь. Тварь, обладавшая исключительным чутьем тварь, давно бы его заметила. Мысль сократить путь уже не казалась Дио такой удачной.

Но, постояв немного, человек снова двинулся вдоль по коридору прочь все тем же неспешным, размеренным шагом, и Дио тихонько выдохнул, лишь теперь заметив, что не дышал все это время. Дойдя до конца коридора, часовой замер, глядя во двор сквозь пустой оконный проем. Дио чуть склонил голову, вглядываясь. Схармат, закинув за спину висевший на шее автомат, рассеянно хлопал себя по карманам куртки. Не дожидаясь пока часовой найдет то, что ищет, Дио метнулся

по коридору в следующую комнату, увидел закрытую дверь и, боясь возможного скрипа петель, нырнул в распахнутый проем напротив. Комната, вдвое больше, чем та, которую он только-только покинул, была так же пуста, но за стеною рядом кто-то нервно вышагивал из угла в угол. Дио прикрыл глаза, восстанавливая дыхание. Тронул пальцами взмокший лоб, проклиная себя за опрометчиво принятое решение.

Часовой в коридоре закурил. Воздух наполнился резким, всепроникающим запахом плохого табака, и Дио невольно поморщился. Сам он никогда не курил и не понимал этой страсти вдыхать зловонный дым сигарет. Снова выглянул в коридор. Часовой все так же стоял у окна, глядя во двор и попыхивая сигареткой. Дио понял, что пара минут у него еще есть.

— Я пойду! — вдруг сказали так близко и громко, что Дио вздрогнул и лишь потом понял, что шаги за стеной замерли. Это был Март.

— Сиди, — ответил кто-то, и Дио с удивлением понял, что узнает и этот голос. Тот самый схармат, что предложил подвезти его и Жженого до Депо. Накатило странное ощущение, будто все это случилось невероятно давно с каким-то другим, малознакомым человеком.

— Он уйдет сегодня. — Голос Марта звучал раздраженно.

— Не уйдет, — схармат говорил с уверенной ленцой. — За окном следят, а других путей наружу у него попросту нет.

— Не знаю... — Март замолчал надолго, и Дио живо представил, как тот стоит, поджав по своему обыкновению тонкие губы, сцепив руки за спиной и вперившись невыразительным стеклянным взглядом в пол. — Он не так прост, как кажется. В нем есть что-то...

Март снова замолчал, и Дио понял, что больше уже ничего не услышит. Часовой докурил, и в коридоре снова раздались размеренные шаги. Дио бросил еще один взгляд на дверной проем и подбежал к окну. То выходило на крышу одноэтажной пристройки, и, не раздумывая уже, Дио перемахнул через подоконник на ту сторону. Подошвы мягко, практически бесшумно стукнули о рубероид, но в тишине ночи звук показался невероятно громким. Дио присел, касаясь пальцами шершавого покрытия, и лишь тогда огляделся. Он ошибался, считая здание, в котором его держали, одним из домов заводского

комплекса. Это скорее походило на корпус больницы. Сразу стала понятна и кровать с характерною металлическою сеткой, и маленькая комнатка без кухни, но с уборной. Дио понял, что совершенно не представляет теперь, в какой части города он находится. План побега, казавшийся таким простым и ясным, стремительно терял очертания. Блуждать по Городу, не имея ориентира, всего с одной проволочной заточкой в шве брюк... Нужно было найти настоящее оружие и выяснить, куда его привезли. Нужно было выловить кого-нибудь из схарматов...

Дио бросил взгляд назад. Там, рядом с тем окном, через которое он только что выбрался наружу, мягко светилось электрическим светом второе. «Надо уходить с крыши», подумал Дио, понимая, что он здесь весь как на ладони. По стенам комнаты металась тень расхаживающего из угла в угол лекана. «Сейчас побегает-побегает, а потом все-таки кинется проверять». Дио физически чувствовал, как утекает, словно вода в сухой песок, время. Пригнувшись, он подбежал к краю крыши, кинул быстрый взгляд вниз и спрыгнул в высокие заросли сорной травы.

Позади раздался глухой, утробный рык. Дио почувствовал, как зашевелились, вставая дыбом, волосы на затылке. Рука сама дернула свернутый в кармане шнурок, и заточка мгновенно перекочевала в ладонь. Дио резко развернулся, одновременно падая на колено и подкатываясь под прыгнувшего на него волка. Стало сразу понятно, почему он никогда не видел ни одного человека во дворе после заката. И почему схармат был так спокойно-уверен в том, что ему не удастся уйти.

Волк прыгал от стены, не имея пространства для маневра, и прыжок его вышел неловок. С громким треском ломая толстые, сухие стебли чертополоха, зверь тяжело завалился набок. Загребли, разрывая жирную землю, задние лапы. Дио инстинктивно подтянул колени к груди, и успел убрать ноги раньше, чем мощные челюсти, вооруженные целым рядом стальных зубов, сомкнулись на лодыжке. Метнулась тяжелая, лобастая голова, наполовину закрытая металлическими пластинами, и Дио снова перекатился, пытаясь уйти в сторону от голодно клацающей пасти. Но теперь он и сам оказался зажат меж стеною и волчьей тушей. Пальцы крепче сжали тонкую сталь проволоки, цепляясь за нее как за последнюю соломинку.

Понимая, что никакая заточка не пробьет ни густой шерсти, ни толстой шкуры, ни тем более стальных пластин, защищавших голову и грудную клетку зверя, и бить надо лишь по глазам или в ухо, вскочил на ноги, упершись спиной в стену. Волк снова зарычал, обнажая зубы. Дио шагнул вперед, чуть согнув ноги в коленях, обхватил ладонями шею, выставив локти вперед, навстречу смыкающимся челюстям зверя.

Зубы снова клацнули вхолостую, скользнув по рукам, но так и не сумев осуществить захват. Клыки даже не оцарапали кожи. Движимый всей своей массой, неспособный быстро остановить атаку, зверь летел прямо вперед, и Дио уклонился всем корпусом в сторону, чтобы в следующий момент упасть на спину зверя, придавив. Удар лбом о кирпичную стену раскрошил тонкий слой штукатурки, покрыв темную шерсть белесым налетом пыли. Волк замер на секунду, оглушенный, и этой секунды Дио хватило, чтобы вогнать заточку глубоко в ухо.

Судорога прошило все тело зверя.

Дио лежал, тяжело дыша. Уткнувшись носом в холку волка. Придавив его спину коленом и зажав его голову подмышкой. Зверь не двигался, не издавал и звука. Дио чуть приподнялся, еще сильней вдавив колено в хребет, ладонями прижав голову волка плотно к земле. Волк не подавал признаков жизни. Лишь тогда Дио позволил себе встать на ноги. Руки тряслись. На глаза набегала кровь. Дио тронул ладонью рассеченный стальною пластиною лоб. В горячке боя, он даже не заметил, как получил эту царапину. Кажется, он ударился затылком о кирпич. В ушах звенело, а в глазах плыли цветные пятна. Потом Дио понял, что это просто электрический свет, бьющий в глаза, и включившаяся сигнализация. Часовые на крыше направляли луч прожектора прямо на него. Дио отвернулся, чтобы уйти от этого нестерпимо-яркого света, и увидел, что позади него стоит второй волк. «Надо найти оружие», — подумал Дио, когда тварь с утробным рычанием бросилась на него. Он успел еще вскинуть руки, точно так, как он сделал это в первый раз, защищая шею, но не успел принять более устойчивой позы.

Волк сбил его с ног. Дио упал прямо на тушу первого зверя, и это смягчило удар о землю. Но прежде чем сомкнулись мощные челюсти, прежде чем волк успел сделать разрывающий ткани и мышцы рывок стальными зубами, воздух прошила автоматная очередь. Резкая боль в

боку едва не заставила Дио вскрикнуть, а зверь замер. Два долгих вздоха Дио чувствовал на своем лице зловонное дыхание хищника, видел его обнаженные клыки и ярко-алый язык между ними, а потом вдруг волк оставил его, кинувшись на стрелявшего.

Человек закричал. Снова поднялось приопущенное дуло автомата. Палец нажал на гашетку, но оружие дало сбой, автомат заклинило. Крик повторился. Человек попятился, все еще пытаясь стрелять, а потом развернулся и побежал.

— Дурак, — прошептал Дио, следя взглядом, как в три длинных прыжка волк настиг свою жертву, прыгнул на спину, опрокинув лицом в землю, и принялся рвать.

Крик перешел в визг, а потом резко замер, захлебнувшись кровью.

Дио откинулся обессилено. Раненый бок жгло огнем, он чувствовал, как стремительно теряет кровь, а вместе с ней и силы. Рубашка неприятно липла к телу. Звездное небо кружилось над головой. «Сейчас я умру», — подумал он, понимая, что не сможет теперь противостоять зверю, но двор уже наполнился народом, и кто-то кричал заполошно «Заприте их! Заприте их в клетках!». Подбежал Март. Упал на колени рядом, приподнял за плечи и заглянул в глаза своим пустым взглядом, а потом Дио почувствовал, как тот расстегивает пуговицы, чтобы осмотреть рану. Вспомнилось, как Март обронил, что будто бы был когда-то врачом. «В прошлой жизни». Сейчас эта неуклюжая шутка показалась вдруг невероятно смешной. Губы сами изогнулись в улыбке. Март снова бросил быстрый взгляд на лицо Дио, приподнял веки, заглянув в закатывающиеся глаза.

— Как он здесь очутился? — голос схармата звучал раздраженно.

— Это вы мне скажите, — ответил Март, что-то делая с раной Дио. Тот чувствовал лишь дергающую боль да твердые, уверенные прикосновения рук лекана. — Как ваши люди его проворонили? Сколько постов стерегли окно? Три?

— Что с волком? — схармат шагнул ближе, проигнорировав вопрос. На лицо Дио упала тень, закрывшая наконец, яркий свет прожектора, бивший в глаза. Из груди вырвался невольный вздох облегчения. Захотелось, чтоб кто-нибудь выключил еще и пронзительный, разрывающий барабанные перепонки, звон сигнализации.

Март бросил еще один быстрый взгляд на лицо Дио. Кажется, его беспокоила безумная улыбка, игравшая на губах раненого. Потом приподнялся, чтобы осмотреть волка.

— Мертв, — резюмировал он через минуту.

— Как?! — в голосе схармата сквозило явное недоверие.

— Так, — ответил лекан, выпрямляясь и демонстрируя окровавленную заточку.

Схармат пробормотал что-то невнятное на языке, которого Дио никогда не слышал раньше.

— Я говорил вам, он не так прост, — ответил Март.

— Рана тяжелая? — схармат снова перешел на общий язык.

— Нет. — Услышав ответ, Дио почувствовал некоторое облегчение. — Пуля прошла сквозняком, не задев жизненно-важных органов. Но кровопотеря большая.

— Пуля?! — переспросил схармат обескураженно.

— Да, — ответил Март, поднимаясь на ноги. — Пуля. Ваш волк не нанес ему ни одного повреждения, о котором бы стоило говорить.

— Невероятно, — пробормотал схармат, подходя еще ближе. Так, что Дио увидел, наконец, его лицо. На высокий лоб набегали морщины. — И никто ничего не видел?

— Единственный свидетель мертв. — Март смотрел туда, где осталось лежать тело незадачливого стрелка. — Очень мне не хочется этого делать, но я не вижу другого выхода, кроме как действительно отправить его на арену. Может быть тогда мы сумеем, наконец, понять, что происходит.

Март посторонился, пропуская двоих с носилками.

— Осторожнее! — предупредил он, но когда две пары рук подхватили Дио, резко приподняв, боль захлестнула с головой, затопив сознание непроглядною тьмою.

Глава 11

Второй раз он очнулся не в светлой комнате, выходящей окнами на шумящий под порывами свежего осеннего ветра сосновый бор, а в сыром и холодном подземелье. «Вот это больше похоже на правду», — подумал Дио, глядя на тусклую лампочку над самой головой и черный полукруг выгоревшей от жара побелки. Рыжие пятна потеков украшали и потолок, и грязно-зеленые стены. Покрытая пылью паутина серой тряпицей трепыхалась у частой решетки вентиляционного отверстия. Дио поднялся, сев. Бок отозвался тупою, ноющей болью. Под расстегнутой рубашкой охватывал поясницу эластичный бинт, но Дио чувствовал, что рана действительно не серьезна. Голова оставалась как никогда ясной. Пальцы сами прошлись по планке, но не нашли ни одной пуговицы. Он принялся заправлять рубашку за пояс и обнаружил, что ремень из брюк выдернут. Усмехнулся вдруг проснувшейся предусмотрительности схарматов. Бросил взгляд вокруг. Тесная комнатка два на три шага едва вмещала узкие нары, больше похожие на неоструганую лавку. В углу приткнулось ржавое ведро. Дио сунул босые ноги в ботинки, отметил машинально, что и те остались без шнурков.

Дверь в подвал не выглядела достаточно надежной и, судя по отсутствию замочной скважины, запиралась на обычный засов. Но Дио не сомневался — снаружи выставлено довольно охраны, чтобы задержать его, надумай он прорываться на волю с боем. Он вновь усмехнулся и, вскарабкавшись на нары с ногами, принялся ждать. Ждать пришлось не долго, и это убедило его в том, что за ним внимательно следят.

Щелкнул, подтвердив догадку Дио, отодвигаемый засов, и дверь распахнулась. Охрана стояла, направляя дула автоматов внутрь. «Ничему не учатся», подумал Дио, невольно вспомнив осечку, стоившую жизни одному из схарматов.

— Встать, — говоривший не был вооружен. В голосе его сквозила спокойная уверенность хозяина положения. Светлый взгляд из-под русых вихров смотрел твердо и пронзительно. Дио послушно

поднялся. — На выход, — человек сделал приглашающий жест и шагнул в сторону, пропуская.

Не дожидаясь приказа, Дио сцепил руки за спиной и переступил порог, пригнув голову, чтоб не удариться о низкую притолоку. Взгляд скользнул по конвою. Автомат на шее, рожок патронов и нож на поясе. Там же болтались наручники, но никто и не подумал защелкнуть браслеты на сомкнутых за спиной запястьях Дио. Его такая беспечность устраивала вполне.

Ствол автомата ткнулся в спину, подталкивая и приказывая идти. Его пропустили вперед. Идти пришлось не долго. Сразу за поворотом пришедший за ним человек скомандовал «Стой!». Дио остановился, развернувшись лицом к стене. Краем глаза смотрел, как один из конвоиров отпирает дверь. Момент был удобен. Закинув автомат за спину, схармат возился с замком, обе руки его были заняты. Он стоял, не замечая, что закрывает собой пленника, и случись что, его напарник не сможет выстрелить, не рискуя задеть своего. Откуда бы ни появились эти люди, они не умели драться и не мыслили так, как привыкли мыслить жители города: постоянно оценивая свое положение в тесном пространстве типовых комнатушек, узких коридоров и темных лестниц...

Но как бы ни был удобен момент, Дио им не воспользовался. Он спокойно дождался, пока конвоир отопрет замок и шагнет в сторону, кивнув на распахнутую дверь. Комната, куда привели Дио, была побольше той, в которой он очнулся. Под точно такой же тусклой лампочкой за колченогим столом сидел Март. Писал что-то карандашом в общей тетради. Бросил свой быстрый, невыразительный взгляд, и снова склонился над листами. «Даже не поздоровался», подумал Дио, испытывая какую-то странную, необъяснимую досаду и злясь на себя за это. Рядом, удобно развалившись на мягком стуле, сидел все тот же схармат, чье пристальное внимание к своей особе уже начало порядком раздражать Дио.

— Садись, — схармат кивнул на табурет, поставленный достаточно далеко от стола. Так, чтобы допрашиваемый наверняка прочувствовал свое незавидное положение.

Дио усмехнулся и сел, позволив себе расцепить сомкнутые за спиной руки и сложить ладони на коленях. Конвоиры остались стоять где-то за спиной, а приведший его человек занял последнее свободное

место — стул, отставленный в сторону так, чтобы сидящий мог свободно наблюдать за всеми присутствующими. Именно по этому, отставленному в сторонку стулу Дио и понял, кто именно здесь главный, и пока Март писал себе что-то в тетрадь, а схармат глядел неприязненно, барабаня пальцами по столу, Дио исподтишка рассматривал незнакомца. Высокий, плотный мужчина неопределенного возраста сидел, удобно откинувшись на спинку стула и заложив ногу за ногу. В отличие от схармата, выказывавшего явные признаки раздражения, его совершенно очевидно не смущали ни обстановка, ни ситуация. Обхватив руками колено, он смотрел, не мигая, прямым, пронзительным взглядом светло-голубых глаз. Глаза эти странным образом напоминали искусственные глаза лекана. Их взгляд был неприятен. Под копной чуть вьющихся русых волос угадывался высокий лоб, макушка же блестела ранней плешью. Ярко-желтые пальцы и следы масляных пятен на манжетах потертой кожаной куртки выдавали в нем алхимиста или мастера Слова...

Схармат прочистил горло, и Дио поспешил перевести взгляд на него. Судя по выражению округлого, холеного лица, разговор этот был ему неприятен. Схармат выполнял здесь чей-то приказ, и Дио догадывался, чей.

— Прежде чем ты отправишься на арену, мы решили дать тебе еще один шанс на спасение.

Дио молчал, ожидая, что же ему предложат теперь. После того, как он не соблазнился дружбой лекана, это должно было быть нечто более существенное... Предложение превзошло самые смелые его ожидания. Схармат бросил быстрый взгляд на человека в углу, как будто желая получить его одобрение, но тот смотрел прямо на Дио. Схармат снова прокашлялся, и Март отставил свою писанину, поднялся и налил стакан воды из стоявшего в центре стола графина.

— Флегонт, — сказал он тихо, подавая стакан, и Дио машинально запомнил имя.

— Благодарю, — пробормотал схармат, принимая воду. Было видно, как не хочется ему продолжать. Дио спокойно наблюдал, как дергается при каждом глотке крупный кадык. — Мы готовы закрыть глаза на то, что ты делал, — вдруг выпалил схармат, отставив стакан в сторону.

Дио молчал. Если даже схарматы доподлинно знали, чем он занимался в городе, и сколько именно тварей успел поставить Тесаку для его маленького бизнеса, они знали это не с его слов. Дио понятия не имел, кто именно сдал его схарматам, но не собирался даже косвенно признаваться в том, что охотился на лековых тварей. Он подозревал, что подпишет себе этим смертный приговор, и не спешил класть голову на плаху.

Молчание длилось, с каждой секундой становясь все более напряженным. Человек на стуле в углу пошевелился, устраиваясь удобнее, и схармат снова заговорил, будто движение это было командой к дальнейшим действиям.

— Ты можешь молчать, сколько тебе будет угодно, но мы прекрасно осведомлены обо всех твоих делах за последние три месяца.

Дио искренне понадеялся, что на лице его не дрогнул ни один мускул. Три месяца — этот небрежно оброненный срок окончательно расставил все по местам. Примерно тогда ему и подвернулась та сделка, что еще недавно казалась крайне удачной... Он мысленно проклял себя за глупость и жадность. Мясник, перехвативший у него очередную тварь, продал его схарматам, а может быть работал на них всегда. Теперь это стало ясно как день. Слуги Схарма вели его все это время, шаг за шагом загоняя в ловушку. Дио уверился в этом окончательно.

То ли Дио не хватило выдержки, то ли Флегонт и сам сообразил, что сболтнул лишнего, но его испуганный взгляд опять метнулся к человеку с пальцами алхимиста, и Дио в который раз уже спросил себя, кто это?

— Тебе некуда податься, — голос схармата стал вкрадчив. Флегонт склонился вперед, навалившись грудью на стол и глядя в глаза пристальным, не отпускающим взглядом. — Твои друзья мертвы, банда сама продала тебя на арену.

«Продолжай», мысленно поощрил схармата Дио. Теперь, после очередных откровений, он был уверен и в том, чего не мог знать наверняка. Смерть Тесака тоже была организована слугами Схарма. На свете было не так уж много людей, которых можно было бы назвать друзьями Дио... И все эти люди были мертвы.

Дио сжал зубы до скрипа. Март, уже давно ничего не писавший в своей тетради, лишь глядевший на девственно чистый лист, поднял

взгляд. Лекан с его прекрасным, усиленным искусством мастеров Слова, слухом, конечно же различил звук. Но Дио было уже все равно. Он боялся теперь одного — потерять выдержку и сорваться. Прямо здесь и сейчас начать убивать этих людей, отнявших у него то немногое, что он имел в своей жизни. Дио чувствовал, что несмотря на голод, слабость и легкое головокружение от потери крови, он мог бы сделать это голыми руками. На Флегонта уйдет не больше минуты, тот в углу может продержаться дольше, а вот вмиг подобравшийся лекан способен дать достойный отпор. Только это и остановило Дио от мгновенных действий. Он хотел иметь стопроцентную гарантию, что все эти люди умрут.

Флегонт, хоть и смотрел взгляд к взгляду, совершенно не замечал происходящего и не подозревал, как близко прошла от него смерть, не ощутил ее ледяного дыхания на щеке. Голос его стал еще более медоточив.

— Ты можешь примкнуть к нам и принять служение великому Схарму. — Странное выражение пробежало по лицу схармата при упоминании этого имени. Будто Флегонт прикоснулся на мгновение к чему-то огромному, притягательному и отталкивающему одновременно. — Кем был ты в своей банде? Стервятником, разоряющим крысиные гнезда? Мы можем предложить тебе намного больше. — Флегонт выдержал паузу, будто давая возможность Дио самостоятельно представить себе все возможные блага и выгоды предлагаемого союза. — Деньги. Власть. Даже вечную жизнь и бессмертие!

Дио ожидал чего угодно, но не этого. Взгляд невольно метнулся к Марту и натолкнулся на стеклянный взгляд лекана. Тот глядел на него, не отрываясь. А Дио ощущал лишь нарастающий ужас от понимания: эти люди действительно могут сделать с ним это. Превратить в жалкое подобие человека. Машину, действующую по воле мастера Слова. Стоило труда не выдать себя, не показать, как же ему страшно.

— Посмотри на Марта, — Флегонт перехватил брошенный на лекана взгляд, но к тихой радости Дио неверно его истолковал. — Разве это не чудесно? Он жив! Он дышит и чувствует!! Ему доступны все человеческие радости!!! ...Убить его невозможно. Его тело вечно. Силы самого Хаоса подпитывают его. Совершенное создание,

лишенное всех недостатков человеческого существа и сохранившее все его преимущества!

Казалось, схармат напрочь забыл их разговор по дороге к депо. Зато его прекрасно помнил Март. Он быстро опустил голову, снова уткнувшись в свою тетрадь. Если бы искусственные глаза лекана могли выражать эмоции, Дио готов бы был поклясться, что увидел в них бездонную, неизбывную тоску. А еще он помнил страх смерти, сквозивший в каждом жесте лекана. Жженый всю свою жизнь прожил в этом страхе, и Дио не мог ни с чем перепутать это вечное напряжение чуть вздернутых плеч, обреченность в приопущеных уголках губ...

— Что твоя жизнь сейчас? Путь от рождения до могилы. Дорога из ниоткуда в никуда. Бесцельная и бессмысленная. — Флегонт откинулся на спинку стула, уперся рукой в край стола. Взгляд его, устремился куда-то поверх головы Дио, будто бы схармат видел там нечто, не доступное взору простых смертных. — Служение Хаосу может дать цель твоему существованию, наполнить его смыслом. Ты представить себе не можешь, как это прекрасно, осознавать, что каждая минута твоей жизни прожита не напрасно, но возложена на алтарь великого служения!

Дио слушал, не в силах поверить, что все это говорится всерьез, а Флегонт увлекся, будто попал на давно накатанную колею. В глазах его зажегся неподдельный энтузиазм. Видно было, что тема служения великому Схарму занимает его не на шутку.

— Твои способности, бездарно растрачиваемые на личное обогащение, могли бы послужить действительно великим целям. Сейчас, когда мы лишь готовим возвращение великого Схарма, мы не обладаем и сотой долей того могущества, которое способен подарить Хаос. Когда же великий Схарм займет подобающее ему место во главе своей армии... Мир содрогнется!

Флегонт вновь посмотрел прямо на Дио, и запнулся вдруг на самой высокой, патетической ноте своей вдохновенной речи.

— В конце концов, — закончил он буднично и даже как будто немного смущенно, сцепляя пальцы в замок, — мы выступаем против общего врага.

Дио вскинул бровь. До сих пор он думал, что просто живет, как живет, сам по себе, не ища ни друзей, ни врагов, желая лишь одного —

чтоб его оставили в покое. Едва ли, говоря о врагах, схармат имел в виду Игоря, счетец к которому у Дио появился именно благодаря преданным слугам Схарма.

— Новые боги, — пояснил Флегонт, заметив явное недоумение во взгляде Дио. — Хедин и Ракот, стражи так называемого Равновесия. — Голос схармата переполняло презрение. — Губитель, которому ты поклоняешься, был послан в мир Молодыми богами, чтобы расправиться с этими выскочками, богами Недеяния. Неужели, вернувшись, он не довершит начатое? Не этого ли ждете вы, Губители?

— Моя банда сама продала меня на арену, — медленно произнес Дио, с горьким наслаждением повторяя точно то, что сказал ему всего несколько минут назад Флегонт.

Тот смутился окончательно. Опустил на мгновение взгляд, пряча глаза. Прокашлялся. Взял и снова поставил на место пустой стакан.

— Люди глупы, — наконец выдавил он из себя. — А боги ценят верность и подвижничество. Ты отвернешься от того, чье имя носишь, лишь потому, что горстка грязных оборванцев, кочующих по развалинам Города, объявила тебя вне закона? — Он заставил себя вновь посмотреть на Дио, и тот увидел в глазах схармата плохо скрываемое беспокойство. — Когда Губитель вернется, ты сможешь сказать ему, что сражался с Новыми богами бок о бок с армией Схарма. Каждому воздастся по заслугам его, и последние станут первыми!

Глядя в беспокойно бегающие глазки схармата, Дио осознал вдруг, что тот боится его. Здесь, в тускло освещенном подвале, окруженный охраной, рядом с леканом, практически неуязвимым бойцом, Флегонт боялся его. Грязного оборванца, еще недавно кочевавшего по развалинам Города с кучкой таких же оборванцев, как он... Возникло странное ощущение, будто от него скрыли что-то. Что-то важное о нем самом. А теперь вот схарматы тщетно пытаются выведать у него эту давно потерянную тайну, которую он и рад бы открыть, да не знает, как. Дио подумал, что возможно напрасно он недооценивал свою способность скользить по грани миров, напрасно скрывал ее ото всех. Может кто-то, старше и мудрее, ответил бы на мучившие его вопросы... Он одернул себя. Жизнь Губителей была не только убога, но и коротка, как вспышка света в ночи. В банде не было человека старше

и опытнее Скала, и Дио доподлинно знал теперь, чего стоит доверие к нему.

— В твоей воле решать, как высоко ты поднимешься, чего сможешь достичь. А силы Хаоса, поверь, откроют тебе невиданные перспективы...

Флегонт продолжал вещать что-то. Монотонно, на одной ноте. Его голос убаюкивал. Дио смотрел, как шевелятся пухлые губы, и думал о том, какими знаниями могут обладать эти люди. Возможно, ответы на вопросы имелись у них? Флегонт — кукла, выставленная на показ. Его явная глупость и непробиваемая самовлюбленность невольно обращали на себя внимание. Крупная шишка в стане схарматов, он, как догадывался Дио, олицетворял собой всех слуг Схарма, создавая малопривлекательный, но простой и понятный образ недалекого фанатика. За этим аляповатым фасадом пряталось нечто гораздо более внушительное и зловещее. Нечто, обладающее реальной властью. О мощи этой неведомой силы говорил хотя бы союз, заключенный с уродами. За всю свою жизнь Дио не слышал, чтобы хоть кому-нибудь удалось договориться о чем-то с обитателями подземных пространств Города. Разговор у тех всегда был короток: мгновенная смерть. Подобная сила внушала невольное уважение. Быть может, действительно стоило примкнуть к слугам Схарма. Было ясно как день, весь Город рано или поздно будет лежать под их пятой, и не лучше ли сегодня выступить на стороне завтрашних победителей? А если схарматы смогут объяснить ему его суть, помогут узнать, откуда вдруг взялся его внезапный дар, докопаются до его прошлого...

Дио никогда не задумывался, кто его родители, и что с ними стало. Очень многие в банде росли так. Беспорядочные связи были нормой. Рожденные дети считались общими с трехлетнего возраста. За ними присматривали все и никто. Они росли сами по себе, как сорная трава, пробивающаяся к солнцу сквозь бетонные плиты. Многие гибли, не войдя в возраст. Люди, живущие в постоянно меняющемся мире, где каждый день мог стать последним, избегали глубоких сердечных привязанностей. Их жизнь и без того была полна боли. Дио мог лишь догадываться, какую рану нанесла Таре смерть Жженого... Сам он никогда никого не любил и не стремился к этому. Наоборот, по отношению к женщинам он всегда был подчеркнуто холоден, а порою даже жесток. В достаточной мере, чтоб ни одна из них не испытывала

к нему хотя бы тени симпатии. И такое положение дел его до последнего времени вполне устраивало.

Согласно легендам Губитель, впервые придя в мир, тоже не помнил своего прошлого. А ведь Скал наверняка знал и мог бы рассказать Дио о его прошлом всё. Он знал всё о каждом человеке в банде. Пришло вдруг острое сожаление о раз и навсегда упущенной возможности и желание поскорее исправить ошибку, воспользовавшись помощью слуг Схарма.

Ощущение это было настолько чуждым, что Дио вздрогнул, моментально выйдя из транса, в который его погрузила немолчная болтовня Флегонта. Тот замолчал, осекшись на полуслове. Еще секунду Дио смотрел на него осоловевшим, словно спросонья, взглядом, а потом медленно повернулся к сидящему в углу человеку.

«Это он!» — внезапная догадка толкнула в грудь, заставив выпрямиться на табурете. Дио во все глаза глядел на человека, только что каким-то непостижимым образом вторгшегося в его сознание, заставившего его мысли течь определенным, нужным ему образом. «Они действительно думают, что я — Губитель!» — пришла вторая мысль, и предположение это, нелепое в своей сути, вызвало у него невольный смех.

Русоволосый мужчина с пронзительным взглядом сероголубых глаз ничуть не изменился в лице, когда с губ Дио сорвался первый смешок. Он спокойно смотрел, как хохочет, заваливаясь на бок и утирая выступившие на глаза слезы, пленник. Охрана, всполошившись, шагнула от дверей ближе, нерешительно поднялись дула автоматов, Флегонт отпрянул назад, опасно покачнувшись на стуле, и даже Март встал с места, оставив в покое свою тетрадь.

— На арену, — сказал человек, хлопнув ладонями по коленям, когда Дио удалось, наконец, отсмеяться. — Магии в нем ни на грош, — продолжил он, поднимаясь и одергивая куртку, — хотя и чуток, как собака. Думаю, здесь и кроются все его секреты. Он довольно умен, обладает неплохой реакцией и звериным чутьем. Это все. После боя я желал бы видеть его в своей лаборатории. Материал неплохой.

Тут только Дио понял, с кем ему не повезло столкнуться нос к носу. Это был сам мастер Лек — величайший мастер Слова из всех, когда либо живших. Создатель леканов. Это привело Дио в чувство лучше, чем ушат холодной воды, опрокинутый на голову.

— Нет! — прошептал он одними губами, но его уже никто не услышал.

— Март. — Лек шагнул к столу, без опаски повернувшись к Дио спиной. — Отведи его в камеру. Флегонт, останьтесь. Нам нужно кое-что обсудить.

Парализованный кошмарной перспективой, Дио молча смотрел, как человек, только что решивший его судьбу одним коротким словом, подсаживается к столу, занимая место Марта, отодвигает в сторону тетрадь.

— Идем, — Март приподнял его за плечо, и Дио пошатнулся невольно. С силой развернув к себе, лекан внимательно посмотрел в глаза, а потом толкнул к двери.

Дио не заметил пути обратно. Лишь перед тем, как шагнуть за порог в тесную комнатушку, замер, обернувшись к Марту.

— Убей меня, — слова давались с трудом. — Убей меня так, чтоб ничего уже нельзя было сделать... Я не хочу, как ты.

— Это не плохо, — голос Марта был на удивление мягок, но Дио казалось, что лекан уговаривает сам себя. — И тебе лучше остаться живым. Быть мертвой лековой тварью, это действительно неприятно.

— Я убью тебя, — пообещал Дио, и шагнул в дверной проем, пригнувшись, чтоб не ударится головой о притолоку.

Глава 12

Следующие несколько дней Дио провел, пытаясь понять, как мог он позволить вновь поместить себя под замок, что помешало ему хотя бы попытаться вырваться на свободу. Ведь он ничего не терял. С ногами взобравшись на узкий топчан, привалившись спиною к холодной бетонной стене, он минуту за минутой восстанавливал в памяти мельчайшие детали того разговора, и чем больше он вспоминал, тем сильнее казалось ему, что воля его была подавлена чужой, враждебною волей.

Он прикрывал веки, и чуть расфокусированный взгляд вновь видел мастера Лека. Как тот сидит, приоткинувшись на спинку стула, пристально смотрит, склонив голову набок. Ладони спокойно лежат на бедрах, но локти широко разведены в стороны, как у человека, неуверенного в себе и стремящегося продемонстрировать свое превосходство, заняв как можно большее пространство. И это ощущение враждебного, давящего взгляда... Оно исходило от груди Лека, будто туда, под рубашку, мастер Слова вживил себе третий глаз.

Дио зябко передернул плечами. Узкая скамейка, заменявшая ему нары, опасно покачнулась. За хлипкой дверкой, выбить которую можно было б одним ударом плеча, расхаживал часовой. Конвой оставался все так же беспечен, но Дио не пытался уже бежать. На смену мрачной решимости пришла апатия. Он стал странно равнодушен к собственной судьбе. Жизнь казалась пустой и бессмысленной. Флегонт будто задел его своей болтовней, а его высокопарные разглагольствования о служении высшим целям странно запали в душу. А может быть схарматы просто что-то подмешивали ему в пищу.

Его все так же кормили трижды в день, и это была хорошая еда. Дио никогда раньше не ел столько. Он чувствовал, как стремительно восстанавливается организм. Но энергии не было. Черная воронка, появившаяся там, под странным взглядом мастера Лека, высасывала из него все силы. Ужас, завладев сознанием, парализовал волю. «Они сделают со мной это» — он был бессилен думать о чем-либо другом. Лишь теперь Дио начал понимать, с чем жил Жженый каждое мгновение своей недолгой и так бессмысленно оборвавшейся жизни. В

полудреме Дио видел перед собой Марта — полуживую игрушку в руках мастера Слова — и представлял на его месте себя. Наполненные кошмарами ночи не приносили отдохновения.

А Март не появлялся больше, и Дио раздраженно ловил себя на безотчетной тоске по лекану. Ему хотелось видеть его, говорить с ним. Дио казалось, эта тварь могла бы поддержать его сейчас, и уже жаль было слов, брошенных в приступе черного отчаяния.

Дио снова посмотрел на дверь. Часовой в коридоре закурил. Шаги стихли. Явственно слышался запах дыма. В который уж раз Дио задался вопросом, откуда схарматы берут сигареты? Судя по тому, что караул смолил, не прекращая, слуги Схарма обладали значительным запасом курева. А также респираторов, очков, резиновых дубинок, огнестрельного оружия, боезапасов и Новые Боги знают, чего еще... Как бы ни было богато то крысиное гнездо, на которое посчастливилось натолкнуться Дио, едва ли оно могло бы обеспечить нужды хотя бы трети схарматов. Ни одна банда, кроме разве что уродов, не могла сравниться по численности с армией слуг Схарма. Наверняка схарматы знали простой и короткий путь в мир Шуры. Воспоминание о девушке на миг всколыхнуло душу, пришпорило вялое течение мыслей. Слабая улыбка тронула губы. Она оттолкнула его. Гордая. Смелая. Особенная. Злость на нее поутихла. А желание обладать лишь разгорелось сильнее. Казалось, эта девушка создана для него.

В тяжелой, давящей полудреме он представлял себе её. Образ незаметно стирался из памяти, оставив лишь видение больших, широко распахнутых глаз, ощущение шелковистой кожи округлых коленей под пальцами, воспоминания об узкой ладошке, утопающей в его руке...

Когда дверь распахнулась, Дио даже не поднял головы взглянуть на вошедшего.

— Что с ним? — Март бесцеремонно схватил за вихор, заставив посмотреть прямо в глаза. Лекан казался бесконечно далеким, его лицо терялось в серой дымке. Дио почувствовал, что его мутит.

— Приказ господина Флегонта. — В голосе караульного слышалось абсолютное безразличие.

— Проклятье! — Оттянув веко, Март заглянул прямо в глаза, и Дио невольно отшатнулся. Лекан длинно и забористо выругаться. —

Помоги мне! — скомандовал он.

Вдвоем с караульным они поставили Дио на ноги. Колени подломились на миг. Как ни странно, это слегка привело его в чувство. Дио выпрямился, ощущая, как вместе с контролем над телом к нему возвращается и контроль над мыслями. Он повел рукой, пытаясь сбросить ладонь караульного со своего плеча.

— Я сам, — голос был странно глух, а пересушенные губы запеклись и едва слушались его.

Март кивнул, и караульный разжал пальцы. Дио пошатнулся, но устоял на ногах. Комната медленно вращалась перед глазами.

— Идти сможешь? — Март, казалось, куда-то спешил. Поминутно оглядывался на дверь и нервно подергивал полу куртки.

— Да, — ответил Дио, чувствуя, что готов идти куда угодно, лишь бы подальше из этого душного, прокуренного подземелья. Он ощутил вдруг, как остро ему все эти дни не хватало открытого неба и свежего воздуха. Никогда раньше он не проводил столько времени в стенах.

— Тогда идем. — Пальцы лекана вцепились в локоть. Караульный шагнул вбок, пропуская, и они вышли в коридор. В этот раз они пошли совсем в другую сторону. — Дио, последний раз, — Март говорил тихо, будто боялся, что кто-нибудь сможет услышать его, — расскажи мне, как ты это делаешь, и все закончится.

— Меня отправят в лабораторию Лека? — Дио не смог сдержать смешка. — Нет уж, спасибо.

Март замер внезапно, развернув Дио к себе с такой силой, что тот невольно пошатнулся.

— Тебя отправят к Леку живым! Понимаешь? Живым, а не мертвым! Поверь мне, это две очень большие разницы. Станешь ли ты бездушным механическим чурбаном, или все-таки сохранишь подобие человечности и свободную волю! — Голос лекана звенел от ярости.

— Боишься, что я попорчу тебя так, что ты и сам станешь мертвой лековой тварью? — Дио смотрел прямо в стеклянные механические глаза и ничего не мог прочесть в них.

— Самонадеянный глупец. — Лекан сник. Губы сжались в тонкую, твердую линию. — Ты на ногах еле держишься. Тебя убьют раньше... Я пытаюсь помочь тебе, — последнее он выдавил из себя с трудом.

— Я не хочу становиться подобием человека, — ответил Дио, гадая, почему судьба его так заботит Марта. — Идем?

Какую-то долю секунды лекан смотрел так, будто хотел ударить. Потом медленно выдохнул, выпуская весь воздух из легких.

— Идем, — сказал он бесцветно, снова беря Дио под локоть.

Они поднялись по лестнице, выйдя из подвала на первый этаж. Свежий воздух, свободно проникавший сквозь пустые оконные проемы, окончательно привел Дио в чувство. И хотя по телу еще разливалась обволакивающая, сковывающая движения слабость, голова прояснилась.

Здание было забито схарматами под завязку. Люди и леканы проходили мимо, сдержанно приветствуя Марта и едва удостаивая Дио взглядом. Из-за окон доносился невнятный гул многоголосой толпы. Жители Города собрались посмотреть на бой.

Теперь Дио вполне представлял себе, где они находятся. Недалеко от логова Тесака, на северо-западе, по другую сторону городского пруда, практически рядом с тем местом, где банда Скала попала в ловушку. Здесь обширную территорию занимали полуразрушенные корпуса какого-то промышленного комплекса. Сейчас они поднимались на третий этаж его административной части. Именно отсюда они возвращались еще совсем недавно вдвоем со Жженым. Теперь все прошедшее казалось дурным сном.

Март спешил. Он почти вытолкнул Дио с лестничной клетки в коридор третьего этажа. Там, у одной из дверей стоял караул. Это были не люди, а леканы. Мертвые леканы. Их сильно потрепало в какой-то схватке. У одного не было рук. Механические манипуляторы заменяли недостающие куски плоти. Металлические пальцы сжимали автомат. Второму где-то разнесло пол лица. Окислы на бронзе нижней челюсти казались грязными потеками неаккуратного рта. Бронзовые пластины закрывали виски, на месте ушей красовались дыры.

— Смотри! — Март снова толкнул его в спину, и Дио понял, что и первый тычок был не случаен. — Смотри! Хочешь, так как они?

Дио нехотя поднял взгляд. Нет, вид мертвых тварей не вызывал у него отвращения. Он привык смотреть на них бесстрастными глазами охотника. Он видел и гораздо более устрашающие экземпляры. Но сейчас невольная дрожь прошла по плечам. Глядя на тварей, он никогда не предполагал, что и сам может стать таким же.

— Лучше уж так, как они, чем так, как ты — медленно ответил Дио, глядя в пустые, невыразительные глаза леканов.

Март все-таки не сдержался. Он сграбастал Дио за ворот, с силой развернув к себе. Кулак замер в считанных миллиметрах от лица.

— Правда глаза колет? — спросил Дио, ухмыляясь уголком рта.

Март оттолкнул его прочь, и Дио спиной вперед влетел в дверь комнаты, распахнув ее собственным телом.

Это была лаборатория. Металлические столы, так хорошо знакомые Дио по логову Тесака. Гнутые эмалированные миски, медицинский инструмент, пробирки, спиртовка, чашечки петри, микроскоп, другие приборы, о назначении которых Дио мог только догадываться. Человек, которого Дио узнал сразу и без труда, закрывал застекленную дверцу шкафа.

— Тесак?! — В который уж раз Дио почувствовал, как теряет точку опоры.

Тесак был жив. Это просто не укладывалось в голове и в то же время казалось абсолютно логичным. Никогда раньше уроды не оставляли в живых никого, но разве когда-нибудь раньше уроды заключали договоры с кем бы то ни было?

— Привет, — сказал Тесак. Его голос был абсолютно бесстрастным, а очки-консервы в пол лица скрывали эмоции даже лучше, чем стеклянный взгляд лекана. — Не ожидал увидеть тебя здесь. Мне казалось, ты достаточно умен, чтоб не попасться.

Насмешка не задела. Так, всколыхнулась и тут же схлынула злость. Тесак всегда говорил, что думает, прямо в глаза, и Дио уважал его за это. Март прошел внутрь, аккуратно закрыл за собой дверь.

— Можешь привести его в порядок? — спросил лекан, присаживаясь на край ближайшего стола.

— А что с ним не так? — Ехидная усмешка не сходила с губ мясника. — В последний раз он выглядел гораздо, гораздо хуже.

— Флегонт перестраховался. Подсадил его на транквилизаторы. Чтоб вёл себя тихо и не рыпался.

Дио стоял, переводя взгляд с одного на другого. Эти двое общались как старые приятели, а сам он вдруг почувствовал себя лишним здесь.

— Я могу вколоть ему кое-что, да, боюсь, сердце не выдержит.

— Коли. — Март рубанул воздух ладонью. — Наверняка его сегодня убьют, а так у него может быть появится шанс.

— Все нянчишься с убогими? — Выдвинув ящик стола, Тесак перебирал ампулы. Звенели, ударяясь друг о друга склянки. — О себе бы подумал. Он тебя прихлопнет как муху. Он может...

— Уймись, — Март отмахнулся устало, будто продолжал старый, изрядно надоевший спор.

Дио машинально закатал рукав рубашки. Пока Тесак наполнял шприц, несколько раз сжал кулак, и игла легко вошла в вену. Прозрачная жидкость в шприце на мгновение окрасилась красным, а потом Тесак мягко догнал поршень до упора и тут же прижал ваткой место укола.

— Сядь, посиди. — Мясник кивнул на кушетку, и Дио послушно сел. Старая, пересохшая клеенчатая обивка затрещала под его весом, расходясь по швам. Тесак бросил равнодушный взгляд и отвернулся, полез в задний карман джинсов за портсигаром. Открыл и по старой своей привычке протянул Дио, предлагая угощаться. Тот мотнул головой. Сигареты теперь ему были совершенно ни к чему. Отметил лишь для себя, что в этот раз жестянка была полна под завязку, и все сигареты выглядели новыми, будто их только что доставили с фабрики, а не нашли где-то под завалами. Заметил и то, что Тесак даже не подумал предлагать сигареты Марту. То ли лекан не курил, то ли Тесак не считал его равным себе...

Лекарство начало действовать. Восприятие обострилось до предела. Табачный дым ударил по рецепторам. Сердце забилось быстрее, застучало в висках. Предметы, словно собранные в линзу, стали объемнее и выпуклее. Дио покачнулся, схватился за край кушетки, боясь упасть.

— Что? Вштырило? — спросил Тесак. Его голос звучал словно издалека. — Дыши глубже.

Дио сделал глубокий вдох, ощущая каждый кубический миллиметр воздуха, проникающий в его легкие. На языке оставался кислый вкус табака. Запах дыма странно мешался с запахами лекарств. Март посмотрел внимательно и поднялся распахнуть окно. Мгновенно стало чуточку легче.

Дио откинулся к стене, ощутив сквозь рубашку ее холодную, шершавую поверхность. Прикрыл веки, дыша размеренно и ровно. С

каждым вздохом ему становилось лучше и лучше. Липкая испарина выступила по телу. Рубашка моментально промокла, зато он, наконец, окончательно пришел в себя. С улицы слышались крики. Толпа скандировала его имя...

Дио распахнул глаза.

Март смотрел взгляд к взгляду.

— Оклемался? Идем!

Дио ударил по руке, потянувшейся к плечу.

— Хватит, — сказал он, поднимаясь. — Достаточно.

Тесак, ухмыляясь, затушил бычок в чашечке петри.

— Вот теперь я тебя узнаю. — Он скрестил руки на груди.

— Нас ждут. — Март едва сдерживался.

— Я слышу, — Дио шагнул к окну, и крики стали четче. — Губитель, что это?

— Это Скал. — В голосе лекана прорезалось раздражение. — Сделал из твоего боя событие. Последние дни во всем городе только и разговоров, что о тебе.

— Но зачем? — Дио действительно не понимал этого. Ему ответил Тесак.

— Кажется, Скал хочет убедиться, что ты действительно умрешь, а не сгинешь где-нибудь в дальних схарматских лагерях, чтоб объявиться вдруг лет через пять-десять. Чем ты так помешал ему, Дио?

Дио проигнорировал вопрос. Обернулся к Марту.

— У меня нет выбора. Я правильно понимаю?

— Ты можешь рассказать все мне, — ответил лекан.

— Это не выбор. — Дио улыбнулся уголком рта. — Идем. Я собираюсь показать все, на что способен.

«В память о Жженом», — добавил он про себя.

Март хмыкнул и сделал шаг к двери. «Не боится поворачиваться спиной», подумал Дио, понимая, что это — не беспечность Флегонта, а своего рода доверие. Март уважал в нем бойца и знал, что Дио относится к нему так же. Осознавать это было приятно.

Они вышли в коридор. Март повел его дальше по этажу. Дио прекрасно помнил, где и как проходили бои. Слишком часто Жженый таскал его туда. Три огромных ангара, поставленных рядком, соединялись широкими рельсовыми воротами. Гладкие металлические стены, на три-четыре метра уходящие к некогда застекленной крыше, и

толстые столбы, поддерживающие ажурный каркас кровли. Именно на этих перекрытиях, прямо над ареной, и располагались зрители. Бой начинался в одном из крайних ангаров, после распахивались ворота, и те, кто выжил, переходили в новый ангар к новым противникам. Редко кто добирался до третьей арены. Но даже немногие выжившие были обречены. Из схватки с мертвыми волками живым не выходил никто.

Дио не сомневался: для него схарматы придумали нечто особенное. Толпа ждала этого боя как события, ее ожидания нельзя было обмануть. Сам он шел на бой, ни на что не надеясь и не думая ни о чем.

Коридор третьего этажа вывел их в длинный, продуваемый всеми ветрами бетонный переход от административного здания к промышленным корпусам. Дио бросил быстрый взгляд во двор. От свободы его отделяли добрых восемь метров высоты и просторная, прекрасно простреливаемая площадь перед забором. Огнестрельное оружие в этой части города сбоило чаще, чем стреляло, но часовых на предполагаемом пути бегства было слишком уж много. Но даже если ему удалось бы бежать, усилиями Скала весь Город открыл бы охоту на него. Дио невесело хмыкнул. Март обеспокоенно оглянулся, и Дио оскалил зубы в недоброй улыбке.

Тяжелая бронированная дверь в конце перехода была явно установлена совсем недавно. Взгляд скользнул по свежему, не окислившемуся еще сварному шву. Здесь на карауле стояли живые леканы, а над входом помаргивал глазок видео камеры. Нажав на кнопку звонка, Март стал так, чтобы его можно было рассмотреть. Дио же, не таясь, разглядывал караул. Если бы не искусственные глаза, их можно было б принять за обычных людей. Минимум металлических частей, спрятанных в основном под одеждой, розоватая кожа, мерно вздымающаяся грудь. Дио смотрел, пытаясь понять, как можно было позволить сотворить с собой подобное и сохранить рассудок. Накатило острое чувство сожаления о тех тварях, которых он поставлял Тесаку для разделки. Ведь добрая половина их бежала от своих хозяев. Бежала, чтобы пойти под нож мясника...

— Дио. — Март тронул за рукав, и Дио вздрогнул, посмотрел на распахнутую дверь. — Ты ничего не хочешь мне сказать?

Дио перевел взгляд на лекана. Его пустые стеклянные глаза глядели безо всякого выражения, словно глаза мертвеца. Дио зябко

поежился.

— Нет, — ответил он, переступая порог комнаты.

Март шагнул следом, и дверь сама закрылась за ними, разом обрезав неистовый рёв толпы. Полумрак помещения разбавляли помаргивающие огоньки приборов. Нигде и никогда Дио не видел ничего подобного. Переплетения проводов, тихий гуд работающих механизмов, многочисленные реле и табло с подрагивающими стрелками. Трое схарматов в длинных балахонистых одеяниях, украшенных изображением глаза, суетились в центре. Там, на небольшом постаменте возвышалось тяжелое, вырезанное из цельного куска дерева и обитое темно-коричневой кожей, кресло. Оно казалось бы удобным, если бы не ремни для запястий на резных подлокотниках, да стальное полукольцо на уровне груди. Дио понял, что не хочет знать, кем и для каких целей используется это кресло. Ему не хотелось даже смотреть на него. Дио перевел взгляд и увидел Флегонта.

— Зачем ты притащил его сюда? — Флегонт казался не выспавшимся, вокруг покрасневших глаз залегли темные круги, хриплый голос звучал раздраженно.

— Это самый короткий путь на арену. — Март все-таки взял Дио под локоть, но теперь тот не сопротивлялся. Он хотел уйти отсюда как можно скорее. Ощущение черной, давящей силы, не раз возникавшее во время схваток на арене, сейчас возросло, став практически невыносимым.

— Самый короткий путь? — Флегонт изумленно вскинул бровь. — Я тебя умоляю... Ты водил его к мяснику? — Флегонт может и был туповат, но даже он смог сопоставить очевидные факты.

— Если б не ты со своей предусмотрительностью, мне не пришлось бы этого делать.

Март почти протащил Дио через всю комнату к другой двери. Там, на небольшом экране транслировалось изображение первой арены. Бой уже начался. Кучка людей, вооруженных чем попало, вяло копошилась посреди ангара. Шел первый бой на выживание, где каждый дрался сам за себя. Только десятеро из двадцати с лишним человек могли пройти на следующую арену, где их уже будут ждать противники посерьезнее. И люди дрались, пытаясь хоть на миг оттянуть неминуемую гибель. Зрители, оккупировавшие перекрытия под самой крышей, подбадривали дерущихся, швыряя в них камни.

Арбалетчики отстреливали тех, кто, упав на бетон, не подавал уже признаков жизни. Число сражающихся медленно, но неуклонно сокращалось. Звука не было, но Дио догадывался, какой рёв сотрясает металлические стены ангара.

— Убери его отсюда! — Флегонт подошел, схватил лекана за плечо, разворачивая того к себе. Март без труда сбросил ладонь. — Сейчас придет Лек! — последнее схармат почти выкрикнул. В его голосе прорезались истерические нотки.

— Ну, вот и объяснишь ему, зачем ты накачиваешь заключенных психолептиками, вместо того, чтоб обеспечить им надежную охрану. То-то они у тебя ползают как сонные мухи... А потом удивляешься, почему машина работает в половину мощности.

Флегонт издал какой-то булькающий звук и замолчал, а Март нажал что-то, и на экране в четверть окна развернулось изображение второго ангара. Там еще было пусто.

— Сейчас эти закончат валить друг друга, и ворота откроются. Десять человек, ты одиннадцатый. Против вас выйдут пять тварей, — Март нехорошо ухмыльнулся, произнося это, — пять мертвых лековых тварей, Дио. Будь умницей, убей их всех. Я буду ждать тебя в третьем ангаре.

Март подтолкнул его в спину по направлению к другой двери.

— Предлагаешь мне душить их голыми руками? — Дио не стронулся с места. Взгляд его был прикован к экрану. Там упал на бетон еще один боец, и на арене осталась всего дюжина человек. Один что-то крикнул, выбросив вверх руку с копьем, и вся толпа навалилась на двоих «лишних» подранков. «Подонки», подумал Дио, понимая, что поступок этот был абсолютно логичен, и тот, кто отдал приказ, избавлялся от обреченных, давая лишний шанс остальной группе.

— На, — сказал Март, вынимая из-за пояса нож.

В глазах у Дио потемнело. Это был его нож. Тот самый нож, которым Игорь убил Жженого.

Глава 13

Рукоять привычно легла в ладонь. Пальцы ощутили едва уловимое тепло полированного дерева.

— Ты с ума сошел?! — Флегонт обеспокоенно дернулся в сторону, подальше от тускло поблескивающего лезвия. — Он перережет тут всех!

— Не перережет, — ответил Март, распахивая вторую дверь, впуская в тесную комнатку многоголосый рёв толпы. — Его ждут на арене.

«Ди-о! Ди-о! Ди-о!» кричали собравшиеся в ангаре люди, и Дио выругался зло. Переступил порог, пригнувшись, чтоб не удариться головой о низкую притолоку. Дверь захлопнулась с металлическим лязгом, отрезав последний путь к отступлению. Дио крепче сжал пальцы. Нарочно или нет, но Скал оказал ему неоценимую услугу. Там, в ангаре, под некогда остекленной крышей, над самой ареной его ждала сотня другая вооруженных бойцов. Ждала как полубога, как живое воплощение Губителя. И у него теперь оставался один лишь путь на свободу, один путь обратно, в Город, без которого Дио не представлял свою жизнь. Выйти на арену и победить. Тогда толпа, может быть, пойдет за ним, когда он позовет. Он очень хорошо помнил то чувство единения, что заставляло зрителей кричать в один голос, неистовствовать и швырять на арену камни. Это коллективное безумие, всегда немного пугавшее его, сегодня стало его единственным шансом на спасение.

Длинный узкий коридор простирался в обоих направлениях и скорее всего кольцом охватывал все цеха завода. Под низеньким потолком слабо мерцали трубки пожелтевших от времени и постоянной сырости ламп. Железная коробка коридора искажала звук, но слева рев толпы был ощутимо громче. Дио пошел туда. Свернул за угол и увидел размытое пятно света впереди. Пустой дверной проем выходил на сетчатую металлическую площадку, огражденную перильцами. Сорванная с петель, в труху проржавевшая дверь валялась тут же. Выходить туда, под многоголосый рёв толпы было страшно. Дио чувствовал, как содрогаются стены. Выкрикивая его

имя, люди подпрыгивали на двутавровых балках и трясли ажурное переплетение каркаса некогда застекленной крыши. О том, что площадка за дверным проемом могла так же проржаветь и не выдержать его веса, Дио даже не думал.

Собравшись с духом, он шагнул, наконец, наружу.

От крика «Губите-е-ель!» заложило уши. Идущее на закат солнце ударило прямо в глаза. Крохотный металлический балкончик накренился, натужно заскрипев под ногами, и Дио невольно вцепился одною рукой в перила. Вторую он вынужденно вскинул в приветствии. Не стоило выходить на арену вот так, на полусогнутых, с дрожью в коленях. Казалось, толпа взревела еще громче. Какие бы слухи ни распустил Скал, он постарался на совесть. Всё, что теперь оставалось — не давать остынуть накалившимся страстям, все жарче раздувая градус. Сделать это на поверку выходило гораздо сложнее, чем ему казалось в начале. Бросив взгляд под ноги, Дио увидел, как крошится, осыпаясь, рыжая ржа, и медленно отходит от стены крепление. Площадка все сильнее кренилась на бок. Металлическая лестница вела вниз, к другой такой же площадке уровнем ниже. Времени раздумывать не было: за спиной раздавался громкий треск. Дио прыгнул через весь пролет, на площадку второго этажа и, снеся плечом и без того еле державшиеся перила ограждения, перекатился через край, завис на мгновенье на руках, а потом разжал пальцы. Ему удалось уйти в перекат. Песок и мелкий мусор, чуть присыпавшие бетонные плиты, лишь слегка смягчили падение. Левое плечо, принявшее на себя основной удар, занемело.

Дио вскочил на ноги, вскинул правую руку, вызвав рев и неистовство толпы над головой. Левая висела как плеть. Дио повел плечом, пытаясь вернуть чувствительность полупарализованным мышцам. Позади со страшным грохотом обрушились оба лестничных пролета. По правую руку медленно поползли в сторону поставленные на рельсы ворота. Десять «счастливчиков» готовились перейти во второй ангар. Дио подобрался невольно. Многое зависело от того, как примут его эти люди. Он трезво рассчитывал свои силы и понимал, что в одиночку пятерых леканов ему не одолеть никогда. Глаз сам выхватил из толпы человека, отдавшего приказ добить раненных, и Дио отсалютовал ему зажатым в кулаке ножом. Человек пристально

посмотрел в глаза, и на секунду над ареной воцарилась напряженная, звенящая тишина, а потом копье поднялось в ответном салюте.

От криков и свиста заложило уши. Бойцы прошли за ворота, и те медленно поплыли обратно. Понимая, что леканов выпустят на арену, как только ворота захлопнутся, Дио бегом побежал навстречу своим будущим соратникам. От резкого движения боль пронзила левую руку электрическим разрядом, но Дио чувствовал, что уже может пошевелить пальцами, слегка согнуть локоть.

Бойцы уже забыли, что буквально несколько минут назад готовы были рвать друг другу глотки. Дио встретили десять пар настороженных глаз. Это была одна команда, и сплотилась она там, на первой арене, добивая раненных. Не лучший вариант, но другого у Дио попросту не было.

— Пять леканов, мертвые твари — он перешел сразу к делу. Времени оставалось мало. Ворота за их спинами почти захлопнулись. — Не пытайтесь убить, пробуйте обездвижить. Лучший вариант — повредить мозг. Удар под подбородок длинным штырем. Штырь оставляем в теле. Глаза и уши будут защищены.

Мелькнула на мгновение мысль, как легко на самом деле иметь дело с тварями, если хочешь их просто убить, а не взять живьем для разделки. Только страх, иррациональный страх перед ходячими трупами мешал Городу раз и навсегда избавиться от этой заразы.

— Лестница, — человек с копьем кивнул на обрушившуюся металлическую конструкцию, и Дио тихо порадовался, что не ошибся в нем.

Дио надеялся, что мысль использовать длинные штыри перил как оружие придет кому-нибудь в голову. Приказ разобрать лестницу, исходи он от него, мог бы быть воспринят как попытка перехватить власть у наметившегося лидера. Сейчас же все шло наилучшим образом. Несколько человек бросились выламывать штыри, а рев толпы над головой подсказал: ворота захлопнулись, и на арену вышли мертвые твари. Дио медленно обернулся, посмотрев в дальний конец ангара. Пятеро, как и обещал Март. Каждый вооружен ножом и шестопёром.

Мастер Лек выбрасывал на арену расходный материал. Леканы были жестоко потрепаны в битвах. Почти у всех не хватало конечностей: механические протезы заменяли руки и ноги. Двое не

уберегли и головы. Череп одного сплошь пестрел металлическими заплатами. Судя по окислам, каждую из них он получил в разное время. Дио мог себе представить, какой ужас должны вызывать эти ходячие мертвецы.

По условиям игры бойцам достаточно было просто выстоять четверть часа, и тогда оставшихся в живых пропустят в третий ангар. Табло над воротами вело обратный отсчет времени. Но Дио не собирался занимать оборону. Он прекрасно понимал, что это — первый шаг к поражению, и чтобы выжить и победить, они должны убить всех вышедших на арену тварей. Пальцы крепче стиснули нож.

Твари шли напролом, по прямой. Ровным, размеренным шагом. Вечная тактика мертвых леканов, беспрекословно выполняющих отданный приказ. Запрограммированные на убийство, не способные к импровизации и предсказуемые до предела. Выбрав цель, они будут рваться к ней кратчайшим путем. В этом и заключалась их главная слабость. Дио надеялся, его случайные соратники тоже понимают это. Времени объяснять что бы то ни было уже не осталось. Дио бросил еще один взгляд на копейщика, и тот кивнул ему. От стены уже шли вооружившиеся штырями люди. Мелко семеня, Дио двинулся в сторону, обходя тварей по широкой дуге. Просторный ангар оставлял достаточно места для маневра. Бетонные столбы, поддерживавшие ажурный каркас крыши, могли дать какое-никакое укрытие, скрыть на мгновение с глаз. Кто-то последовал его примеру, начав обход с другой стороны.

Если бы твари остановились в центре ангара спиной друг к другу, они были бы практически неуязвимы. Но каждой из них был дан приказ убивать, и они действовали независимо друг от друга. Зрители над головой притихли, ожидая начала боя. Стало слышно, как гуляет, шелестя обрывками целлофана, ветер, как скрипит под подошвами песок. Дио окинул взглядом арену. Он привык работать один. Редко — в паре со Жженым. Но сейчас ему нужно было следить за передвижениями еще десятка человек. В этом поединке мало было победить. Нужно было сохранить жизнь этим людям. Это были не лучшие бойцы. Дио оценил уже скорость, с которой те двигались, точность их движений. Он не мог бы сказать, было ли это делом рук Флегонта, да это теперь было и не важно.

Бойцы рассыпались по арене. Дио двигался, не останавливаясь, пытаясь держать в поле зрения всех и сразу, отмечая и достраивая в уме возможную траекторию передвижений. Бойцы расходились грамотно. Группами по три, когда один отвлекал на себя внимание твари, а двое других пытались зайти сбоку, в мертвую зону, не контролируемую леканом. Они вели себя как загонщики, а не добыча, и в этом была уже половина победы. Дио почувствовал, как губы сами расходятся в усмешке.

На арене воцарилось относительное затишье. Люди перемещались с места на место, не спеша вступать в схватку, но держась настороже. Ведь все, что им было нужно — это выстоять какие-то жалкие пятнадцать минут. Дио бросил короткий взгляд вверх. Нужно было начать схватку. Если зрителям не понравится бой, он обречен. Дио прекрасно понимал это. Потому, в очередной раз перебегая от колонны к колонне, он выбрал цель и, уже не таясь, ринулся к ней. Толпа над головой восторженно заревела.

Лекан замер. Развернулся всем корпусом, рванул навстречу. В последний момент Дио упал на колено, уходя в перекат, прямо под ноги твари. Та обладала хорошей реакцией. Дио скорее почувствовал, чем увидел, как тварь перепрыгивает через него. Откатился в сторону, ожидая удара, и не ошибся. Железный шестопёр обрушился за спиной, выбив из бетона искру. Зато копейщик ткнул тварь копьем в спину. Острие соскользнуло, заскрежетав по металлу армированных лопаток, но тычок был достаточно силен, чтобы тварь покачнулась.

Дио никогда не выходил в бой против такого числа тварей и не знал, станут ли они прикрывать друг друга. Теперь ему представился шанс проверить это на практике. Словно во сне, когда все движения тяжелы и замедленны, Дио видел, как тварь падает прямо на выставленный им нож, а позади несется, целя шестопёром в голову копейщика, вторая. Понимая, что времени осталось мало, Дио вогнал нож под подбородок твари и разжал пальцы, не пытаясь вынуть его обратно. Продолжая начатое движение вперед и вверх, он перехватил ткнувшееся в бетон острие копья и дернул изо всех сил на себя.

Копейщик, намертво вцепившийся в единственное свое оружие, кубарем полетел наземь, и падавший сверху шестопер задел его вскользь, лишь слегка оглушив. Зато копье осталось в руках у Дио. Его тупым концом он сумел отпихнуть вторую тварь прочь, прямо в руки

подоспевших бойцов. Упавший под ноги копейщик захрипел невнятно, и Дио развернулся, резко пригнувшись. Шестопёр просвистел над головой, и волосы на затылке встали дыбом. Тварь со всаженным под подбородок ножом смотрела своими стеклянными глазами, и рука уже поднималась нанести другой удар. Понимая, что не успеет перехватить копье так, чтобы наверняка всадить его под ребра твари, Дио разжал пальцы. Копье с деревянным стуком упало наземь, а Дио, распрямляясь, словно туго скрученная пружина, всем корпусом врезался в тварь, сбивая ту с ног и перекидывая через себя.

От резкой боли потемнело в глазах. Он совсем забыл про ушибленное плечо. Не удержавшись на ногах, рухнул на одно колено. Грудь жгло, он задыхался, и не мог протолкнуть сквозь намертво стиснутые зубы хоть маленький глоточек воздуха. Кто-то пихнул его в бок, заставляя упасть, и тем самым спас ему жизнь. Дио сумел перекатиться в сторону, уходя от удара механической руки. Пудовый кулак бил с силой кузнечного молота и был способен размозжить череп. Зато вынужденное движение вернуло Дио способность дышать. Он вскочил на ноги, оглядываясь. Одна тварь, распятая на стыке бетонных плит, пригвожденная всаженными в плоть металлическими штырями, уже не подавала признаков жизни. Вторую, пронзенную насквозь, держал копейщик, и кто-то из бойцов ударами шестопёра разбивал металлическую голову — дергалось, агонизируя, тело. Зрители над головой бесновались в экстазе. Их крики перешли в непрекращающийся вой.

Глаз мгновенно сосчитал количество людей. Пятеро были здесь. Значит, еще пять сражались где-то против трех тварей. Подхватив валявшийся тут же шестопёр, он кинулся на выручку второй группе, на бегу продевая кисть в ременную петлю на рукояти. Боковым зрением Дио уловил движение, кто-то бросился за ним вслед. Вдвоем они неслись туда, где трое леканов, загнав в угол, методично, с нечеловеческим спокойствием добивали группу из трех человек. Те еще отбивались, но силы были явно не равны. Четвертый лежал поодаль. Три арбалетных болта торчали из спины убитого. Над ним, раскачиваясь и распялив рот в безмолвном крике, сидел пятый. Кровь заливала его лицо, ярко белела сломанная кость руки, но он, по крайней мере, был жив. Дио забыл о нем на время, полностью сосредоточившись на тварях. Он мог взять на себя только одну.

Удар шестопёром в затылок едва ли вывел бы её из строя. Дио знал наверняка, это одна из самых защищенных частей черепа тварей, искусственно усиленная металлом. Оставалась височная область. Не раз и не два наблюдая процесс разделки, Дио достаточно разбирался в анатомии леканов. Может Лек и начал какие-то эксперименты, но большинство тварей, попадавшихся Дио, были собраны по одной схеме, и удар в висок мог бы повредить мозг. Если б только удалось разбить тонкий прибор, отвечавший за невероятно чуткий слух леканов, вогнать его осколки поглубже в серое вещество.

Он не рассчитал свои силы. Шестопёр едва смял височную пластину ближайшей твари. Та пошатнулась, но тут же начала разворачиваться, готовая атаковать нового противника. Боец, дравшийся с ней, получил короткую передышку, а Дио очутился один на один с леканом. Тот, кто бежал за ним следом, бросился на выручку другой группе. Осознание этого факта заставило Дио отпрянуть назад. В ближнем бою обладавшая стальною хваткою тварь была практически непобедима.

Дио быстро перемещался назад и в сторону, уводя тварь подальше от дерущихся и раненных бойцов. Чаша весов покачнулась, у загнанных в угол людей появился шанс на спасение. Мозг работал на предельных оборотах, просчитывая варианты. Шестопёр в его руках из грозного оружия превратился в бесполезную железяку. Нож он оставил в теле первой твари. «Душить голыми руками», — вспомнил Дио, и невольная усмешка тронула губы. Эта усмешка, смутила бы любого другого противника, приведя его в замешательство, но лекан оставался абсолютно спокоен.

Дио привык следить движения тварей не по выражению глаз, а по напряжению мышц, и потому успел упредить внезапный рывок лекана. Шестопёр сам поднялась навстречу метнувшейся руке с зажатым в ней ножом. Этот удар, выбивший бы оружие у любого другого противника, в кашу раздробивший бы его кости, лишь свез плоть с пальцев лекана, обнажив стальной каркас скелета. Рука чуть дернулась в сторону, но тварь не сбилась с шага, даже на секунду не прекратив наступление. Нужно было кончать с этим. Дио чувствовал, что уже выбивается из сил, а в третьем ангаре его ждал Март...

Шестопёр давал ему небольшое преимущество, позволяя почти без труда достать противника, и Дио использовал его как последний

шанс. Вложив в движение всю оставшуюся силу, он ударил шестопёром вертикально, целя прямо в лицо твари, и та отшатнулась инстинктивно. Серией коротких, быстрых ударов в голову, часть которых даже не доставала до цели, а другая не способна была причинить хоть какой-нибудь вред, он перешел в контратаку, заставив лекана попятиться назад. Древние, животные инстинкты работали безупречно. Тело твари само реагировало на угрозу, и никакой разум не был способен взять под контроль это желание избежать прямого удара в глаза. И прежде чем лекан понял, что происходит, Дио прогнал его через пол ангара, прямо к лежащему на земле трупу.

Тварь запнулась о тело и, потеряв равновесие, рухнула наземь. Уже не боясь открыться, Дио размахнулся и изо всех сил ударил тварь в голову. Шестопёр завяз в черепе, разбив-таки острым шипом один стеклянный глаз, и боец с перебитой рукой довершил начатое, вонзив длинный железный штырь под запрокинутый подбородок твари. Судорога сотрясла тело лекана, а потом пальцы его разжались, выронив нож.

Дио выпростал ладонь из ременной петли, с трудом распрямился. Встретился глазами с раненым и улыбнулся широко, не скрывая своего торжества. Зрители над головой бесновались. Табло над выходом из ангара не успело отсчитать и половины положенного на бой срока. Все твари были мертвы, а они потеряли лишь одного человека убитым. Копейщик шел, опираясь на свое копье и так же улыбаясь от уха до уха. Его левую ногу перетягивала наспех придуманная повязка. В другой руке он держал нож Дио.

— Держи, — сказал он, подойдя ближе. — Ты спас мне жизнь сегодня. Я у тебя в долгу.

— Не знаю, кто отпихнул меня в сторону, — ответил Дио, принимая нож, — но можешь считать, что ты свой долг уже отдал.

Дио не понимал таких отношений и всеми силами избегал их. Ему чудилась какая-то фальшь в этом «ты мне, я тебе». А еще он чувствовал, что приняв раз подобный долг, он как будто давал обещание и самому впредь поступать так же. А связывать себя обязательствами он не любил. Но копейщик ухмыльнулся и добавил, как будто скрепляя договор подписью:

— Меня зовут Ланс.

Дио отвернулся, силясь скрыть досаду. Вторые ворота ангара содрогнулись, выходя из паза в стене, и плавно пошли по рельсу в сторону, открывая проход дальше. Бойцы стояли молча, пытаясь восстановить свои силы в эту короткую паузу перед следующим боем. Зрители ушли уже, перебравшись по перекрытиям на третью арену, и стало относительно тихо. Высоко в темнеющем небе плыли легкие облачка. Свежий ветер остужал горячий пот. Дио почувствовал вдруг, как приятно ноют давно не получавшие разминки мышцы, как гудит, отдавая в локоть острою болью, ушибленное плечо, как щекочут затылок взмокшие волосы.

— Только бы не волки, только бы не волки, только бы не волки, — шептал кто-то рядом, и Дио оглянулся посмотреть. Парень с перебитой рукой глядел на ворота, обескровленные губы едва шевелились, в глазах плескался безотчетный ужас.

«Он добил тварь», напомнил себе Дио, пытаясь подавить поднявшееся было презрение. Один из стоявших рядом бойцов положил руку на плечо, пытаясь подбодрить, и парень вздрогнул, вскинул испуганный взгляд. Дио покачал головой, вздохнул тяжело, ощутив вдруг какую-то усталость. Будто его решение драться за жизнь каждого из этих людей легло ему на плечи неподъемным грузом.

А ворота все ползли и ползли в сторону. Дио ждал, давая группе возможность отдохнуть, хотя сам едва сдерживал желание ринуться в следующий бой. Бой, в котором решится всё. Он почувствовал наконец-то долгожданный азарт...

Очевидно, не он один испытывал желание подраться. Едва ворота распахнулись наполовину, копейщик издал утробный, звериный рык и широким шагом, не хромая уже, и не помогая себе копьем, двинулся в следующий ангар.

— Идем, — сказал Дио, отправляясь следом.

Глава 14

В последние дни Дио часто спрашивал себя, почему Жженый так любил эти игры. Сам Жженый всегда уходил от ответа. Но всякий раз заранее знал, кто будет драться, когда и с кем. Дио даже не пытался представить, по каким каналам Жженый добывал эту информацию. Сам он ненавидел бои на арене и ходил на них потому лишь, что это было едва не единственное, о чем его просил Жженый. Бои заканчивались слишком поздно, а Жженый боялся появляться на улице после заката в одиночку. Все знали, что в это время мастер Лек спускает с поводка своих тварей, и те выходят в Город поохотиться.

Схватки на арене мало чем отличались одна от другой и всегда заканчивались одинаково, но неизменно собирали толпы зрителей. Людей тянуло под крышу ангаров словно магнитом. Дио и сам с трудом противился чувству единения с толпой, что охватывало его всякий раз, когда накал страстей достигал пика. Ощущение это наполняло энергией, дарило иллюзию силы, но чувство опустошенности, накатывавшее после, едва ли могло с чем-то сравниться. По пути в банду, Жженый часто принимался рассуждать о том, что было бы, если... Если бы нож пробил броню лекана, если бы раны на теле волка не затянулись так быстро, если бы бойцу ударом палицы не сломали ногу. Дио не любил эти разговоры. Он знал, как коротка и жестока жизнь, и не питал напрасных иллюзий. А Жженый как будто ждал, что однажды все пойдет не так, как обычно, и шел на каждый новый бой с предчувствием чуда.

Идя к третьему ангару, Дио надеялся, что люди, облепившие балки и перекрытия под его крышей, тоже пришли сюда с подобными чувствами. Он чуть прибавил шагу, чтобы войти в ангар одновременно с копейщиком. Остальные бойцы невольно подтянулись за ними, и ворота они миновали одной сплоченной группой. Их приветствовал рёв толпы. Дио молча вскинул руку с ножом, а бойцы вокруг закричали во всю силу легких. Этим криком они сбрасывали нечеловеческое напряжение предыдущего боя. Ланс рычал и прыгал, неловко припадая на раненную ногу и потрясая копьем, будто грозился добраться до каждого, кто смотрел на него сейчас сверху. Дио окинул

взглядом площадку. Ворота за их спинами почти захлопнулись. В финальной схватке на арену выпускали волков, но Март обещал ему, что будет ждать его здесь, и Дио был почти уверен, волков не будет. Даже леканы избегали приближаться к этим тварям. Мертвые волки по праву считались самыми смертоносными созданиями мастера Лека. Практически неконтролируемые, они едва подчинялись приказам, и только мастера слова могли держать их в повиновении. Но все равно, Дио смог расслабиться, лишь когда увидел леканов, выходящих из-за колонн в дальнем конце ангара. Три твари. Длинный нож и цепь у каждой. Март был среди них.

Три живых твари были на порядок опаснее пяти мертвых. Март был прав говоря, что в них осталось достаточно человеческого, чтобы обладать полноценным разумом и свободой воли. Это делало их по-настоящему серьезными противниками. Дио подобрался невольно. Бойцы тоже заметили появление тварей. Крики стихли. Примолкли и зрители наверху.

— Всего трое, — сказал кто-то рядом.

— Рано радоваться, — ответил Дио. — С этой троицей придется повозиться. — И добавил, не удержавшись, — центральный — мой.

— Бери хоть всех, — ответили ему, и бойцы грянули дружным хохотом.

Дио усмехнулся. Повел плечом, разминая натруженные мышцы. Он сделал для этих людей все, что мог. Если ему удастся оттянуть на себя Марта, то на оставшихся двух тварей придется девять человек. «Восемь», поправил он себя, вспомнив парня с перебитой рукой. Не много, но и не мало, если действовать грамотно и согласованно. Найдя взглядом Ланса, Дио кивнул ему, и копейщик, ухмыльнувшись, кивнул в ответ. Оба понимали, что бой этот может стать для любого последним. Дио порадовался, что хоть кто-то понимает это. Он боялся, что люди, никогда раньше не сталкивавшиеся с лековыми тварями лицом к лицу, недооценят противника.

Развернувшись, Дио неспешной трусцой побежал вперед, туда, где их ждали леканы. Над головой раздались восторженные крики зрителей. Это было как нельзя кстати. Дио хотел послушать, что ему скажет Март «один на один». Двух тварей, стоявших рядом, Дио за людей не считал. А вот беседовать с леканом на глазах у бойцов не хотелось. Дио прекрасно понимал, как будет истолкован взятый

Мартом приятельский тон, пойди что не так. Теперь он был уверен: никто ничего не услышит.

— Молодец! — крикнул лекан, когда Дио подбежал достаточно близко, и тот остановился, расценив это как знак держать дистанцию.

Две твари начали тихонько расходиться в стороны, и Дио крепче сжал нож. Он рассчитывал на честный поединок, но что он знал о Марте? Тот вел какую-то свою, не понятную Дио игру. Он мог лгать, набиваясь в друзья по приказу Лека. А мог действительно действовать независимо от своих хозяев, но тогда другие лековы твари наверняка не подчинялись ему, а значит, были еще более опасны, и не стоило пускать их за спину.

— Было просто? — Март улыбался. Стоял расслабленно, словно и не собирался драться. Лишь покачиваясь, ударялась о берцы цепь.

Дио неопределенно пожал плечами. Твари расходились все дальше, и стало сложно контролировать их обеих. Глаз еще следил движение, но быстро оценить расстояние до противника Дио уже бы не смог. «Губитель! Ланс! Провались ты пропадом со своими долгами!» — Дио едва не пробормотал это вслух. Он корил уже себя за то, что поверил человеку, отдавшему приказ добивать раненых... Но позволить себе оглянуться, посмотреть, что творится за его спиной, он просто не мог. Март пошел на него, неспешно раскручивая цепь левой рукой. Правая сжимала нож. Чуть согнув ноги в коленях, Дио начал так же медленно отходить назад.

— Хреновые у тебя соратники.

— На своих посмотри, — огрызнулся Дио. Захотелось стереть эту широкую белозубую улыбку твари. Прыгнуть, полоснув ножом по лицу.

— Дио, не дури, — Март и сам понял, что перегнул палку. Губы его сжались в тонкую линию. — Еще раз. Скажи мне, как ты это делаешь, и все закончится. Ты поймал для Тесака одиннадцать леканов и убил трех волков.

«Семнадцать», — подумал Дио, прикидывая, с каких пор схарматы начали присматривать за ним, — и «трех волков, верно». Выходило, что слуги Схарма были в курсе всех его дел не за последние три месяца, как утверждал Флегонт, а за последние пол года. И тот перекупщик, что так «удачно» ему подвернулся, знал уже, кто такой Дио, и чем он занимается. Захотелось выругаться: грязно и зло. Но

Дио всеми силами старался сохранять невозмутимость, хотя все в нем кричало «Как? Как?!». Шальная мысль: его сдал сам Тесак — была тут же отметена прочь. Тесак мог знать точное число пойманных леканов, но о столкновениях с волками Дио не рассказывал никому и никогда. Конечно, Жженый не умел держать язык за зубами, и мог разболтать Тесаку про ту тварь, что едва не убила его рядом с логовом крыс, но даже Жженый не знал про третьего волка...

Марту удалось запудрить ему мозги.

Когда зрители наверху закричали громче, Дио допустил ошибку. Он инстинктивно вскинул на мгновение взгляд и получил удар цепью в затылок. Одна из тварей, обходивших его по периметру, сумела зайти в мертвую зону.

Дио рухнул как подкошенный. Рот наполнился песком и кровью, а перед глазами поплыли цветные пятна. Он отключился на миг. Провалился в черный бездонный колодец, а когда вынырнул обратно, обнаружил, что все так же лежит, уткнувшись лицом в бетон, а где-то рядом идет бой.

Он вскочил на ноги. Пошатнулся, с трудом подавляя приступ головокружения. Пустой желудок подкатил к самому горлу. Рот наполнился полынной горечью. Когда в глазах прояснилось, Дио увидел Марта. Тот все так же стоял перед ним, поигрывая цепью, но смотрел куда-то за спину.

— Я был не прав, — сказал Март, переведя взгляд на него. — Они неплохие бойцы.

Дио шагнул в сторону. Так, чтобы видеть происходящее, не спуская глаз с Марта.

Встав спиной к спине, две твари защищались от яростных атак окруживших их людей. Одна раскручивала над головой цепь, но вторая уже лишилась этого грозного оружия, отдав его атакующим. Паренек с перебитой рукою стоял поодаль, наблюдая за боем. На лице его не осталось и тени страха. Он подпрыгивал на месте, вскрикивая, когда вращающаяся цепь проходила слишком близко от чьей-нибудь головы. Зрители наверху швыряли камни в леканов. Такого Дио еще не видел.

— Готов? — Март крутанул цепь, та со свистом рассекла воздух. — Ты обещал показать мне все, на что способен.

Губы лекана вновь разошлись в улыбке, и Дио ответил ему тем же.

— Не сомневайся, покажу.

Он наконец-то поверил: задуманное реально. Нужно лишь победить, победить еще раз, и толпа пойдет за ним по первому зову. Он задыхался от переполнявшего его предчувствия будущего, и кровь шумела в висках, оглушая.

Март намотал цепь на кулак, оставив свободным короткий конец, как будто приглашал подходить поближе, и Дио воспользовался приглашением. Быстрый выпад ножом в живот — не пробил оборону врага, но испытал ее на прочность. Март легко отвел нож собственным клинком, чуть стукнул цепью по руке, предупреждая. Но как ни слаб был удар, боль острой иглой пронзила локоть и поднялась к плечу. Дио отступил.

Бить лекана ножом в грудь, в подбрюшье или по пальцам было абсолютно бессмысленно. Самые уязвимые части тела защищались искусно сочлененными металлическими пластинами, сохранявшими гибкость и подвижность тела. А там, где сделать армирование не представлялось возможным, работала чудовищная скорость регенерации тканей. Насколько знал Дио, живые леканы чувствовали боль, но легко могли ее игнорировать. Резать лоб, пытаясь залить глаза противника кровью было так же бесполезно — жидкости в организме тварей циркулировали крайне медленно. Нужно было подрезать сухожилия на внутренней стороне запястий, хоть на минуту обезоружить тварь, заставить ее выпустить нож или хотя бы чуть-чуть ослабить хват, чтобы выбить оружие ударом руки. И тогда можно будет добраться до горла. Конечно, идеально было бы опрокинуть лекана наземь, но на подобную удачу Дио даже не рассчитывал.

Дио приготовился перехватить нож на обратный хват, так легче было бы исполнить задуманное, но Март начал свою атаку раньше, имитировав удар ножом снизу. Будь это его первый бой с тварью, Дио раскрылся бы, дав противнику возможность в два удара довершить начатое. Но Дио прекрасно знал: едва в обороне наметится брешь, ее пробьет стальной кулак лекана с намотанной на него цепью, а зажатый в правой руке нож нанесет удар под ребра. И все-таки он рискнул, сделав вид, будто собирается контратаковать.

Март повелся. И когда левая рука твари дернулась, целя в солнечное сплетение, Дио ушел с линии атаки, отклонив корпус в сторону. Лекан вложил в удар достаточно силы, и Дио лишь чуть

скорректировал движение, послав тело твари дальше по обозначенной траектории, использовав ее руку как рычаг. Март запнулся, зацепившись берцем о стык плит, и кубарем полетел наземь. Толпа над головою вопила, не прекращая. Это был шанс, которого нельзя было упускать. Прыгнуть на спину твари, придавив коленом меж лопаток и ударить в основание черепа, повредив спинной мозг. Дио стоял, всем телом чувствуя, как течет сквозь него время. Еще секунда, и будет поздно. Вопли зрителей перешли в вой.

Дио поднял взгляд, лишь бы не видеть упавшего Марта, уйти от мучительного выбора. Одна из тварей валялась посреди ангара, истыканная ржавыми штырями, как ёж иглами. Рядом, раскинув руки, лежал убитый боец. Из его тела тоже торчали толстые, короткие обрубки арбалетных болтов. Вторая отступала под натиском атакующих. Они победили. Лишняя смерть была действительно лишней и не решала уже ничего.

Дио бросил еще один взгляд на лекана, и, развернувшись, пошел прочь.

— Го-о-оро-о-од! — кричал он, раскидывая руки и поднимая лицо вверх.

Рев толпы сотрясал стены ангара.

Дио замер, ощущая себя частью великой силы, проводником энергии, концентрирующим всю мощь толпы, каналом, сливающим ее потоки в единое русло. Грудь захлестнуло до невозможности сделать вдох. Он покачнулся, с трудом проталкивая поток назад, и почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев.

Когда первый человек прыгнул с перекрытий на маленькую площадку металлической лесенки, подобной той, что обрушилась в предыдущем ангаре, в грудь Дио ударил арбалетный болт.

Опрокидываясь на спину, Дио видел людей над своей головой. Их преисполненные торжества вопли сменились стоном отчаяния. За спиной закричали, и Дио почувствовал смерть бойца так, будто это убили его самого. Арбалетчики сняли всех восьмерых. Даже парня с перебитой рукой, что, упав на колени, молил о пощаде, выбросив вверх раскрытую ладонь — словно пытаясь защититься от разящей без промаха стали.

Толпа обезумела. Люди прыгали на лестницу, не боясь сверзиться вниз, когда ветхая конструкция рухнет, не выдержав их веса.

Прыгнувший первым, уже бежал к нему через весь ангар. А Дио лежал, раскинув руки, и думал о том, как странно, нелепо смотрится торчащий из его груди болт. Он почему-то видел себя со стороны, глазами бегущего к нему человека. Глазами тех, кто смотрел сейчас на него с перекрытий. Глазами Марта, бегущего к нему от места схватки, превратившегося в место побоища...

— Не стреля-а-ать! — закричал Март.

«Поздно», подумал Дио. Зрители добрались до первого арбалетчика, сбросив его вниз. Короткий вскрик оборвался вместе с ударом о бетон. Тело Дио сотрясла судорога, и он понял, что пережил еще одну смерть.

— Дио! — упав на колени рядом, Март ударил его по щеке раскрытой ладонью. — Смотри на меня! Дио! — Он ударил еще раз.

Рука сама дернулась в попытке ответить на удар, и все тело пронзила нестерпимая боль. С губ сорвался невольный стон.

— Тва-а-арь! Убери от него свои грязные лапы!

Захотелось смеяться, но горло сжимали мучительные спазмы.

Март поднялся на ноги. Сделал шаг навстречу противнику, и новая судорога прошлась по телу Дио, когда лекан сломал кричавшему шею.

Это было невыносимо. Захотелось заплакать, но глаза оставались сухи.

— Губитель, — прошептал Март, и слова эти во внезапно обрушившейся тишине раздались так четко, будто он шепнул их ему в ухо.

Толпа вновь закричала, но теперь в ее крике Дио ясно различил слово «Сдвиг!». Все, кто бежал ему на выручку, замерли, глядя, как дрожит и подпрыгивает мелкий гравий площадки, как медленно серым облаком поднимается бетонная пыль.

Март подхватил Дио на руки, унося, наконец, прочь от творящегося на арене безумия. Спрыгнувшие вниз люди ломились вон, стуча в закрытые двери ангара. Те, кто оставался еще наверху, бежали по перекрытиям к выходам, ведущим с крыши во двор, сталкивая вниз любого, кто попадался у них на пути. Тело Дио сотрясали беспрерывные судороги. Он чувствовал каждую смерть на арене, и хотел уже умереть сам.

Все закончилось, когда Март вбежал в полутемный, освещенный мерцающими лампами коридор, и за его спиной захлопнулась тяжелая стальная дверь.

— Дио, — позвал он, вглядываясь в его лицо. — Смотри на меня, Дио.

Стоило труда перевести взгляд. Мертвые глаза лекана глядели безо всякого выражения. Смотреть в них было больно. Дио сцепил зубы, чтобы не застонать.

— Держись. — Март помчался дальше по коридору, в считанные секунды миновал три лестничных пролета и вломился в лабораторию Тесака. В нос ударил знакомый запах лекарств.

— Сделай что-нибудь, — сказал Март, бережно кладя Дио на операционный стол.

Одним точным движением Тесак разрезал пропитавшуюся кровью рубашку. Холодные пальцы в металлических наперстках датчиков, прошлись по обнаженной груди.

— Сердце, — сказал Тесак. — Я не могу ничего сделать. Он умрет, как только я вытащу болт.

— Где он? — дверь хлопнула, ударившись о стену. Дио узнал Флегонта. В голос схармата вернулись истеричные нотки. — Убейте его!

— Лек убьет тебя сам, если с ним хоть что-то случится! — Схватив за шкирку, Март впечатал Флегонта в стену.

— Лек при смерти! — взвизгнул схармат.

— Что?!

Март отступил, а Флегонт съехал по стене вниз. Прошуршала осыпающаяся побелка.

— Энергия перестала поступать в аппарат, когда он закричал «Город», а потом машина заработала на обратный ход. — Флегонт хрипел. Дио отстраненно подумал, что лекан, должно быть, схватил схармата за горло и повредил тому связки.

— Как это? — В голосе Тесака звучало бесстрастное любопытство естествоиспытателя.

— Он начал откачивать энергию глаза, вливая её в толпу, — за Флегонта ответил Март. — Ты бы видел, что творилось на арене! — добавил он, и в его голосе Дио почудилось восхищение.

— А потом начался сдвиг. Убейте его, — повторил Флегонт без прежней своей убежденности.

— Он должен жить. — Март склонился, убрав со лба Дио взмокшие волосы и заглянув ему в глаза. — Он нам нужен. Помещение экранировано, так что здесь он больше не опасен. Тесак? Ты можешь пересадить ему сердце?

Лекан шагнул в сторону и не увидел ужаса, мелькнувшего в глазах Дио.

— Легко. — Раздался щелчок зажигалки, и воздух наполнился удушливым сигаретным дымом. — Пара помощников, материалы из моей лаборатории, и часа через четыре я его прооперирую.

Дио захрипел, силясь повернуть голову.

— Кажется, ему не нравится эта затея, — Тесак оставался как всегда невозмутим. — Зафиксируй его, Март. Ему достанет силы и упорства убить себя раньше.

— Он нас слышал?! — переполошился Флегонт.

— Пойди лучше узнай, что там с Леком. — Март захлестывал конечности Дио ремнями. — Извини, — сказал он, окончив.

«Ненавижу тебя», — подумал Дио.

Глава 15

Операция состоялась лишь под утро и заняла больше девяти часов. Тесак сделал так, чтобы Дио слышал все происходящее в комнате. Дио исключал возможность ошибки. Тесак туго знал свое ремесло и использовал свое искусство, чтобы позволить Дио прикоснуться к некоторым тайнам слуг Схарма. И хотя Дио не чувствовал боли, те несколько часов, что он провел под наркозом, стали самыми ужасными часами его жизни. Осознание необратимости происходящих с ним изменений, и невозможность им противостоять сводили с ума. Не в силах пошевелить хотя бы пальцем, он мог лишь следить за своим постепенным превращением в тварь.

Тесак использовал материалы из своей лаборатории, это значило, что Дио пересаживали сердце одного из пойманных им же самим леканов. У Тесака хранился достаточный запас сердец: товар этот не пользовался спросом. Гораздо больше ценились глаза, дарящие невероятную зоркость, тонкие слуховые механизмы, позволяющие слышать писк комара на расстоянии в несколько метров, желудки, способные переваривать любую дрянь... Дио слышал, как Тесак выбирает ему новое сердце, нахваливая Марту свою коллекцию, перечисляя достоинства и недостатки каждого. Лекан ассистировал Тесаку, но говорил мало и скупо, обходясь короткими, рублеными фразами. Зато Флегонт болтал много и без передышки, и этого вполне хватило, чтобы уяснить себе кое-что о целях схарматов.

Схарм, которого Дио всегда считал кем-то вроде Губителя: богом, пугалом, священным оракулом — обрел вдруг реальные черты. Даже Март, вяло переругиваясь с Флегонтом, говорил о нем словно о человеке, действительно томящемся где-то в заточении. А Лек выступал проводником его воли.

Это многое объясняло. Дио и раньше догадывался, что во главе всей схарматской клики стоит этот плешивый, одутловатый человек с пронзительным взглядом серо-голубых глаз и неприятным холодком, исходящим от сердца. Теперь, когда он был в этом уверен, становилось ясно, почему Губителям платили так дорого за останки механизмов, найденных на руинах Города, и зачем схарматам был нужен завод.

Мастер Слова, кому бы он ни служил, мог бы приносить пользу, лишь занимаясь тем, к чему был призван: созданием удивительных машин, обладавших зачатками разума, способных выполнять простейшие команды. Величайший из всех мастеров Слова, сумевший соединить живое и мертвое, служил Схарму, создавая неуязвимых солдат, силами которых рассчитывал уничтожить последователей какого-то Ордена Равновесия.

Всё это мало волновало Дио. Гораздо больше его заботила собственная судьба. Он хотел знать, зачем вдруг так понадобился схарматам, что его жизнь теперь беспокоила Марта даже больше, чем жизнь Лека, а Флегонт, еще недавно требовавший его смерти, вдруг сам пришел проследить за ходом операции. Дио так до конца и не понял, что именно произошло с ним на арене. Никогда раньше он не испытывал ничего подобного, никогда раньше ему не удавалось инициировать настоящий, полномасштабный сдвиг. Но этот ток силы, нечаянно пойманный и перенаправленный им в иное русло, предназначался Леку, а вернее тому, что Флегонт называл Глазом Схарма. И теперь мастер Лек балансировал на грани между жизнью и смертью. Глаз Схарма, артефакт, позволявший Леку общаться со своим невесть где заточенным хозяином, требовал чудовищное количество энергии, и после того, как Дио опустошил его весь, тот тянул из Лека его жизненные силы. Мастеру Слова мог бы помочь лишь новый бой на арене, но, смертельно напуганный начавшимся сдвигом, Город не спешил возвращаться под крыши ангаров. Требовалось время, которым схарматы не располагали совершенно. С каждым часом Леку становилось все хуже. Флегонт боялся, что Лек умрет. Он говорил об этом громким, зловещим шепотом.

Пытаясь хоть на миг отвлечься от того, что с ним происходит, забыть и не думать, о ставшем вдруг явью кошмаре, Дио живо представлял себе, как взмывают на лоб брови Флегонта, как распахиваются от ужаса его глаза. Флегонт зависел от Лека. В схарматской верхушке было достаточно людей гораздо более умных, смелых и амбициозных. Флегонт стоял у власти волею Лека, и теперь положение его серьезно пошатнулось. Но даже он оставил хозяина, которому верно служил, чтобы прийти и самому посмотреть, как Тесак будет пересаживать Дио сердце.

Они переговаривались с Мартом о чем-то на зыке, которого Дио не знал. Забываясь, Флегонт переходил порой на всеобщий, но отвечая ему, Март неизменно возвращался к тому отрывистому, гортанному наречию, что Дио слышал уже однажды. А это могло означать только одно. Март не доверял Тесаку. То ли он догадывался о том, что Дио возможно их слышит, то ли просто не хотел, чтоб мясник узнал нечто, не предназначенное для его ушей. Двух мертвых тварей, стоявших «на подхвате» и бессловесно выполнявших короткие приказы Тесака: подай, придержи, зажми — Дио в расчет не брал. Преданность мертвых леканов своим хозяевам давно уже стала притчей во языцех. Как бы там ни было, выводы не утешали. Лекан оставался загадкой, и веры ему не было. Дио понял, что предпочел бы не сталкиваться с ним больше, чтоб не запутаться окончательно в паутине лжи. Тот же Флегонт выглядел много понятнее и проще. Его поступками руководил страх.

Дио знал, что такое страх.

Он не чувствовал холодные наперстки датчиков на пальцах Тесака, но мог видеть беленый потолок комнаты, когда Март оттягивал ему веко, заглядывая в глаза. Тело воспринималось словно чужое. Отсутствие боли лишь усиливало иллюзию, будто все это происходит не с ним. Лишь по коротким обрывкам фраз, он догадался, что ему вскрыли грудную клетку. Звякали, ударяясь об эмалированные миски, хирургические инструменты, невнятно бормотал Тесак, шумел аппарат искусственной вентиляции легких. Ровно, мерно, в такт замедленному под действием введенных препаратов пульсу, раздавался сигнал прибора, фиксирующего каждый удар сердца Дио. «Бьется. Еще бьется. Еще бьется», как будто бы говорил он, и с этой мыслью еще можно было жить, не думая о предстоящем. Звук успокаивал. Бьется. Еще бьется. Еще бьется...

— Флегонт, готовься. Скоро. — Голос Марта был сух.

Если бы Дио мог, он распахнул бы глаза. Если б он мог, он закричал бы во всю силу легких.

— Тесак! Что с ним?!

«Что со мной? Что со мной?!» Невозможность пошевелиться сводила с ума. Но если Март заметил, значит, тело еще как-то слушалось его. «Бьется. Еще бьется. Еще бьется» — всю свою волю

Дио сконцентрировал на этом монотонном, размеренном ритме, и ему показалось, что музыка пульса чуть ускорила свой бег

— Тесак! — имя ударило как плеть.

Флегонт забормотал вдруг быстро и неразборчиво, словно боясь не успеть. Забирал все выше и выше, пока не сорвался на крик. Стоя прямо над Дио, он вопил что-то на чужом языке, и гортанные на выдохе, на вдохе слова превращались в визг.

— Спокойно, спокойно, спокойно, спокойно, — приговаривал Тесак, и голос его звенел от напряжения. Почти так, как звенел, непрерывно, пронзительно, на одной ноте, сигнал прибора, фиксировавшего ритм сердца. «Все», понял Дио, разом сбрасывая нечеловеческое напряжение последних секунд. «Все...».

— Все! — сказал Март с нескрываемым торжеством в голосе. — Все.

Флегонт замолк вдруг. И во внезапно обрушившейся тишине прозвучал сигнал, возвестивший о первом ударе нового сердца Дио.

Из наркоза он выходил очень долго и очень мучительно. Ломило все тело, болела спина. Першила гортань, поврежденная интубационной трубкой. Страшно хотелось пить, но Тесак не давал ему воды. «Заблюешь мне все», ворчал он. Тесак был порядком зол и на Дио, и на себя. За то, что, зная Дио, не предусмотрел этой его выходки, за то, что сам испугался произошедшего и дал такую дозу анестетиков после внезапного приступа, что едва не отправил пациента на тот свет.

Время тянулось как патока. Март не появлялся, исчез и Флегонт. Тесак постоянно крутился рядом — вонь от его сигарет сначала раздражала, потом начала выбешивать до состояния едва контролируемой ярости. Но мясник редко подходил к койке и почти ничего не говорил, а ругаться с ним, перекрикиваясь через всю комнату, Дио просто не мог. Эта глухая, не находящая выхода злоба лишь отнимала силы и энергию. Сон, способный принести покой и исцеление, не шел. Закрывая глаза, Дио снова и снова видел, как у него вынимают сердце... Вынырнув в очередной раз из темного, давящего провала, похожего чем-то на забытье, он трогал пластырь, налепленный точно посередине груди. Ладонь тихонько сдвигалась влево, и он долго лежал, прислушиваясь к себе. Его сердце больше не билось. Разгоняя по венам кровь, странно шумел механизм, созданный

одним из мастеров Слова. Дио слушал этот шум, напоминающий шум насоса, до тех пор, пока пульс не начинал бить в висках, а перед глазами не возникали цветные пятна. Тогда Тесак подходил и колол ему что-то, от чего Дио вновь впадал в странное, оцепеняющее состояние полусна.

Очнувшись однажды, он, наконец, увидел перед собой Марта.

— Тесак жалуется на тебя, — сказал лекан, приподнимая койку Дио так, чтобы тот мог разговаривать сидя, и не напрягался, отрывая голову от подушки. Закончив, Март присел тут же, на край кушетки. — Ты мешаешь ему. Ты задерживаешь нас. Тебя ждут, Дио. Тебя очень ждут в другом месте.

Дио молча смотрел на лекана. Как тот берет его руку, и, сжав кисть, чуть шевелит губами, считая пульс. Заметил и взгляд, украдкою брошенный на ленту пластыря.

— Ненавижу тебя, — слова сорвались с губ сами и прозвучали едва слышным шелестом.

— Уже неплохо. — Вопреки сказанному Март смотрел серьезно и даже озабоченно. У переносицы его залегла глубокая складка. — Ты очнулся во время операции? Ты... чувствовал боль?

Не в силах протолкнуть хотя бы слово сквозь саднящее горло, Дио медленно покачал головой, осознавая, что никакая боль не сравнится с тем, что он пережил, лежа там, на операционном столе.

— Не думал сам оказаться на месте своих жертв?

Взгляд Дио метнулся к твари. Лекан словно прочел его мысли. И без того тонкие губы поджались, почти исчезнув с худого лица.

— Не бойся, — Март усмехнулся невесело. — Тебе повезло. Ты пока не стал таким как я. Пока не стал. Твоя кровь течет так же быстро. Тело по-прежнему уязвимо, а раны не затягиваются моментально. Просто теперь в твоей груди бьется сердце одной из тварей. Тех самых, что ты отправлял на разделку Тесаку. Некоторые из них были моими друзьями, Дио... Впрочем, о чем я говорю. Ты не знаешь, что такое дружба.

Лекан поднялся раньше, чем Дио успел хотя бы раскрыть рот. Хлопнула входная дверь, а Дио остался сидеть, задыхаясь от ярости. Пальцы, сжимаясь, мяли край простыни.

Тесак громко хмыкнул. Подошел и, резко дернув, расправил сбитый край, подпихнув его под матрац.

— Пить будешь? — спросил он, и, не дожидаясь ответа, поднес к губам кружку.

Дио с жадностью глотнул чуть подслащенной воды. Провел языком по пересушенным губам и снова припал к краю. Тесак терпеливо дождался, пока Дио не выпьет все. Пробежался пальцами по груди, сняв показания на датчики наперстков. Полез в задний карман джинсов за портсигаром, но, натолкнувшись на взгляд Дио, вздохнул тяжело и сел точно там, где только что сидел Март.

— Ты подставил меня, приятель.

Взгляд Тесака был еще хуже, чем взгляд лекана. За толстыми стеклами летных очков не было видно глаз. В который уж раз Дио подумал, а остались ли там глаза? Тесак пересаживал себе органы тварей и вживлял мехосы, созданные мастерами Слова. Тело его едва на треть оставалось человеческим. И все же Дио никогда не относился к Тесаку как к тварям, и уж тем более не считал его кем-то вроде уродов. Возможно потому, что Тесак сам принял решение стать таким сам и сознательно конструировал свою тело, меняя его по собственному усмотрению. Возможно, именно это мешало Дио по-прежнему ощущать человеком себя. Он-то не выбирал того, что с ним произошло в операционной...

— Ты очень сильно подставил меня, приятель. — Дио вздрогнул, выйдя из задумчивости. Тесак сидел ссутулившись. Плечи его поникли. Уголки рта опустились. — Знал бы, ни за что не оставил бы тебя в сознании. А теперь Март не доверяет мне как раньше...

Тесак снова замолчал надолго. Дио рассматривал его согбенную фигурку, пытаясь представить, где и как тот познакомился и так сблизился с Мартом, и понимая: Тесак никогда не расскажет ему этого. «Это правда?» — хотел спросить Дио, но вновь запекшиеся губы отказались повиноваться ему. Тесак налил еще воды в кружку. Все так же терпеливо дождался, пока Дио выпьет все.

— Это правда? — спросил Дио, когда снова смог говорить. — Я не тварь?

Пальцы невольно потянулись к шраму на груди. Тесак остановил его руку. Отнял от сердца и положил на кровать.

— Да, это правда. И не зацикливайся на этом. — Он все-таки полез в задний карман джинсов и достал портсигар. Вынул сигарету и принялся постукивать концом о крышку жестянки.

— Кури, — милостиво разрешил Дио, и Тесак щелкнул прятавшейся в кулаке зажигалкой.

— Я тебе больше скажу. — Тесак с наслаждением сделал первый затяг и выпустил дым через ноздри. — Ты должен мне, Дио. Я, может быть, никогда не стану мастером Слова, но я знаю достаточно, чтобы суметь определить, кто изготовил тот или иной мехос. — На губах Тесака заиграла довольная улыбка. — Мастер, сделавший твое сердце, Дио, уже скоро месяц, как мертв. Несчастный случай на производстве.

— Они не имеют надо мной власти? — от внезапной, дарящей надежду догадки кровь бросилась в голову, а губы вновь пересохли.

— Неа, — Тесак скалился, не скрывая своего торжества. Дио подумал, как же сильно должно быть обиделся этот человек, когда величайший из мастеров Слова погнал его за порог своей лаборатории, назвав бездарностью. — Они не знают ни слова Управления, ни слова Разрушения. Ты свободен, Дио. И я советую тебе... — Оглянувшись, Тесак склонился вдруг к самому лицу, опустив ладонь на ладонь и шепнув одними губами, — Беги!

«Беги!» — Дио думал над этим все последующие дни. Когда первый раз поднялся с кушетки и прошелся по комнате. Когда ему выдали нормальную одежду и разрешили выходить в бетонную клетушку тесного двора. Когда Тесак снял перевязку, обнажив узловатый шрам, протянувшийся через всю грудину... Всего на мгновение, на какую-то долю секунды, глядя на себя в большое, в полный рост, зеркало в дверце одного из шкафов, Дио почувствовал жгучее сожаление о том, что он не тварь, и этот шрам теперь останется с ним навсегда.

«Куда бежать?» — спрашивал он себя. — «Как?». Город, куда он надеялся вернуться, теперь знал его как человека, едва не вызвавшего сдвиг. Появись он на улице, его убьют: сразу и без лишних вопросов, просто на всякий случай. Не поможет даже титул «Губителя», присвоенный ему на арене. Город слишком хорошо знал, что такое сдвиги реальности. А для того, чтоб искать кудесников из Оленьих Ручьев, у Дио не было ни сил, ни ресурсов. Оставалось место, где по словам Марта Дио ждали, но чем больше он думал об этом, тем меньше ему хотелось выяснять, кому и зачем он мог понадобиться.

Тесак снова ушел в себя. Попытки вытянуть из него хоть какую-нибудь информацию, оканчивались ничем. «Спроси у Марта», отвечал

Тесак, ухмыляясь криво, и снова принимался колдовать над чашечками петри. Схарматы щедро снабжали мясника материалами для работы. Тесак был постоянно занят. После едва не начавшегося в ангаре сдвига, схарматы срочным порядком эвакуировались на территорию металлургического завода. Тесак, задержавшийся из-за операции почти на сутки, успел унести ноги в самый последний момент. Взбудораженный всем произошедшим Город вернулся в ангары под вечер следующего дня и фактически сравнял там все с землей. Из скупых обмолвок мясника Дио понял, что против боев на арене выступили не только самые крупные банды Города, но даже те, кто обычно не смел и носа высунуть из развалин. Мелкие шайки сильнее прочих страдали от лековых тварей и были только рады расплатиться наконец по счетам.

На металлургическом заводе у Тесака появился микроскоп, дававший гораздо большее увеличение, чем его собственные очки-консервы. Холодильник, под завязку забитый пробирками. У него появились книги. Столько книг разом Дио не видел за всю свою жизнь. Прекрасно иллюстрированные, с глянцевыми цветными картинками, они валялись, в беспорядке разбросанные по столам. Дио пролистнул несколько, но не понял и слова из написанного, хотя язык этот был ему знаком. В развалинах Дио случалось находить книги, написанные на этом языке. Жженый любил, когда Дио читал их вслух. Сам Дио по возможности не афишировал свои способности. Он не помнил, где и когда научился читать, и боялся лишних вопросов.

Когда сидеть в лаборатории Тесака стало совсем невмоготу, Дио предпринял попытку выйти наружу. Дождавшись, пока Тесак уйдет в другую комнату, Дио распахнул дверь, шагнул на порог, не спеша делать шаг наружу. По бокам на карауле стояла пара мертвых тварей. Неусыпные, не знающие устали стражи не шелохнулись. Они оставались абсолютно бесстрастны даже когда Дио пошатнулся и схватился за притолоку, чтоб не упасть. Ноги подкашивались. Сердце пронзила нестерпимая боль, будто в груди Дио до сих пор сокращались, проталкивая по сосудам кровь, живые мышцы, а не работал беззвучно хитроумный прибор. Дио медленно съехал по стенке на пол. Его мутило. Лабораторию Тесака охранял тот, кого звали когда-то Лансом. Его напарником стал мальчишка с перебитой

рукой, которого арбалетчики сняли последним. Искалеченную руку паренька заменял теперь механический протез.

Дио сидел на полу, не в силах подняться, пока его не пробил холодный пот. Промокнув рукавом выступившую на лбу испарину, Дио поднял взгляд. Облизнул губы и позвал:

— Ланс.

Тварь не шелохнулась.

Дио выругался. Последними словами, которые знал. Длинно и забористо, от души. Он ругался до тех пор, пока к дверям не подошел Март.

— Прекрати истерику, — сказал лекан очень тихо, и Дио замолчал.

— Суки, — сказал он через минуту, будто подводя какой-то итог.

— Если бы Лек был в порядке, он мог бы оставить их живыми, — ответил Март, протягивая руку, предлагая помощь.

Дио посмотрел на раскрытую ладонь и поднялся сам, одним рывком, лишь чуть покачнувшись, встав на ноги. Вышел из дверей, чтобы заглянуть, наконец, в лицо Ланса. Тварь смотрела прямо перед собой пустым, ничего не выражающим взглядом искусственных глаз.

— Технология создания живых леканов известна только Леку, — сказал Март, и это прозвучало как оправдание. — Если бы не Тесак, ты тоже стал бы таким, — добавил он.

— Обязательно поблагодарю его при случае, — огрызнулся Дио.

Тесак хмыкнул, нарисовавшись в дверях. Дио запоздало вспомнил, что слух у мясника искусственно усилен благодаря вживленным в череп механизмам, и не уступает слуху тварей. Перевел взгляд на Тесака.

— Это ирония. Я понял, — тот стоял, привалившись к косяку, скрестив руки на груди. На губах его играла ухмылка, свет ламп отражался в летных очках.

Дио криво ухмыльнулся в ответ.

— Ты закончил с ним? — спросил Март.

— Давно, — развернувшись, Тесак вновь канул в полумрак своей лаборатории. — Забирай его. Он мне, признаться, порядком поднадоел, — донеслось приглушенно.

Март аккуратно прикрыл распахнутую дверь, обрезав невнятное бормотание мясника.

— Идем, — сказал он.

— Куда? — спросил Дио, почувствовав, как неприятно взмокли ладони.

— Далеко, — ответил Март. — Лек не хочет видеть тебя здесь. — Март замолчал надолго, а Дио живо додумал все остальное. Если он едва не стал причиной смерти мастера Лека, тот конечно же постарается держать его как можно дальше от себя. — У нас есть для тебя работа, Дио, — продолжил Март. — И тебе придется сотрудничать, иначе мы найдем способ заставить тебя.

— Да неужто, — ухмыльнулся Дио, холодея от страха. Каким-то шестым чувством, тем самым звериным чутьем, о котором толковал Лек, Дио почувствовал, что Март говорит правду.

Схарматы нашли какой-то способ управлять им. Бежать было поздно.

Глава 16

Март провел Дио по цехам восстановленного завода. Думая об этом позже, Дио уверился, что прогулка эта, как и все прочие поступки лекана, не была случайной. Но в тот момент Дио мог только идти и смотреть. Март демонстрировал мощь армии Схарма, и мощь эта впечатляла. Пользуясь тем немногим, что осталось в цехах завода, тем, что нашли для них на развалинах Губители, тем, что удалось добыть, разоряя гнезда крыс, схарматы действительно восстановили производство, приспособив его под свои нужды. Дио казалось, что в огненной ловушке, устроенной уродами, он видел все самое ужасное, и ничего страшнее в его жизни уже не будет. Глядя на конвейеры, где собирались, словно машины, из когда-то живых людей мертвые лековы твари, Дио понял, как же он ошибался и как недооценивал масштабы творящегося безумия.

Схарматы не просто заключили договор с уродами. Они переняли у тех их идеи узкой специализации. В просторных, сумрачных ангарах, освещенных парой-другой высоковольтных ламп, света которых все же не хватало на то, чтоб разогнать таящуюся по углам тьму, работали мастера Слова. Густое облако белого пара вырывалось наружу и инеем оседало на балках под дырявою крышей, когда распахивались автоматические двери производственных холодильников. В этом облаке пара с лязгом трогался с места и проплывал по рельсам к центру цеха серебристый контейнер с телами умерших — базовым материалом для создания тварей. Когда мастера варили швы, закрепляя на трупах металлические части будущей брони, от тех еще шел пар.

Они прошли три цеха. Один из цехов был полностью отведен под создание мародеров. Схарматы получили свои полсотни крыс. Дио мог бы поклясться: мастера работали над телами тех, кого он сам добивал ударами ножа, избавляя от мучительной смерти в огне пожара. Вспомнилась оброненная Скалом фраза о том, что нижний этаж, а вместе с ним и крысиное логово, выгорели до тла. Схарматы работали наверняка и не упускали своего. Дио содрогнулся, представив, на что способны армии бессмертных крыс. Зоны сдвигов станут открытой территорией. Оттуда, прямо из эпицентра сталкивающихся,

наплывающих друг на друга реальностей можно будет вынести все. Худые, гибкие тела крыс, привыкших пробираться сквозь немыслимо-узкие щели в развалах, защитит броня. Они переживут любое обрушение и смогут выбраться из-под завалов невредимыми. Им не понадобятся больше респираторы. Механизм, фильтрующий бетонную пыль, сплошной стеной поднимающуюся в точках сдвига, станет неотъемлемой частью их тела. Они не будут знать страха и сделают все, чтобы добыть для своих новых хозяев так необходимые им ресурсы.

Здесь, среди летящих во все стороны капель расплавленного металла, среди грохота работающих прессов, формующих металлические листы в пластины брони, под визг токарных станков, снимающих тонкую металлическую стружку с деталей, предназначенных стать частью человеческого тела, раз и навсегда менялся лик Города. Город, каким знал его Дио, доживал свои последние дни, и никто из его обитателей даже не подозревал о нависшей над ними угрозе. «Смотри!», говорил каждый взгляд Марта, брошенный через плечо, «Смотри!». И Дио смотрел, не в силах отвести глаз.

Во втором цеху он увидел то, чего ждал и боялся. Там мастера Слова работали над телами Губителей. До боли знакомые лица людей, которых он, казалось, не замечал раньше. Ударная группа, в гибели которой Скал обвинил Дио, все они были здесь. «Все, кроме Жженого», — поправил себя Дио, и мысль эта принесла некоторое облегчение, позволила пройти весь цех так, чтоб не дрогнул ни один мускул на лице. Март следил реакцию Дио. Лекан шел чуть впереди, но Дио мог поклясться — тварь следит за ним затылком, слышит каждый вздох и учует запах страха, если Дио поддастся ему.

Нутро третьего цеха было завешено чуть колышущимися полотнищами пожелтевшего от времени полиэтилена. Невозможно было рассмотреть, что творилось там, за длинными, шелестящими завесами. Метались грязно-серые тени работающих людей, чистым белым светом горела гудящая электрическая дуга. Март прибавил шагу, проходя мимо. Он не хотел, чтобы Дио успел рассмотреть хоть что-нибудь.

Дио и сам уже жаждал вырваться, наконец, с этой фабрики смерти, создающей машины из некогда живых людей. Больнее всего

было осознавать: они сами пустили эту заразу в Город, позволили присосаться, словно пиявке. Сами питали разрастающуюся армию Схарма, продавая бойцов на арену, отдав ночные улицы тварям, и не задумываясь, куда пропадают люди, и почему в Городе почти не осталось мелких банд, кочевавших некогда по окраинам...

За стенами цехов моросил мелкий, противный дождь. Серое, затянутое сплошной пеленой туч небо низко нависло над короткими, толстыми трубами предприятия. Из одной густыми клубами валил белый дым. Дио отвел взгляд. Над озером, ярко белые на фоне серых туч, пронзительно крича, носились чайки. Свежий ветер бросал дождевую пыль прямо в лицо. Дио провел ладонью, сметая капли. Почувствовал, как вместе с водой утекает сковавшее мышцы напряжение. По плечам прошла невольная дрожь. Дио дернул молнию, застегивая куртку под подбородок. Сунул руки глубоко в карманы, лишь теперь ощутив, как заледенели пальцы. Зашагал вслед за Мартом, успевшим уже уйти далеко вперед. Лекан шел прямо через лужи, Дио обходил заполненные водой колдобины. У него были новые, уже поношенные, но еще прочные ботинки, а он привык к бережному обращению с вещами.

Просторная заводская территория, ограниченная с одной стороны берегом озера, с другой — стройными рядами цехов, оставалась пустынна. Внимательный взгляд выхватывал укутанную в длинный прорезиненный плащ фигурку под козырьком небольшого, отдельно стоящего строения, огонек сигареты в темном провале распахнутой двери, но весь тот люд, что поразил Дио в тот день, когда Флегонт подвез их на дрезине, теперь прятался от непогоды под худыми крышами зданий. Дио мог попытаться скрыться. Сделать это сейчас, когда Март ушел так далеко, не представляло никакого труда. Вот только Дио уже не видел в бегстве никакого смысла. Март ясно продемонстрировал ему, какая судьба уготована Городу. Путей назад не оставалось никаких, и Дио бездумно шел вперед.

Ему пришлось поторопиться, когда Март завернул за угол здания. «Не оглядывается», подумал Дио, с горечью осознавая, что все увиденное связало его по рукам и ногам, не оставив никакого выбора. Но когда Дио, перепрыгнув очередную лужу, пробежал узкой, сухой полоской по над стеной цеха и поднял взгляд, то замер как вкопанный, отшатнувшись невольно. Там, в распахнутых воротах, стояло на

рельсах, кутаясь в облака пара, огромное металлическое чудовище. Механизм и близко не походил, на автомобили, которых Дио вдоволь навидался на улицах и лишь отдаленно напоминал электропоезда из Депо. Одновременно Дио знал откуда-то: эта штука называется «паровоз». Черная, закопченная морда машины смотрела на мир намалеванным ярко-красною краской глазом Схарма. Из-под низкого, тупоносого рыла клубами вырывался белый пар, а из толстой трубы валил черный дым.

— Губитель, — прошептал Дио, невольно делая шаг назад.

Из черного провала ворот, из белых клубов пара появилась фигурка, в которой Дио без труда узнал Флегонта. Схармат нес что-то, бережно держа ношу обеими руками. Дио сощурился, пытаясь рассмотреть пристальней, но плотная пелена дождя скрадывала детали. Дио решительно двинулся вперед. С каждым шагом по груди его разливалась тупая, ноющая боль. В руках схармат нес склянку, в которой билось, пульсируя, опутанное проводами сердце Дио. Дергался при каждом сокращении короткий, толстый обрубок арбалетного болта, завязший в правом предсердии.

Март подошел к Флегонту вплотную. Сказал ему что-то. Схармат не ответил. Он смотрел прямо на Дио, глаза в глаза, и чем ближе тот подходил, тем дальше выставлял Флегонт свою колбу, будто пытался закрыться ею. Лицо его исказила гримаса страха. Март бросил быстрый взгляд через плечо, а потом рявкнул: «Флегонт!».

Окрик подействовал.

Схармат вздрогнул, отдернул колбу обратно к себе, почти прижав ее к груди.

— Стоять! — крикнул он визгливо, и Дио запнулся вдруг, будто налетев всем телом на невидимую преграду. Ноги подкосились внезапно, а в глазах поплыли черные пятна. Дио с трудом проталкивал в легкие воздух, дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые до скрипа зубы. Ладонь сама прижалась к грудине, силясь унять нестерпимую, пронзающую боль в сердце. «У меня нет больше сердца», подумал Дио. «Больше нет». Разум заволакивала сплошная черная пелена. Дио почувствовал под коленями мокрую землю. Распахнул глаза шире, но не увидел собственных рук, окунувшихся в грязь.

— Хватит, — голос Марта оставался спокоен, но боль не отпускала. — Хватит! — Март чуть повысил тон, и лишь тогда все прекратилось так же внезапно, как и началось.

Пошатываясь, Дио поднялся на ноги. Рот его был полон крови. Пытаясь справиться с болью, он прокусил губу и даже не заметил этого. Потрогал языком кровоточащую рану. Прочистил горло и сплюнул под ноги Флегонту.

— Это твое сердце, — сказал Март. — Не пытайся бежать. Мы убьем тебя, как бы далеко ты ни находился. Исполняй приказы, если не хочешь снова испытать боль. Будь покорен. Остальное зависит только от тебя. Если ты поможешь нам добровольно, твоя судьба может измениться к лучшему. — Все это было произнесено абсолютно ровным, бесстрастным тоном. Завершая, Март обернулся к схармату. — Флегонт, отвечаете за него головой.

Дио смотрел, и в голове его крутился только один вопрос, и стоило труда не выпалить его вслух.

— Я нужен Леку здесь, — Март будто бы прочел его мысли. По губам лекана скользнула мимолетная усмешка. Развернувшись, он зашагал прочь.

Дио проводил его взглядом, ощущая странную опустошенность. С уходом Марта обрывалось что-то большое и важное, хотелось крикнуть «Вернись! Я не закончил с тобой!». Тварь сумела протащить его, где силой, где хитростью по пути, которого Дио так хотел избежать. Сам же Март так и остался загадкой. Дио не мог с уверенностью сказать, кто он такой и какие цели преследует. Ему чудилось в лекане некое двойное дно, докопаться до которого так и не удалось.

— Тварь, — выдохнул Дио, обернувшись, наконец, к Флегонту.

Тот отпрянул, выставив колбу перед собой. В глазах его плескался страх. Он мог управлять Дио, причиняя ему невероятную боль, но он все равно боялся его. Дио скривил губы в горькой усмешке. Флегонт отпрянул еще. Взвизгнул:

— Пошел вперед! И без фокусов!

Дио медленно, стараясь лишний раз не нервировать схармата, прошел мимо, к окутанной паром машине. Волна раскаленного воздуха ударила прямо в лицо. Дио зажмурился невольно, а когда открыл глаза, увидел состав из трех обычных купейных вагонов,

разгромленные останки которых десятками догнивали на путях в Депо. Эти были подновлены и окрашены все тою же черною краской, что и сам паровоз. По три толстых длинных трубы были приварены на уровне окон каждого вагона. У лесенки, ведущей к дверям второго вагона, стоял караул. Две живых твари с автоматами. Еще четверо составляли оцепление. Дио едва не присвистнул. Он впервые видел столько живых тварей разом. Состав этот, очевидно, представлял для схарматов огромную ценность. Либо сам состав, либо то, что в нем перевозили...

Дио покачал головой. Он не питал иллюзий и не считал себя такой уж важной персоной, понимая: его пустят в расход, как только возникнет такая необходимость. Флегонт сделает это с легкостью и, наверное, даже с удовольствием. Жизнь Дио держал в своих трясущихся руках недалекий, импульсивный и очень трусливый человек. Схватившись за поручень, Дио бросил короткий взгляд через плечо. Флегонт стоял на платформе, прижимая к груди колбу с сердцем. На губах его блуждала улыбка. Дио вспрыгнул на подножку, ступил в тамбур. Один из часовых полез следом, и под дулом автомата Дио был препровожден в купе. Дверь за ним захлопнулась с металлическим лязгом, а после раздался звук задвигаемого засова. Дио огляделся. Внутри вагон мало чем отличался от тех, которые он видел в Депо. Такой же обшарпанный, с торчащими из стен обрывками проводов. Но у окна сохранился откидной столик, на одной из нижних полок был раскатан жиденький матрас, а под потолком тускло мерцала бледно-желтым светом лампа в грязном плафоне. Обессиленный, Дио почти упал на полку и уснул, едва голова его коснулась матраса.

Проснулся он далеко за полночь, когда поезд шел уже, стуча колесами на стыках рельс. Вагон покачивался, убаюкивая, и некоторое время Дио просто лежал, пялясь незряче в испятнанный желтоватыми потеками потолок. Лампа трещала, гасла то и дело, и, проснувшись окончательно, Дио вспрыгнул на одну из верхних полок. Потянувшись, без труда снял плафон и вынул белесую трубку из паза. В купе стало темно. Зато за окном проступили вдруг, разом надвинувшись со всех сторон, бегущие мимо сплошной чередой стволы сосен. Дио спрыгнул вниз. Отряхивая ладони, присел на полку и, облокотившись о столик, уставился в иссиня-черную темень. Он просидел так до самого утра, бездумно считая столбы линий электропередач. Дойдя до тысячи, он

сбился со счета и дальше уже просто смотрел за окно, пытаясь осознать, насколько велик мир на самом деле и как мал казавшийся ему огромным Город. Только теперь Дио понял, как глупо было надеяться пройти лес в одиночку. Оказалось, он просто не представлял себе, что такое сотни и сотни километров сплошных деревьев... Он никогда бы не смог добраться до кудесников из Оленьих Ручьев. Он просто сгинул бы бесследно в чащобе.

Под утро неприступная стена сосен поредела. Вынырнул из тумана и тут же сгинул крохотный заброшенный поселок, притулившийся между лесом и железной дорогой. Ни огонечка не помаргивало в окнах. Сквозь крыши одноэтажных домов тянулись к небу раскидистые ветви деревьев. Паровоз издал пронзительный свист, и Дио увидел стаю диких собак, спасающихся бегством в лесу. Огромные лохматые дворняги вроде тех, с которыми кочевала по Городу банда Зверей. Когда солнце разогнало туман, робко зазолотившись в редких просветах меж деревьями, поезд миновал небольшую горную гряду, пройдя в узком тоннеле у двух близко стоящих скал. Здесь паровоз сбросил ход, медленно продвигаясь в тесном, поросшем мхом коридоре. Было слышно, как осыпается, шурша, со склонов каменная крошка. Крупные, скатившиеся с вершины валуны лежали совсем близко от путей. Дио привстал и, упершись ладонями в стекло, силился разглядеть участок дороги, по которому шел поезд. Давно не подновлявшийся путь доживал свои последние дни. «Еще пара лет, и ни один состав уже не сможет пройти здесь», — подумал Дио, садясь обратно.

Поезд миновал горную гряду и побежал веселее, спускаясь в небольшую долину, раскинувшуюся меж подножьями высоких гор. Как на ладони открылся крохотный городишко, окруженный заплатами неровно нарезанных огородов и перечеркнутый наискось лентой реки. Маленькие бревенчатые домики да двух-трех этажные каменные строения, редко попадавшиеся среди них, выглядели необычно для глаза, привыкшего к пятиэтажкам мегаполиса, его «свечкам» и небоскребам. Только поодаль, у самой реки возвышались, нависая над городком, останки полуразрушенного комплекса, занимавшего приличный кусок земли. Место это невольно притягивало взгляд. Дио рассматривал его до тех пор, пока поезд не спустился с пригорка в долину. Группа строений, соединенных одной стеной, производила

странное впечатление. Они будто бы были сложены из останков других зданий, настолько пестрою казалась кладка. Следы разрушений затушевало время. Уже сложно было сказать, где стены обрушились от взрывов, где их раскрошили корни и ветви деревьев, а где местные жители растащили останки на фундамент для своих жилищ. Но Дио мог бы поклясться: эти здания обрушились не в результате сдвига. Он слишком хорошо знал, как действует сдвиг, сминая пространство и прессуя все, находящееся в нем. Здесь же дома разметало так, что останки их до сих пор угадывались на приличном расстоянии от комплекса. За неровной стеной виднелось другое, и вовсе несуразное строение. Дио прищурился, вглядываясь.

Рельсы свернули в сторону, и темная громада зданий ушла из поля зрения. Побежали мимо крохотные делянки. Люди, копавшиеся на них, провожали поезд глазами, глядя на него из-под ладони. Но было заметно, что зрелище это не в диковинку здесь. Многие даже не разгибали спины. Дио смотрел, пытаясь понять, чем они заняты, а поезд все больше забирал в сторону от поселения, сбавляя одновременно ход. Когда вагоны вновь нырнули в узкий лесной коридор, а мимо медленно потянулся настил деревянной, сколоченной сравнительно недавно платформы, Дио понял, что они прибыли, наконец, на место.

Но за ним долго никто не шел. Мимо пробегали какие-то люди, слышались крики и грохот — из первого вагона сгружали что-то и, судя по звукам, увозили прочь на машинах, созданных мастерами Слова. Прошел человек, толкая перед собой тележку с двумя большими клетками, полными голубей. Птицы беспокойно били крыльями. Вскочив, Дио припал к окну — в мельтешении перьев ему почудился проблеск стали...

Раздался металлический лязг, и дверь за спиной распахнулась, а на платформе перед окном появился Флегонт, вцепившийся в колбу с сердцем. Он приподнял ее, демонстрируя Дио, и мотнул головой, приказывая выходить. Дио усмехнулся и шагнул вон из купе. В длинном коридоре, почтительно держась на расстоянии, стоял человек, вооруженный автоматом. Самый обычный человек, парень лет двадцати пяти, которого Дио не видел раньше. Но в глазах этого человека ясно читался страх. Человек с такими глазами мог, не задумываясь, нажать на гашетку, и в тесном пространстве вагона у Дио

не было б никаких шансов. Дио развернулся и пошел к выходу, стараясь не спешить и не делать резких движений.

Флегонт ждал его снаружи. Дио скользнул по нему взглядом и обернулся посмотреть на платформу, но та уже была пуста. На грунтовой дороге, полускрытая длинным деревянным сараем, стояла всего одна машина — странная помесь легковушки и грузовика, собранная из подручного хлама в мастерских Слова.

Флегонт издал какой-то звук, и Дио вновь обернулся к нему. Лицо схармата побагровело. Было видно, что тот ищет и не находит слов, задыхаясь от возмущения. Пальцы его тискали округлые бока колбы, оставляя на той мутные разводы.

— Смотри, не разбей, — сказал Дио, усмехнувшись криво. — Я гляжу, ты прям сроднился с нею.

— Поговори мне еще, — Флегонту с трудом удалось совладать с собой. Его ответ прозвучал глухо. — Вперед! — Он качнул колбой по направлению к машине.

Дио развернулся и пошел. Он не хотел испытывать терпение схармата, доподлинно зная, как ограничены его запасы, но собирался держать этого человека в постоянном, непрерывном напряжении, надеясь, что так тот скорее допустит ошибку. Еще во время операции Дио понял: страх развязывает схармату язык, и тот начинает болтать, совершенно не контролируя себя. Однажды тот сам расскажет ему, как работает эта чертова колба...

Человек с автоматом пробежал мимо, придерживая болтающееся оружие, и распахнул дверку кузова. Другой человек, дожидавшийся их у машины, шагнул навстречу, поднимая руку в приветствии.

— Флегонт, друг мой! Наконец-то! — Он улыбался широко, но глаза его оставались холодны. — Вот уж не думал, что Лек отпустит вас от себя.

Дио сглотнул улыбку. Схармата не жаловали здесь, и Дио только что стал свидетелем первого пробного удара, нанесенного осторожным противником. «Ты вернулся без своего покровителя. Почему же он отослал тебя прочь?» — говорили глаза встречающего, и Флегонт запаниковал.

— Я привез ключ к Лабиринту! — ответил он тоном, преисполненным превосходства. — Близок час, когда Великий Схарм

покинет свою темницу, чтобы стать во главе армии бессмертных воинов!

— Неужели? — встречающий впервые скользнул взглядом по Дио, и тот понял, кого здесь следует по-настоящему опасаться. Человек этот совсем не жаждал выпускать из темницы своего божественного повелителя. Текущее положение вещей: когда Схарм томится в своем загадочном заточении, а Лек пытается покорить далекий Город — устраивало его больше.

— Да! — Флегонт был как всегда слеп. — Я первый буду приветствовать возвращение Великого Схарма!

Ничего не ответив, человек шагнул к машине и достал из кабины клетку с голубем.

— Сообщу Леку, что вы благополучно добрались, — пояснил он, вынимая птицу.

Конвойный, томившийся у распахнутой дверки кузова очевидно устал ждать и робко подтолкнул Дио в спину дулом автомата. Тот не стронулся с места, во все глаза глядя, как человек поддевает ногтем и открывает грудину птицы, словно какую-нибудь шкатулку с секретом, обнажая работающие мехосы внутри. Голубь в руках человека тоже был мертвою лековой тварью. Дио стоял, ошарашенный внезапным озарением. Он понял, наконец, как схарматы отслеживали все, творящееся в Городе, и откуда они узнали про третьего волка.

Человек вложил в грудь птицы свернутую бумажку и подкинул вверх тельце твари. Голубь забил крыльями, поднимаясь выше. Дио проследил взглядом его путь.

Птица улетела в противоположную от Города сторону.

Глава 17

Его привезли в Монастырь Спасителя.

Пока машина шла, подскакивая на колдобинах, и Дио трясся на пару с конвойным в темном, пропахшем сеном и мышиным пометом кузове, в кабине текла неспешная беседа. Флегонт благоразумно молчал о том, что случилось с Леком, но не мог удержаться и не похвастать порученным ему заданием. Дио сидел, придерживая дребезжащую канистру, и прислушивался, боясь упустить хоть слово. Сам мехос работал достаточно тихо, но, собранный впопыхах и кое-как не самым умелым из мастеров, он страшно гремел на тряской дороге, заглушая голоса собеседников. Дио мало что понял из услышанного. Узнал только, что человека, который встречал их, зовут Вилор.

Зато конвойный освоился и разглядывал Дио уже без страха, но с плохо скрываемым любопытством. Он, казалось, забыл об автомате в своих руках, и Дио прикинул, что при желании разоружить его будет проще простого. Если в Городе схарматы еще демонстрировали какие-то боевые навыки и действительно напоминали армию, то этот человек очевидно вообще не умел драться и обращаться с оружием. Это сквозило во всем: осанке, взгляде, движениях, том, как он положил автомат на колени... Дио смотрел украдкой и пытался представить себе, каково это: расти там, где твоей жизни ничто не угрожает. На этого его воображения явно не хватало.

А парень маялся. Дио держался предельно спокойно, не совершал резких движений и избегал смотреть конвоиру прямо в глаза, зная, что подобное будет воспринято как вызов, и тот уверился, что пленник не так уж опасен, как думалось поначалу. А любопытство мучило все сильней.

— Спрашивай, — сказал Дио дружелюбно, когда парень в очередной раз вздохнул и передвинул явно мешавший ему автомат.

— Ты и вправду мертвяк? — спросил парень, нагнувшись ближе и понизив голос до сиплого шепота. Глаза его сверкали от возбуждения, язык облизывал пересохшие губы.

Дио не был готов к подобному. Ему показалось, что новое сердце его пропустило такт, а в ушах зашумело, и кровь бросилась к лицу, обдав жаром.

— Нет, — ответил он, с трудом совладав с собой, и почувствовал, как длинна вышла пауза. — Кто тебе такое сказал?

— Флегонт. — Парень откинулся назад, явно разочарованный. Интерес его к Дио заметно угас.

— Разве я похож на мертвяка? — Спросил Дио, боясь ответа.

Парень окинул его оценивающим взглядом, и Дио испытал очень неприятное ощущение. Никто и никогда не смотрел на него так.

— Неа, — ответил, наконец, парень. — Но люди брешут, будто бы Лек наловчился мастерить мертвецов, неотличимых от живого человека.

— Я не тварь, — отрезал Дио. Слова его прозвучали глухо.

Дио вглядывался в лицо парня, едва различимое в полутьме кузова, и пытался понять, поверил ли тот ему. Стоило труда сдержаться и не начать оправдываться, доказывать то, в чем Дио и сам все еще не был вполне уверен.

— Что это за место? — спросил Дио, чтобы сменить тему, хоть на минуту забыть о том, что за сердце гонит теперь кровь по его жилам.

— Город, — ответил парень, пожав плечами. — Раньше его называли «спасенным». Но после того, как монастырь Спасителя разгромили, его стали звать «освобожденным». А сейчас это просто «город».

— Есть только один Город, — сказал Дио, пытаясь себе представить, как можно называть городом это жалкое скопище деревянных домишек, что он наблюдал из окна вагона.

— Ты про Мегаполис? — Парень снисходительно усмехнулся. — Я слыхал про большое поселение на северо-востоке, жители которого считают, будто их город такой один... Городов много, — добавил он назидательно.

«Ты не знаешь, о чем говоришь», хотел сказать Дио, но вовремя одернул себя. Все это было совершенно бесполезно. Ночь в поезде многое расставила по местам, заставив переосмыслить масштабы мира и свое место в нем. И Дио понимал теперь, что никакими словами не сможет объяснить подобное. Подобное можно только пережить самому...

Парень окончательно расслабился и все чаще смотрел не на Дио, а в маленькое зарешеченное окошечко, сквозь которое жиденьким ручейком затекал в темный кузов свет идущего на закат дня. Дио же пытался прикинуть, как далеко от Города завез его поезд. Ему даже не пришло в голову посмотреть по солнцу, куда они едут — ориентиров вне Города для него попросту не существовало. А теперь выходило, что база схарматов располагалась где-то неподалеку от легендарных Оленьих Ручьев, и можно было бы попытаться реализовать план еще недавно казавшийся ему невыполнимым. Нужно было только узнать, как действует колба с сердцем. Март утверждал, что схарматы смогут достать его всюду. Проверять правдивость его слов не хотелось. Слишком свежо было воспоминание о разрывающей грудь боли. Он боялся, что второго такого раза может просто не вынести. Приходилось признать: события последних дней подкосили его, лишив той невидимой внутренней опоры, что помогала ему держаться на плаву. Он страшно, чудовищно устал. Злость, в которой он всегда черпал силы, теперь лишь отнимала их.

Дернувшись, машина остановилась.

— На выход, — сказал парень буднично, закидывая автомат за плечо и распахивая дверку наружу.

Дио спрыгнул и огляделся. Вблизи монастырь Спасителя выглядел не так впечатляюще, как из окна вагона. Стали четче видны следы разрушений и пестрые, кое-как положенные заплаты в каменной кладке стен. Просторный двор, замощенный некогда камнем, теперь был разрыт. Высокий земляной вал огораживал большую его часть. Это укрепление, оставившее свободной лишь узенькую полоску земли по над стеной, идущей от ворот к большому зданию в дальнем конце монастыря, выглядело по меньшей мере странно. Дио даже представить себе не мог, кому и зачем понадобилось подобное сооружение внутри крепостных стен. Будто обитатели монастыря собирались защищаться от чего-то, притаившегося внутри.

— Я не вижу, чтобы что-нибудь изменилось, — голос Флегонта, когда тот вылез из кабины мехоса, звучал раздраженно.

— Зима близится, — Вилор отвечал с ленцой и как бы нехотя, — сперва урожай, потом лесозаготовки. Город забрал много людей на работы.

— Что значит «забрал»? — Флегонт взвился. — Что значит «забрал»?! — Схармат оперся о крышу кабины. Колбу, которая, очевидно, весила не мало, он поставил на капот и теперь придерживал ту ладонью. Дио отвел взгляд. Ему было больно смотреть на то, как бьется кусок мяса, бывший некогда его сердцем.

— Флегонт, — тон Вилора стал резче, — я не только руковожу исследованием лабиринта, я еще и комендант. Я должен думать о том, что будут есть люди и чем они станут обогреваться.

— Придет зима, земля застынет. Работа встанет окончательно. Мы и так продвигаемся слишком медленно. Сколько людей от корней Тарна прошли лабиринт?

— Достаточно, чтобы понять уже: это ничего не дает! — Злость Вилора прорвалась, наконец, наружу.

— Конечно не дает, если вы не продолжаете раскопки! — Флегонт хлопнул ладонью по крыше кабины.

— Полноте, друг мой, — Вилор вдруг пошел на попятный. Лицо его снова стало расслабленным и благодушным. — Мы целиком раскопали два сектора в это лето. Согласись, это не так уж мало.

— Мало, — Флегонт не собирался так просто уходить со взятой позиции, но и он подостыл чуть. Негодование в его голосе сменилось брюзжанием ворчливого старика. Дио с интересом наблюдал за перепалкой, гадая, куда клонит Вилор. Ответ не заставил себя ждать.

— Почему же? Это дало семипроцентное увеличение мощности! Да пойдем, посмотришь все сам, — Вилор шагнул навстречу, широким приглашающим жестом указав на земляной вал.

— Что? Прямо сейчас? — Флегонт бросил быстрый взгляд на Дио, и его пальцы крепче впились в округлый бок колбы.

— Ну а чего ждать? — обойдя капот, Вилор подхватил схармата под локоть. — У нас все готово. На вечер запланированы очередные испытания. Хочешь, возьмем твоего человека, посмотрим, как приборы реагируют на него?

— Да! — Флегонт загорелся идеей. Глаза его лихорадочно заблестели, а Дио ощутил нарастающую тревогу. — Снимем показания. Тогда уже сегодня я смогу отослать результаты Леку. А потом начнем готовиться к испытаниям. Вперед! — Флегонт приподнял колбу с сердцем обеими руками, и Дио понял, что выбора у него нет.

Парень снял с плеча автомат, качнул дулом, указывая направление движения. Они пошли к насыпи. Приостанавливаясь чуть, Дио чувствовал ствол, утыкающийся ему в спину. Можно было бы легко разоружить конвоира, но тех секунд, что понадобились бы на то, чтоб расправиться с парнем, Флегонту вполне хватило бы, и Дио решил выжидать случая.

Земляные валы, насыпанные совсем недавно, не успели еще порасти травой. Укрепленные камнями, вывороченными прямо из мостовой, они круто взбегали вверх. Деревянные конструкции по типу пандусов предназначались, вероятно, для тачек, изрядное количество которых было брошено здесь же, у основания вала, но было заметно, что работы действительно не велись уже давно. Куча земли с воткнутой в нее лопатой успела покрыться сухой коркой и пойти сетью крупных трещин. Даже недавно прошедший дождь не смог размочить этот ссохшийся земляной ком.

На самом валу помимо деревянного настила был сооружен длинный, узкий сарай, занимавший изрядную его часть. Они шли туда.

— Этот ваш человек, он от корней Тарна? — Вилор говорил громко, не боясь быть услышанным, и Дио почувствовал глухую, давящую злость. К нему относились как к бессловесной скотине, которую можно не принимать в расчет и не обязательно звать по имени.

— Нет, но он может служить проводником. Я сам видел, как он перенаправляет потоки силы.

— Тогда, боюсь, ничего не выйдет, — сожаление в голосе Вилора было поддельным. — Куда он станет перенаправлять энергию? На что? Кровь людей от корней Тарна как стрелка компаса ведет к их прародине. Случайный человек не откроет лабиринта. Голос предков должен быть очень силен. Даже люди от корней Тарна, хранящие чистоту крови, не в силах пока сделать этого, а вы хотите пустить туда безродного бродяжку из Мегаполиса.

Дио затылком видел, как Вилор сокрушенно качает головою, но у Флегонта хватило ума, а может природной осторожности, чтобы не проглотить наживку, не проболтаться о едва не начавшемся на арене сдвиге. Этим людям был нужен управляемый сдвиг. Дио окончательно уверился в этом еще в цехах металлургического завода, когда увидел на конвейере тела мародеров — единственных существ,

отваживавшихся жить в постоянном соседстве со сдвигами. Дио легко мог представить себе, какую власть получит тот, кто научится управлять внезапно возникающими пробоями меж реальностями. Если хотя бы половина из того, что рассказывали о сдвигах, была правдой, такой человек получил бы неограниченный доступ к ресурсам, возможность мгновенно перемещаться в пространстве и даже меж пространствами.

Дио не мог бы сказать, что он управляет собственными перемещениями, но даже возможность пройти иногда по грани миров давала ему огромное преимущество, позволила стать лучшим из охотников на тварей... Эти люди собирались использовать его способности, чтобы открыть какой-то лабиринт. Судя по тому, что успел наболтать Флегонт, ключ к лабиринту мог послужить ключом к темнице, в которой томился их Великий Схарм. Дио понял, что решительно не желает участвовать в этом. Нужно было как можно скорее разобраться с сердцем и бежать к кудесникам из Оленьих Ручьев. Других альтернатив он просто не видел.

Погруженный в мысли, Дио не сразу заметил, что почти достиг вершины вала, и лишь порыв ветра, резко ударивший из-за гребня прямо в лицо, заставил его вскинуть взгляд. Он невольно прибавил шагу, спеша разглядеть то, что мельком видел из окна поезда. Стены выше человеческого роста, сложенные из белого некогда камня, проведя много лет под землей, приобрели грязноватый горчичный оттенок, лишь на самом верху сохранив свой первозданный цвет. Переплетение узких коридоров занимало все обозримое пространство вплоть до противоположной стены монастыря. Накрытый сверху частой металлической сеткой, лабиринт контролировался еще и четырьмя наблюдательными вышками, воздвигнутыми по периметру. В центре всей этой конструкции возвышался какой-то шест.

— Где те два сектора, что вы успели отрыть? — спросил Флегонт, поднявшись и став поодаль. Схармат ни на минуту не забывал о колбе в своих руках и избегал подходить к Дио слишком близко. Это внушало надежды. Если Флегонт боялся, значит, власть его была не безгранична.

— Вот, — Вилор с готовностью указал в сторону каменной башенки, возвышавшейся в самом дальнем конце двора. Раскопки еще не завершены, но мне кажется, лабиринт простирается за пределы

монастырских стен. Надеюсь, когда мы отроем его полностью, поток энергии увеличится, и машина начнет работать на полную мощность.

— Такими темпами мы не отроем его никогда. — Близоруко щурясь, Флегонт всматривался в указанный участок. — Ладно, — он, наконец, отчаялся разглядеть что бы то ни было, — давайте уже поскорей приступим. Дел еще невпроворот.

Конвоир толкнул Дио ладонью в плечо, приказывая разворачиваться и идти к сараю. Стоило труда сдержаться и не сломать ему руку. «Рано, рано, рано», — уговаривал себя Дио, всеми силами пытаясь не сорваться.

Сарай этот, несмотря на свою примитивную форму, был сработан на совесть. Собранный из бревен, укрытый односкатною крышей, он смотрел на лабиринт большими застекленными окнами с двойными рамами. Отсюда можно было наблюдать все, творящееся внизу, не боясь ни морозов, ни непогоды. Дио оценил толщину стен, когда проходил сквозь небольшую калитку в воротах этого сарая. Заметил и характерные следы на дощатом настиле вала: через эти ворота в сарай достаточно часто завозили объемные и тяжелые грузы. Колеса мехосов выкрошили полотно досок, и поврежденное дерево подгнивало, двумя черными полосами обозначив след колеи.

Обстановка внутри точь в точь копировала обстановку той комнаты, в которую Март водил Дио перед боем. Не хватало лишь массивного кресла по центру, все остальное присутствовало в полном объеме. Приборы непонятного назначения, табло, реле, экраны, провода и даже трое схарматов в своих балахонистых одеяниях с глазом Схарма, намалеванном на груди. Они возились с приборами, а рядом, присев на самый краешек стула, скучающе разглядывал помаргивающие огонечки машин человек, одетый в кожаную куртку грубой выделки и широкие полотняные штаны. Он вскочил, как только увидел Вилора. Пригладил пятерней растрепанные светлые вихры. В глазах его плескался испуг.

Дио шагнул в сторону, став у дверей так, чтобы по возможности видеть все происходящее в комнате. Его конвоир встал рядом. Ствол автомата смотрел на Дио, но сам парень, разинув рот, оглядывался по сторонам. И без того тесное пространство сарая, заставленное громоздкими корпусами приборов давало шанс подобраться к

Флегонту достаточно близко, чтобы попытаться отнять у него сердце. Дио собирался использовать этот шанс.

— Сиди, — Вилор едва взглянул на вскочившего ему навстречу человека, прошел мимо, к приборам, и тот, отвесив неловкий полупоклон, поспешил вновь опуститься на краешек стула.

Флегонт замер на пороге, часто моргая. И пока он стоял, адаптируясь к полумраку помещения, пытаясь сориентироваться в незнакомой обстановке, Дио начал действовать. Он шагнул в сторону, уходя с линии огня, и одновременно дернул дуло автомата вниз, вырывая оружие из безвольных пальцев. Автомат легко скользнул в ладонь, ремень соскочил с плеча. Разворачиваясь, Дио успел заметить изумленные глаза парня и его приоткрывшийся рот. Он ударил прикладом под подбородок, услышал, как громко клацнули зубы, и обернувшись, увидел Флегонта, глядящего ему прямо в глаза. Не думая, Дио кинул автомат ему, крикнув «Держи!», и схармат разжал пальцы, выпустив колбу с сердцем из рук.

Та рухнула на деревянный настил, приземлившись прямо на тяжелое металлическое основание. Жидкость внутри плеснула, издав булькающий звук. В следующий момент Дио почувствовал резкую боль в затылке и упал на пол, полностью отключившись.

Он очнулся всего через несколько секунд, но и этого оказалось достаточно, чтобы ему скрутили руки. Кто-то навалился сверху, безжалостно выворачивая локти из суставов и захлестывая их ремнями. Дио рванулся, но был тут же прижат к полу.

— Держи его! — взвизгнул Флегонт, окончательно забывший от страха, что и сам способен при желании остановить Дио.

— Да держу же, — ответили ему, и Дио понял, кто повалил его наземь. Это был тот самый человек, что сидел так робко на стуле, что вскочил с такою поспешностью, и которого Дио совершенно не принял в расчет. — Не извольте беспокоиться, — продолжил тот. — Меня медведь ломал, не заломал! И этого удержу уж как-нибудь.

Другие руки опустились на плечи, прижимая к полу, кожаный ремень проскользнул наконец в петлю и затянулся с коротким свистом, когда кожа скользнула по коже. Человек, всем своим весом впечатавший его в деревянный настил, поднялся, наконец, и Дио почувствовал, что может вздохнуть. Грудь болела так, будто у него были переломаны ребра. Дио попытался перевернуться на бок и

зашелся в кашле. Его подняли, подхватив с двух сторон под руки, поставили на ноги. Вилор, едва не впервые, смотрел Дио прямо в глаза.

— Однако, Флегонт, — сказал он, не спуская глаз с Дио, — резвый у тебя парнишка.

— Зато твоя охрана не отличается расторопностью, — схармата все еще трясло. Он все так же держал в руках автомат, очевидно не представляя, что с ним теперь делать, и руки его заметно дрожали.

— Позвольте, — сказал светловолосый, аккуратно вынимая оружие из рук Флегонта, и тот охотно отдал его.

Забрав автомат, человек бросил короткий взгляд на парня, сидящего на полу и пальцем пересчитывающего остатки зубов в заполненном кровью рту, и перекинул ремень через плечо. Дио пристальней всмотрелся в его лицо, запоминая. Едва не впервые в стане схарматов ему встретился действительно достойный противник, не понаслышке знающий, с какой стороны нужно браться за нож. Человек ответил ему прямым, ничего не боящимся взглядом. Дио пытался и не мог понять, как это отсутствие страха в глазах могло сочетаться с той предупредительностью, готовностью служить, которую этот человек демонстрировал только что.

— Присмотри за ним, Иван, — сказал Вилор, вновь отходя к приборам, и светловолосый молча кивнул. Он стоял, расслабившись, глядел внимательно, но Дио прекрасно понимал: шанс был упущен, и второго ему не предоставят.

Вилор щелкал тумблерами, смотрел, как колеблются стрелки приборов. Флегонт с трудом поднял колбу и взгромоздил ее на лавку у стены. Сел рядом, устало облокотившись об округлый бок. Забившиеся в угол схарматы потихоньку вернулись к своим занятиям, стараясь, однако, держаться подальше от Дио.

— Дохлый номер, — Вилор медленно крутил круглую ручку верньера, щелкавшую при переходе с деления на деление. Стрелки прибора рядом вздрагивали, но каждый раз возвращались на ноль. — Стоило тащить его сюда? Он абсолютно бесполезен. Приборы даже не реагируют на него. Вы могли проверить это на месте.

— Мы проверяли, полный ноль, — вынув большой белый платок, Флегонт отер взмокший лоб, — но когда он вышел на арену.... — по

плечам схармата прошла невольная дрожь, и он замолчал, уставившись в пространство невидящим взглядом.

— Что? — спросил Вилор, глядя пытливо.

Флегонт вскинул испуганный взгляд. Провел языком по губам.

— Там что-то было. Машина записала всплеск. Мощный всплеск на грани пробоя. Я привез перфоленты.

— Мы его лабиринтом скорее прогоним, чем обработаем твои бумажки, — Вилор смотрел безо всякого выражения во взгляде, и его глаза странным образом напомнили Дио глаза леканов. — Давай, Флегонт. У нас все готово. Мы даже можем устроить ему арену. Выпустим на прогулку парочку волков? Я хочу на это посмотреть.

«Он хочет меня убить, я мешаю ему своим появлением», понял Дио, и тут же услышал, как Иван снимает автомат с предохранителя. Вилор даже не шелохнулся. Он смотрел на Флегонта. Дио просто видел, как колеблются чаши весов, и как нехотя перевешивает только что пережитый страх и давняя, затаенная ненависть. Флегонт отрывисто кивнул, соглашаясь. Дио перевел взгляд. Белобрысый стоял, вскинув оружие к плечу, и держа палец на спусковом крючке. Он смотрел на Дио сквозь прорезь прицела, и этот взгляд был красноречивее любых слов: «даже не думай», говорил он.

Шура Глава 18

Когда-то в его жизни все было по-другому.

Он был стервятником, разоряющим крысиные гнезда, охотником, выслеживающим по ночам тварей, Губителем из банды Скала, и все это составляло суть его жизни и приносило ему такое же наслаждение, как хорошая еда и долгий сон. Ему нравилось тенью скользить от подворотни к подворотне, держаться настороже, просчитывать каждый свой шаг и ежеминутно быть готовым схлестнуться с противником.

Но превратившись однажды из охотника в жертву, он потерял вкус к опасности. Он больше не чувствовал того азарта, что приносил с собой безграничную веру в собственные силы и позволял легко скользить по грани миров. Ему казалось, он больше вообще ничего не чувствует кроме безграничной усталости. Ему хотелось одного: чтобы все это наконец завершилось. Пусть даже ценой его собственной жизни. Все равно, он не видел для себя никакого будущего и не представлял, что станет делать вне Города. Оленьи Ручьи были соломинкой, за которую хватался утопающий. Дио ни минуты не верил, что его примут там. Собственная судьба уже мало занимала его, но он продолжал драться просто потому, что не умел жить иначе.

Его вытолкнули в лабиринт безоружным, со стянутыми за спиной руками.

Пока Иван держал его под прицелом, Вилор приподнял и откинул целую секцию дощатого пола, закрывавшую крутой спуск в самое сердце земляного вала.

— Вниз! — скомандовал он, а поднявшийся на ноги конвоир с силой толкнул его в спину, приказывая идти. Дио запомнил этот тычок, пообещав себе при случае еще разок пересчитать парню все зубы.

Короткая деревянная лесенка вела в покатый земляной коридор, своды которого подпирали толстые поперечные балки. Дио пришлось пригнуться, чтоб не удариться головой, так крут был спуск вниз. Второй раз он инстинктивно втянул голову в плечи, когда крышка люка упала на место, деревянно стукнув. Дио вскинул взгляд. Сквозь щели в полу просачивался жиденький свет, сыпалась древесная труха и пыль, когда люди наверху переходили с места на место.

Захотелось выругаться, но судя по воцарившейся в сарае тишине, за ним продолжали следить. Дио поджал губы. Вилор будет держать его здесь, пока Дио не выйдет в лабиринт. Это было абсолютно ясно. Так же ясно, как то, что выйти из лабиринта ему не позволят. И все, что у него было — кусок кожаного ремня, стягивавшего его локти. И кусок этот нужно было еще достать...

Дио сел. Работа ему предстояла долгая. Иван, кем бы он ни был, умел связать свою добычу. Но хотя узел был затянут довольно крепко, он был затянут поверх одежды, а значит все, что нужно было сделать — всего лишь расстегнуть куртку и выпростать руки из рукавов. Это заняло изрядно времени и отняло много сил. Если хорошо разработанную змейку поношенной куртки удалось расстегнуть в считанные минуты, то руки пришлось высвобождать буквально по миллиметру. Когда кожа наконец подрастянулась, и ремень соскользнул с одного локтя, Дио некоторое время еще сидел, опрокинувшись на бок и пытаясь привести в порядок занемевшую, непослушную конечность. Наконец он выпростал из рукава одну руку. Зубами смог развязать узел на второй. Подумал мельком, как же ему повезло. Выпутаться из веревок было бы на порядок сложнее. Изучил ремень — его единственное оружие против волков, которых обещал выпустить в лабиринт Вилор.

Это было далеко не самое лучшее оружие. И без того не широкий, он еще истончился там, где Дио растягивал его. Место это неудачно располагалась почти по центру обрезка. Лопни кожа, и в руках у Дио останутся два бесполезных огрызка. Он покрутил ремень, прикидывая, как еще его можно использовать, но не нашел ничего лучше, кроме как соорудить обыкновенную скользящую петлю. Он очень сильно сомневался, что сумеет задушить мертвого волка — мертвые твари не нуждались в кислороде, но других вариантов у Дио попросту не было. Закончив с этим, он поднялся и пошел к выходу из подземелья. Коридор вильнул вправо, и невдалеке забрезжил рассеянный свет пасмурного дня.

Дио еще раз проверил петлю и ступил из полумрака тоннеля наружу. Горчичного цвета стены составляли узкий коридор, в котором едва ли смогли б разминуться двое. А значит, если ему не повезет, он столкнется с волками нос к носу. Дио замер, вслушиваясь. Взгляд скользил по сторонам. Камни стен, плотно пригнанные друг к другу, не

давали шансов взобраться на гребень. Металлическая сетка, закрывавшая лабиринт сверху, бросала наземь ажурную тень. Дио вскинул взгляд, чтоб убедиться: та была сплетена из колючей проволоки. Прямо на Дио, помаргивая, смотрел глазок видео-камеры. Не сдержавшись, Дио выругался сквозь зубы.

Смысл всего этого сооружения оставался не ясен. Дио не мог и даже не пытался представить себе, какие правила были у этой игры. Схарматы меняли их по собственному усмотрению. Там, на арене он почти поверил, что сможет победить, и разочарование было слишком горьким. Дио усвоил урок. Никаких игр по правилам.

Если Вилор хотел его убить, он не выйдет уже отсюда, а значит нужно сделать то, чего схарматы не ждут от него. Нужно вызвать сдвиг. Такой, чтобы камня на камне не оставил. Чтобы забрать с собой всех, раз уж он так и так обречен. Для начала ему нужно найти волка. Найти и убить тварь, чтобы снова почувствовать: «Я — охотник!» — и тогда его способности, может быть, вернутся к нему...

— Я охотник, — тихо сказал Дио, неспешной трусцой трогаясь с места.

Глаз фиксировал и запоминал окружающее пространство, уши ловили каждый звук, ноздри втягивали прохладный воздух: даже мертвые твари нестерпимо воняли псиной — руки держали наготове петлю. «Ну, где же ты? Где?» — он свернул раз и еще раз, механически запоминая дорогу, выстраивая в уме схему лабиринта. Тот был не так уж велик, и задача казалась вполне выполнимой. Дио помнил, что в центре его торчит столб, и надеялся быстро выйти к нему, но на третьем повороте он зашел в тупик. Пришлось возвращаться обратно.

Выбрав другой поворот, он двинулся вперед, но замер, вслушиваясь. Где-то рядом мягко ступали тяжелые лапы твари. Под весом огромной туши осыпалась, шурша, разрытая земля. Зверь замер, громко фыркнув, и Дио понял: его учуяли. Он бросил быстрый взгляд через плечо, убедившись, что за спиной его — ответвление, ведущее в тупик, и никто не появится внезапно оттуда. Чуть согнул колени, принимая позицию поустойчивей. Руки спокойно держали расправленную петлю. Он собирался ждать тварь здесь. Спешить ему было абсолютно некуда.

Волк прыгнул, одним движением появившись из-за поворота всего в нескольких шагах от Дио. Сдавленный узкими стенами, волк

неловко повернулся, посмотрев прямо в глаза. Дио впервые мог рассмотреть мертвого волка так близко. Раньше у него просто не было такой возможности: твари атаковали моментально, не оставляя времени на созерцание — но сейчас зверь медлил. Дио мог бы поклясться — мертвая тварь боялась. Дио и сам с трудом преодолевал навязчивое ощущение, будто стены этих каменных кишок сдвигаются, грозя раздавить его в лепешку. Редкая шерсть на плешивом загривке волка топорщилась дыбом, верхняя губа дрожала, обнажая стальные клыки. Зверь припадал на передние лапы, опуская большую, лобастую голову почти к самой земле. Задние нервно подергивались, разрывая жирные комья грязи. Волк готовился к прыжку. Дио еще чуть присел, и когда волк прыгнул, подкатился под брюхо, накидывая петлю на голову, и дернул намотанный на кулак конец, затягивая удавку. Волка отбросило назад, опрокинув на спину. Будь у Дио с собою нож, он вспорол бы мягкое брюхо, выпустив кишки наружу, но ножа у него не было. Только огрызок ремня в руках, который он тянул и тянул, перехватывая ладонями фиксируя на сгибе локтя. Тяжелый ботинок ударил в грудину зверя, когда тот задергался конвульсивно, пытаясь перевернуться и вновь встать на лапы. Дио перенес вес на ногу, плотнее прижимая тварь к земле. Будь это обычный волк, он давно бы сломал ему ребра, но мертвая тварь не издала и звука. Дио почувствовал, как вздулись от напряжения бицепсы, как побежала по виску капелька пота. Ремень врезался в ладонь. Кожа под ним покраснела, а затем стала белой. Он потянул еще, и кровь зашумела в ушах. Мертвая тварь все так же возила лапами, пытаясь выбраться из захвата. Дио почувствовал, что силы его на пределе. Удавка помогала держать тварь, но туго затянутая петля, давно придушившая бы обычного зверя, здесь больше ни на что не годилась. Нужно было немедленно кончать тварь, а Дио даже не представлял, как это сделать.

Он снова перехватил ремень, затягивая петлю еще туже. Волк лежал опрокинутый на спину, извивался негибким телом, силясь перевернуться. Взгляд Дио скользнул по телу твари, и в следующую секунду тяжелый ботинок ударил в незащищенное горло твари, по нижней челюсти и снова по горлу. Дио бил, вкладывая в каждый удар всю свою силу и злость, и тварь завизжала. Дио бил, и бил до тех пор, пока ремень в его руках не лопнул, разом отбросив его к стене. Лишь тогда Дио пришел в себя.

Тварь лежала на боку, не шевелясь и не издавая и звука. Шея ее превратилась в одно сплошное кровавое месиво. На ладонь Дио все еще был намотан кусок ремня. Кожа ладони вздулась и посинела. Шипя от боли, Дио размотал и отбросил прочь бесполезный кожаный огрызок. Поднялся на ноги. Руки его заметно дрожали. Силясь как-то совладать с этой дрожью, он пошел прочь от места схватки. Шел, не пытаясь уже запомнить дорогу, понимая, что ему уже не придется возвращаться обратно. Шел с одной мыслью: найти и убить вторую тварь. Его шатало. Чтоб не упасть, он придерживался за стены левой рукой. Правая горела так, будто ее жгли раскаленным железом. «Ну, где же ты?! Где?!» — думал он, в поисках твари проходя один поворот за другим. Грязно-коричневый камень узких коридоров слился в одну сплошную полосу. Он шел, и шел, и шел, петляя бездумно, пока не вышел вдруг на открытое пространство.

Дио замер, будто налетев на невидимую стену.

Перед ним простирался небольшой пустырь, огороженный с одной стороны полуразрушенным деревянным забором. По другую сторону, в окружении облетевших деревьев, стоял каменный дом. Дио смотрел, и понимал: это не монастырь. Отдельно стоящее двухэтажное здание было выкрашено в изумрудно-зеленый цвет. Все его восемь окон мягко светились теплым электрическим светом. Прямо к дому через пожухлую лужайку, усыпанную ярко-желтыми листьями, бежала широкая, протоптанная множеством ног тропинка.

Дио обернулся, бросив взгляд через плечо. За спиной его простиралось открытое пространство. Под ногами лежал лабиринт. Сложенный из черного камня так, что кладка едва возвышалась над землей, едва угадывающийся в сгущающемся мраке. Дальше темнела полоса синего, предвечернего леса, падало за горизонт огромное, ярко-красное солнце.

Дио стоял, боясь сделать шаг или хотя бы пошевелиться. Ему казалось, любое движение тут же выдернет его обратно, туда, где средь грязно-коричневых стен валялась одна убитая тварь и бродила в поисках жертвы вторая. Вдалеке у дома раздался гуд голосов, кто-то крикнул звонко: звук исказился, как это часто бывает в сыром, предвечернем воздухе — и из-за угла выбежал человек, одетый в светлую куртку и брюки. Дио смотрел, не в силах отвести глаз, не в силах поверить себе.

— Шура! — крикнул он, когда девушка подбежала ближе, и уже ясно было, он не ошибся.

— Кто здесь? — она приостановилась, пошла медленнее, вглядываясь. Дио понял, что сливается с черною кромкою леса. Солнце за спиной оставляло лицо в тени, вырезая глубокий, темный силуэт фигуры.

— Дио, — назвался он, и Шура сразу вспомнила. Она застыла, как вкопанная, Дио различил внезапное напряжение в позе, увидел, как сжались маленькие кулачки. — Мне нужна твоя помощь, — сказал он. Слова прозвучали глухо. Никогда раньше он не просил о помощи. Никого.

— Что тебе нужно? — она сделала маленький шажочек назад. Убрала с лица падавшую на глаза челку.

— Выведи меня отсюда, — выдохнул он, сам понимая, как дико, нелепо это звучит.

— Ты издеваешься? — девушка отступила еще на шаг.

— Пожалуйста, — горло его пересохло, слова превратились в хриплый сип, — я не могу сам. — «Я боюсь», добавил он про себя, понимая, что действительно боится, боится до дрожи в коленях потерять снова все, что так нечаянно приобрел только что.

Она услышала это в его голосе. Замерла, все так же внимательно вглядываясь во тьму. Дио молчал, не смея давить на нее, боясь, что тогда она просто уйдет, а он останется тут навсегда, застывший как соляной столп.

— Обещай, что не станешь больше распускать руки, — наконец ответила девушка.

— ...обещаю, — сказал Дио, помедлив. Это обещание далось ему не так-то просто. Еще секунду назад ему казалось, что он готов отдать все за возможность шагнуть за грань миров, навсегда остаться здесь, а теперь он понимал, что мир этот мало что значит для него без этой девушки. — Обещаю, — повторил он тверже, скорее для себя, чем для нее.

— Ну, тогда пойдем, — она расслабилась, наконец. — Если я доведу тебя до начала улицы, этого будет достаточно?

— Дай руку, — он протянул ей раскрытую ладонь левой руки.

— Зачем? — в ее голос снова вернулась подозрительность.

— Я не могу объяснить, — сказал он, понимая, что объяснения лишь напугают ее. — Просто дай мне руку, — и повторил, — пожалуйста.

Она сделала шаг и еще шаг ближе. Он стоял, не шевелясь, боясь спугнуть. Молча всматривался в ее лицо. Её черты успели стереться из памяти, и он смотрел на нее, вновь удивляясь, какая же она красивая, как она не похожа на тех женщин, что он знал раньше. И он дал слово не прикасаться к ней. Это было просто невыносимо.

Шура, наконец, подошла достаточно близко, чтобы вложить ладонь в раскрытую ладонь Дио и тут же отдернуть руку. У нее были прохладные тонкие пальцы. А Дио почувствовал, что сам он просто горит.

— Ты болен? — она снова робко прикоснулась к нему. Голос ее звучал озабоченно, меж бровями залегла складка. — У тебя температура, — она сжала его ладонь в своей, и шагнула еще ближе, вглядываясь в лицо.

— Ерунда, — ответил Дио, улыбаясь невольно. В его руке лежала ладошка Шуры, и он больше не хотел ни о чем думать. Хотел просто стоять и чувствовать ее рядом.

Она поджала губы.

— Ладно. Я доведу тебя до улицы. Такой был уговор.

И, держа его за руку, она шагнула назад, к лабиринту.

— Стой!

Его окрик испугал девушку. Она вырвала бы пальцы из его ладони, если б он не вцепился в них изо всех сил, стиснув так, что она вскрикнула.

— Стой, — повторил он тише, с болью заметив, как она сжалась от его окрика, отпрянула, насколько позволила взятая в плен ладонь. — Не ходи туда. Там... опасно.

— Танечка забыла там свою куртку, — ответила девушка, тщетно пытаясь высвободить пальцы.

— Не ходи, — повторил Дио. — Не сегодня, — «и не со мной», добавил он про себя.

И она снова поверила ему. Оглянулась на лабиринт и ступила невольно назад, отшатнувшись.

— Да, — прошептала она, с тревогой вглядываясь в аспидно-черные узоры лабиринта, сливавшиеся с темнотой наступавшей ночи.

Концентрические узоры казались медленно вращающейся воронкой. Кольца спиралей притягивали взгляд, гипнотизируя. — Пойдем скорей отсюда, — и Дио почувствовал, что ладонь ее больше не рвется из его руки испуганной птицей, а крепче сжимает, ища опоры и поддержки. И тогда он первый стронулся с места, все дальше и дальше уводя ее от того кошмара, который составлял всю его жизнь.

Они прошли тропинкой мимо дома с уже погасшими окнами, завернули за угол, и Дио увидел асфальтированную улицу, спускающуюся к городу. Этот город не был похож на его родной Город. Отсюда он как на ладони раскрывался весь: ярко горящий огнями домов и машин, полный движения и жизни. Дио замер невольно, всматриваясь. Широко раскинувшись у бегущей наискось реки, город зеркально копировал улицы того поселения, в которое привез его поезд. Та же сетка центральных улиц, ярко освещенных здесь, то же расположение относительно лабиринта.

— Ну вот, я довела тебя, — сказала Шура, и, обернувшись, он встретил ее испытующий взгляд.

Она ждала, вновь вся напрягшись. И он с неохотой разжал пальцы, выпуская ее ладонь. Она тут же спрятала руки в карманы. По плечам ее прошла нервная дрожь, она зябко поежилась, вздернула плечи, надвигая высокий воротник куртки под самый подбородок. Дио не чувствовал холода. Наоборот. Его то и дело бросало в жар, а на лбу выступила испарина. Волосы взмокли и сосульками повисли над глазами. Он дернул головой, отбрасывая пряди в сторону.

— Автобус уже ушел, — сказала Шура с тоскою в голосе, вглядываясь в ярко-освещенный пятачок под ближайшим фонарем. Там, чуть скошенная на бок висела желтая табличка с большой буквой «А». — Теперь полчаса ждать... — Не вынимая рук из карманов, она бросила быстрый взгляд на запястье и медленно пошла к остановке.

Не представляя, что ему делать здесь, куда идти, Дио просто пошел следом, надеясь, что это не будет истолковано как приставание. Из темноты в освещенный круг, зарычав, вдруг выпрыгнула маленькая фигурка. Шура вздрогнула, а мальчишка расхохотался, запрокидывая лицо к небу и хлопая ладонями по бедрам.

— Данька! Вот я тебя! — девушка и сама рассмеялась своему внезапному испугу, а мгновенно подобравшийся Дио почувствовал вдруг, как нелепо он выглядит, в полуприседе, готовый к прыжку.

Никто ничего не заметил. Мальчишка смеялся, а Шура шла, не оглядываясь больше на Дио. Он медленно выпрямился, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. «Опасности нет», пытался убедить себя он, «опасности нет».

— Что ты тут делаешь? — Шура стояла уже под фонарем, выговаривая мальчишке, — почему не уехал со всеми?

— Никто не хотел без вас ехать, Александра Викторовна, а водитель ругался. Кричал, у него график. — Мальчик пожал плечами. — Решили оставить меня.

Дио подошел ближе, рассматривая пацана. Рослый, румяный, крепкий, одетый в хорошую, целую одежду, в обуви точно по ноге. Дио дал бы ему лет пятнадцать, если бы не звонкий, совсем мальчишеский голос, даже не начавший еще ломаться.

— Это кто это «решил»? — Шура сердилась. Тон ее стал жестче, брови хмуро сошлись к переносице. Дио не ждал от нее ничего подобного. Она казалась ему совсем другою.

— Константин Сергеич, — ответил мальчишка, вновь пожимая плечами, всем своим видом как бы говоря: «а я-то тут при чем?» — но в глазах его плясали смешинки.

— Дурак, — это безобидное ругательство в устах девушки прозвучало резко. — Оба, — добавила Шура, взглянув на мальчишку. Тот прыснул в кулак, и Шура улыбнулась невольно.

Дио смотрел на них, чувствуя себя лишним. Он не принадлежал этому миру. Он не нужен был тут.

— Драсьте, — сказал вдруг пацан, обернувшись к нему, и посмотрел на Шуру, будто спрашивая: «кто это?».

Девушка закусила губу. Вскинула взгляд, и глаза ее распахнулись от ужаса. Она вдруг схватила Дио за рукав, втягивая его в круг света.

— Господи! Госссподи....

— Что?! — Дио оглянулся через плечо, пытаясь понять, откуда исходит опасность. Его опять шатало. Он накренился и едва не упал. Мучительно, тупо и надсадно болело сердце. Силясь унять боль, он прижал правую ладонь к груди.

— Господи! — снова вскрикнула девушка, с ужасом взглянув на покалеченную, распухшую руку и подставила Дио плечо, заставляя его опереться на себя. — Даня! Скорую! Быстро!

Мальчишка, глядя такими же огромными глазами, уже кричал в прижатую к уху маленькую блестящую рацию: «Алло! Скорая? Человеку плохо! Да! Краеведческий музей! Да! Дом Скороходова! Да!»

— Сядь! — она рявкнула это так, что он послушно оперся о столб и медленно съехал на землю, чувствуя, что ноги его действительно уже не держат. — Дио! — Он посмотрел на нее и не увидел лица. Это было так больно, что он едва не заплакал. Рука сама потянулась к белому пятну, на месте которого еще секунду назад были большие испуганные глаза. — Дио! — Она ударила его по щеке, и взгляд моментально прояснился. — Смотри на меня! — Её нельзя было ослушаться. «Я смотрю», хотел ответить Дио, и не смог. Грудь его давила неподъемная тяжесть. Он задыхался.

Глава 19

Шура лихорадочно шарила по карманам, не переставая звать громко и требовательно: «Дио! Дио! Дио!». Дернула молнию своей куртки, рука нырнула за пазуху и девушка вынула то, что искала: небольшую пачку блистеров с таблетками. «Сейчас», бормотала она, просматривая один, второй, третий, «сейчас». Из четвертого она выдавила белый кругляш и, разломив его надвое, двумя пальцами с силой надавила под челюстью так, чтобы Дио открыл рот.

— Жуй, — говорила она, кладя половинку таблетки ему на язык, — жуй!

Её голос был тверд, но руки дрожали. Она снова принялась перебирать блистеры и уронила их, не удержав. Они рассыпались с сухим шелестом.

— Что? Что нужно? — спросил присевший рядом мальчишка. Он собирал уже блестящие упаковки.

— Нитроглицерин. — Она схватила руку Дио, ту, которая не была пережата ремнем, стиснула его пальцы, заставляя вновь сфокусировать взгляд. — Дио! Жуй! Жуй и глотай!

«Ничего не нужно», думал Дио, с трудом разжевывая полынно-горькое лекарство. «Флегонт добрался до меня. Даже здесь». Он попытался улыбнуться ей, попытался чуть крепче сжать пальцы, ответить на пожатие. Он хотел успокоить ее. Сказать, что не боится умереть. Умереть не страшно. Страшно, когда ты один. Но грудь его обручем стискивала нестерпимая боль, и воздуха не хватало даже на то, чтобы дышать.

— Вот! — мальчишка нашел лекарство, протянул упаковку Шуре.

Она схватила блистер, выпустив руку Дио.

— Даня, — она выдавила в ладонь ярко красный шарик, — беги в музей, принеси воды пить и стакан.

Пацан кивнул и сорвался с места. А она вновь надавила пальцами под челюстью, заставляя его открыть рот.

— Господи, я не перенесу этого во второй раз, — прошептала она, закладывая таблетку ему под язык. В ее голосе внезапно прорезались слезы, и Дио понял: она держалась так до сих пор потому, что рядом

был ребенок. Она не хотела напугать мальчишку, хотя сама была ужасно напугана. Вода была только предлогом, чтоб отослать пацана прочь, подальше от умирающего.

Шура расстегнула его куртку, откинув полы в стороны, и стало немного легче. Дио слабо шевельнул пальцами, надеясь, что Шура заметит движение. Он хотел, чтобы она снова взяла его за руку. Она заметила и, взяв его ладонь в обе руки, принялась поглаживать, шепча какой-то вздор, о том, что сейчас подъедет скорая, и тогда все будет хорошо.

Большая белая машина с красным крестом и цифрами «03» на капоте действительно подъехала раньше, чем мальчишка успел вернуться с водой. Машина стала вплотную, под самым фонарем. Шины царапнули невысокий бордюр. Открылась боковая дверь, и наружу выпрыгнули двое мужчин в синих спецовках с белыми горизонтальными полосами на груди и рукавах: лет сорока и совсем молодой. Из кабины водителя вышла женщина в белом халате со стетоскопом на шее.

Шуру мгновенно оттеснили от него. Пока женщина задавала ей какие-то вопросы, двое других принялись за осмотр. Тот, что постарше, тронул запястье. Молодой бросил быстрый взгляд на распухшую кисть правой руки и одним точным движением распорол рукав куртки, а за ним и рукав рубашки. Принялся осматривать рану. Дио почувствовал тугую повязку, охватившую другую его руку повыше локтя. Он скосил глаза и увидел прибор для измерения давления. Старший накачивал помпу, приложив к коже прохладную диафрагму стетоскопа.

— Как зовут? — спрашивала женщина Шуру, быстро и размашисто записывая что-то на листе вызова.

— Дио, — ответила та. Она стояла поодаль, обхватив себя за плечи. Она как будто потерялась после того, как у нее отняли дело. Теперь она выглядела совсем беспомощной и ничуть не походила на ту Шуру, что еще пару минут назад требовательно кричала «смотри на меня!», одним нажатием пальцев открывала ему рот и не давала отключиться своим мягким, успокаивающим голосом.

— Как? — переспросила женщина, и ручка в ее пальцах замерла на секунду.

— Дима, — поправилась Шура, бросив быстрый взгляд в его сторону. — Его зовут Дима. Фамилии не знаю.

— Что давали? — женщина кивнула на рассыпанные блистеры лекарств.

— Пол таблетки аспирина, нитроглицерин под язык. — Шура запнулась прежде чем продолжить. — У меня мама сердечница. Была. Знаю.

Женщина снова кивнула, и резким движением поставив точку опустилась на колени рядом. Как раз тогда, когда старший расстегнул рубашку Дио и, собираясь зафиксировать электроды для снятия ЭКГ, обнажил его шрам. Мальчишка присвистнул, а мужчины переглянулись. Женщина, вооружившись стетоскопом, прикоснулась к его груди, слушая.

— Это не сердечный приступ, — сказала она, закончив и поднимаясь с колен. — Грузите. У него кардиопротез. Послушай сам, — добавила женщина в ответ на удивленный взгляд молодого, — его сердце не бьется. Надо направлять его в центр. А может быть даже в Москву. Я не берусь ничего сделать, и никто у нас не возьмется. Все, что мы можем, снять эхокардиограмму.

— Да уж, вся больница сбежится на это смотреть, — сказал старший, снимая шину. — Интересно, где его оперировали.

— Оклемается, расскажет. Вы с ним, девушка? — врач обернулась к Шуре, и та перевела взгляд со шрама Дио на его лицо. Дио закрыл глаза. Это было невыносимо. И почему он не мог умереть всего несколькими минутами раньше? Когда она держала его за руку.

— Да, — ответила Шура. — Да, конечно, я с ним. — Она схватила мальчишку за плечо и потянула, поставив рядом. — И мальчик, его надо в город.

— Ребенок к водителю, — коротко распорядилась врач, следя, как Дио грузят на носилки, и Дио услышал разочарованный вздох пацана.

Грудь поотпустило. Осталась тупая, ноющая боль, но он уже мог дышать свободнее. Носилки приподняли и задвинули внутрь через распахнутые задние двери. Забравшись следом, Шура села рядом, сжав ладони меж коленями. Женщина врач переговаривалась о чем-то по рации, но Дио уже не мог разобрать слов в шуме мотора. Он полулежал на чуть приподнятых носилках и смотрел на Шуру, а она, кусая губы, смотрела на его шрам.

Он плохо помнил, как его довезли до больницы. Стоило машине выехать на дорогу, у Дио начался второй приступ. Взгляд потерял фокусировку, сознание отключалось, звуки доносились глухо, словно через плотную толщу воды. Врачи делали что-то, но он не мог уже понять, что. Чувствовал лишь вводимую в вену иглу, да видел перед собой большие, испуганные глаза Шуры. Ночь превратилась в бесконечный кошмар. Его везли в каталке по коридорам, над головой мелькали нестерпимо-яркие трубки ламп, их свет проникал даже сквозь плотно сомкнутые веки. Его избавили от останков куртки и рубашки. Тело начала бить крупная дрожь. На грудь толстым слоем нанесли прохладный гель. Человек водил прибором по его груди, а он смотрел в потолок расфокусированным взглядом, и видел там глаза Шуры. Потом какие-то люди кричали прямо над ним, споря до хрипоты. И кто-то повторял как заведенный «не может быть, не может быть», а Дио проваливался в полубред. Скал хватал его за вихор, заставляя запрокинуть голову и смотреть прямо в глаза. Глаза Скала были глазами лекана. «Где вы видели такие кардиопротезы?» вскрикивал он возбужденно, поднося к лицу Дио его собственное, пронзенное арбалетным болтом сердце, и то сокращалось, громко стуча.

Дио пришел в себя только утром, когда солнце уже высоко поднялось над домами и ярко освещало маленькую комнатку с высоким потолком и девушку, сидящую рядом с каталкой. У нее был измученный вид. Темные круги залегли под глазами, печально опустились уголки рта. Она смотрела куда-то мимо, и Дио лежал, не смея пошевелиться, нарушить ее молчаливую сосредоточенность. Наконец она вздохнула прерывисто, как вздыхают иногда дети, уставшие от долгого плача, и перевела взгляд на него.

— Привет, — сказала Шура тихо. — Ну и шуму ты здесь наделал. Меня истерзали всю, допытывались, откуда ты такой взялся, а я совсем, совсем тебя не знаю...

Он смотрел на нее, не в силах ответить и слова или хотя бы пошевелиться. А она снова замолчала надолго, уставившись куда-то в пространство.

— Милиция приезжала, — продолжила, наконец, она, все так же глядя мимо. — Сперва не хотели вообще разговаривать, а потом наоборот оставили пост, велели к тебе никого не пускать... И меня не

отпускают. Хорошо хоть Даню почти до дома довезли. — Она вдруг выпрямилась на стуле, будто вспомнив что-то важное. Тронула его руку просительно, — не говори никому, что Даня был с нами. Я почему-то боюсь, — она замолчала, глядя в глаза, и Дио прикрыл веки, как бы говоря «да».

В этот момент дверь распахнулась. На пороге замер, разом заняв весь дверной проем, высокий, крупный мужчина в черном полупальто. Он осмотрелся, задержав внимательный взгляд на Шуре. Шагнул внутрь и, аккуратно закрыв за собой дверь, прошел, нависнув над каталкой всем своим немалым ростом. Пристально посмотрел в глаза Дио. Дио ответил таким же пристальным взглядом. Он не знал этого человека, но понимал уже, тот знает нечто о нем. Это читалось в глазах вошедшего.

— Здравствуйте, — произнес, наконец, незнакомец, и одним быстрым движением запустил руку за ворот черной рубашки и снял через голову серебряную цепь с массивным медальоном на ней. Дио узнал звезду хаоса, восемь перекрещенных стрел. — Вот, — сказал человек, осторожно приподнимая голову Дио и вешая медальон ему на шею, — это послужит временным источником энергии для вашего сердца. Большего дать, увы, не могу, наши ресурсы очень ограничены.

Человек деликатно приподнял одеяло и опустил медальон на грудь Дио. Тот охнул. Кожу обдало ледяной волной, но тупая, давящая боль в сердце, к которой он почти привык уже, вдруг отступила, дав, наконец, вздохнуть свободнее.

— Разрешите? — спросил человек и, не дожидаясь позволения, взял второй стул от стены и тоже сел рядом, опершись о колени и сцепив руки в замок. Он склонился так близко, что Дио понял вдруг: ему неприятен этот взгляд глаза к глазам. Дио попытался приподняться, чтоб отодвинуться дальше, но ослабшие руки не держали вес тела. Покалеченная и перебинтованная ладонь и без того отзывалась болью на малейшее прикосновение. — Я Борис. Борис Холодный, — продолжил мужчина доверительным тоном. — Мое имя едва ли знакомо вам. Когда мы в последний раз выходили на связь, я занимал только первые ступени в иерархии и не был еще даже посвящен. — Человек улыбнулся скупо, будто отдавая дань прошедшему. — С кем имею честь?

— Дио, — ответил Дио, гадая, правильно ли он понял вопрос, и удивляясь, откуда вдруг взялись силы произнести хоть что-то. Еще минуту назад ему было трудно хотя бы дышать.

Человек, назвавшийся Борисом Холодным, кивнул.

— Мы оформили вас как Дмитрия Стукалина. Запомните на всякий случай. — Он бросил быстрый взгляд на дверь и снова уставился на Дио буравчиками темных глаз. — Сейчас закончат с документами, и мы перевезем вас отсюда в более безопасное место, где сможем уже поговорить по душам. По легенде мы забираем вас в областной центр, в частную клинику.

Он поднялся, улыбнувшись и похлопав Дио по руке. Кивнул Шуре и вышел, все так же аккуратно затворив за собой дверь.

— Уходи. — Дио снова попытался приподняться на каталке, и на этот раз это ему удалось. Он сел. Силы вливались в него с невероятной скоростью, и только медальон обжигал кожу нестерпимым холодом, и было трудно игнорировать этот разливающийся по груди студень. Казалось, сама кровь стынет в его жилах, и медленней бежит к самым кончикам пальцев. — Уходи как можно быстрее.

Шура отшатнулась, уставившись недоуменно.

— Ну, знаешь, — она начала закипать, вновь превращаясь в ту девушку, что отчитывала мальчишку под фонарем. Дио просто приложил палец к ее губам, разом заставив замолчать.

— Уходи, — повторил он, отнимая руку. — Эти люди... — Он запнулся, не зная, как объяснить ей, с чем она рискует столкнуться. Как объяснить, чтоб она поняла и поверила. — Эти люди сделали со мной это, — он дотронулся до груди, почувствовав еще один прилив парализующего холода.

Шура побледнела как полотно. Прикрыла ладонью рот, будто сдерживая рвущийся из груди крик. В следующий момент она решительно вскочила.

— Я пойду в милицию, — сказала она, разворачиваясь к дверям, но Дио успел поймать ее за запястье. Потянул на себя, заставив сесть рядом, на краешек каталки.

— Нет, — сказал он, сжимая ее запястье, глазами пожирая ее всю. — Просто уйди и забудь меня, как будто бы не было. Ты не знаешь, с чем связываешься. — Он хотел оттолкнуть ее. Так, как всегда отталкивал женщин, искавших у него тепла и ласки. Он хотел

оттолкнуть ее так, чтоб она ушла, не обернувшись ни разу. И не смог. Момент был упущен. Для него все решилось там, под фонарем, когда она держала его ладонь в своих ладонях. Он еще один, последний раз сжал ее запястье и убрал руку, откинувшись на каталку и отвернувшись к стене.

Она поднялась. Постояла рядом в нерешительности. Дио не смотрел на нее, но всем телом ощущал ее присутствие. Он очень живо представлял себе, как она стоит, покусывая губы и заправляя за ухо непослушную челку. Прикрыв веки, он видел ее как наяву. Наконец, она шагнула к двери. Едва слышно скрипнули петли, а потом дверь захлопнулась с громким стуком.

— Там охрана, и, кажется, они не собираются меня выпускать, — проговорила Шура шепотом, возвращаясь и снова садясь на стул рядом.

Дио посмотрел на нее. Ее губы были решительно сжаты. Она и не думала никуда уходить.

Дверь снова открылась.

— Вижу, силы возвращаются к вам, — сказал Борис, входя. — Чудесно. — Он снова улыбался и, улыбаясь, прошел к Шуре и взял ее за плечо, заставив приподняться со стула. — Идемте, — сказал он. — Сейчас сюда придут санитары, мы будем им мешать.

Шура вскинула испуганный взгляд, обернулась к Дио. Он кивнул ей, стараясь сохранять спокойствие и надеясь, что ни один мускул на его лице не дрогнул. Как бы быстро не возвращались к нему силы, их явно было еще не достаточно, чтоб попытаться сопротивляться схарматам здесь и сейчас. Борис вывел Шуру за дверь, а в комнату зашли двое в зеленой форме. Один снял каталку с тормоза, и они повезли его длинными больничными коридорами. Он смотрел в сторону, замечая, как перешептываются люди, когда его провозят мимо, как останавливается и провожает его взглядами медперсонал. Внезапно пришло понимание, как схарматы нашли его здесь, да еще так быстро. «Они знают, что у меня за сердце. Они все знают», думал Дио, пока его везли к выходу. Шура наверняка тоже знала...

Снаружи их ждала машина, точь в точь похожая на ту, что привезла его сюда. Санитары задвинули каталку внутрь, и Дио приподнялся на локте, осматриваясь.

— А вот и мы! — Все так же жизнерадостно воскликнул Борис, забираясь машину и подавая ладонь Шуре. — Как тут, однако, тесно, — пробормотал он, с трудом втискивая свое крупное тело меж какими ящиками, закрепленными прямо на стене машины, и каталкой. Шура скользнула к противоположному краю. — Мы едем в чудесное место, — продолжил Борис, вновь опершись о колени и сцепив руки в замок. Только теперь он смотрел не на Дио, а на Шуру. — Частная резиденция, бывший пансионат «Оленьи Ручьи». Заповедные места, вы не пожалеете, Шурочка.

Дио слушал, не веря своим ушам. Взревел мотор, они тронулись с места, и Дио опрокинулся на спину. Уставился в низкий, опутанный какими-то проводами свод машины. Легенда о кудесниках из Оленьих ручьев разлетелась вдребезги. То, чему он все-таки верил в самой глубине души, оказалось очередною ложью. У него никогда не было никаких шансов. Что бы он ни делал, он повсюду натыкался на расставленные схарматами ловушки. Хорош бы он был, явившись к «добрым чародеям», как собирался изначально — с оружием, книгами и лекарствами из тайника крыс... Горькая усмешка тронула губы. Борис заметил, перевел взгляд и вдруг подмигнул, глядя прямо в глаза.

— Да, да, да! — воскликнул он. — Вы верно догадались, прямо там, за перевалом «Чертово седло». В войне все средства хороши! — добавил он непонятно и рассмеялся, откинувшись и едва не ударившись головой об угол ящика.

Дио понял уже, что ходит по очень тонкому льду. Здешние схарматы явно принимали его за кого-то другого, за кого-то важного. И Дио мог посыпаться на чем угодно, в любую минуту. Пойти ко дну, потащив за собою и Шуру. Этого он не мог допустить. Дио пообещал себе впредь быть осторожней не только в словах, но и в мыслях. А Борис снова попробовал развлечь Шуру разговором. Дио слушал, подмечая, как ненавязчиво схармат пытается вытащить из девушки информацию о ее родителях, семье, о том, чем она занимается.

Шура отмалчивалась. Отвечала скупо и односложно. Сжав ладони меж коленями, она смотрела вперед, в кабину водителя и дальше — на дорогу. Дио, глядя в полупрозрачное стекло задней двери, угадывал бегущие мимо кроны сосен. Они ехали по лесной дороге, медленно поднимаясь к перевалу Чертово Седло. Разговор, поддерживаемый лишь одной стороной, быстро заглох. Водитель включил музыку, и из

кабины понеслись гитарные переборы, а потом хор голосов запел что-то на неизвестном Дио языке. Песня брала за душу. В ней слышалась древняя, неизбывная тоска. Борис едва слышно замурлыкал себе под нос, а Шура чуть успокоилась, прикрыла глаза, слушая. Дио задремал и проснулся, лишь когда машина притормозила, резко дернувшись.

Он вновь приподнялся на локте и увидел, как медленно опускается пропустивший их шлагбаум и видна часть высоченного, под пять метров, металлического забора.

Машина снова набрала ход и уже через несколько минут остановилась на кольце перед большим, трехэтажным зданием с просторной верандой. Выкрашенное в нежно-бежевый цвет, оно казалось почти игрушечным. Дио смотрел и не мог поверить, что бывают такие дома — будто бы только что возведенные бригадой чудо-строителей. Если то, что Дио успел заметить в родном городе Шуры, еще укладывалось в привычную ему картину мира, то это место казалось чем-то запредельным.

— Ну, наконец-то! — Борис с трудом выбрался из тесной машины и повел плечами, разминая затекшие мышцы. А Дио вдруг понял, что может уже подняться сам. Короткий сон и схарматский медальон на груди окончательно привели его в норму. Он спустил ноги с каталки и осторожно сел, пригибая голову, чтоб не удариться обо что-нибудь. Шура смотрела на него с изумлением.

— Идем, — сказал он тихо, и добавил, — ничего не бойся и ничего не говори.

Они выбрались из машины. Дио почувствовал холодное осеннее солнце на обнаженной коже груди. Но даже оно было теплей, чем медальон у него на шее. Борис смотрел, щурясь от яркого света ясного дня. Выглядел он словно кот, нажравшийся рыбы.

— Идемте, вам надо привести себя в порядок и отдохнуть. Потом мы поговорим. — Развернувшись, он быстро повел их к центральному корпусу. Дио оглянулся на машину, на вышедшего покурить водителя и, кивнув Шуре, направился вслед за Борисом.

— Можем разместить вас в любом номере, — громко вещал тот, поднимаясь по ступеням на веранду, — хотите люкс... или для новобрачных? — Он резко замер вдруг и обернулся, уперев руки в бока. На губах его играла похабная улыбка. — Вас, кстати, как селить? В одном номере?

— В одном, — быстро ответил Дио, боясь, что Шура ослушается его и начнет спорить.

— Люкс, — Шура все-таки не удержалась, вставив свое слово. Дио не уловил разницы, но кивнул, соглашаясь.

Борис вновь подмигнул, и, в два шага преодолев последние ступеньки, распахнул приглашающе двери. Просторный вестибюль с зеленой зоной и мягкой мебелью, установленной там, был пуст.

— Сюда, — Борис прошел мимо длинной стойки, подхватив со щитка за нею один из ключей. — На втором этаже есть очень уютные комнаты. Сам там жил с супругою. — Он снова улыбнулся через плечо.

Они поднялись по лестнице, и Борис отпер одну из дверей.

— Прошу! — он пропустил их вперед, но сам остался стоять на пороге. — Ванная, душ, спальня, бар, холодильник — все в вашем полном распоряжении. В ванной есть банные халаты, чистую одежду принесут чуть попозже. Вам будет, из чего выбрать. Отдыхайте, я загляну к вам вечерком.

И, улыбнувшись, Борис шагнул за порог, закрыв дверь, и унеся ключи с собой. Они стояли, слушая, как пробежало, скатившись по лестнице быстрое токатто шагов и замерло в отдалении.

— Ты во что меня втянул? — обернувшись к Дио, Шура ударила его кулачком по обнаженной груди. — Господи! Во что ты меня втянул?! — Она ударила его снова.

Он стоял, позволяя ей срывать злость. Он слишком хорошо знал, как это бывает. Когда страх захлестывает настолько, что только злость остается единственным убежищем от него. Стоял, пока Шура не расплакалась от осознания собственного бессилья. Тогда он приобнял ее за плечи и усадил на диван, молча целуя взлохмаченные волосы. Она тихо плакала, не замечая, пока не уснула у него на руках, измученная бессонною ночью и тем, что свалилось на нее после. Он отнес ее в кровать и, укрыв одеялом, пошел готовиться к предстоящему разговору.

Глава 20

Одежду принесли, пока он мылся в душе. Мылся долго, с наслаждением, смывая пот, кровь и боль всех минувших дней. Он не жалел горячей воды, выкрутив кран на полную, и все равно никак не мог унять дрожь. Медальон на груди оставался ледяным, ни капли не нагреваясь. Когда Дио пытался хотя бы приподнять его, тут же прихватывало сердце и тупая, тянущая боль разливалась по грудине.

Когда он вышел, наконец, обернув бедра полотенцем и приглаживая мокрые волосы пятерней, а тыльной стороной ладони проводя по гладко выбритой коже подбородка, целое облако пара вырвалось наружу за ним. Дверцы стенных шкафов стояли распахнуты. Внутри появилась одежда, сложенная стопками и развешанная на плечиках. Одежды было гораздо больше, чем нужно. Дио тронул несколько ярких шелковых платьев, представляя, как они будут смотреться на Шуре.

Та спала, свернувшись калачиком и натянув одеяло под самый подбородок. Слезы оставили на ее щеках две грязные дорожки, и Дио осторожно стер их пальцем. Она даже не почувствовала его прикосновения, так глубок был ее сон. Он постоял еще немного, глядя на нее спящую, и принялся одеваться. Пришлось сменить все, даже ботинки. Он в хлам разбил их, пока добивал волка, и те разлезлись уже по швам, а подошва на правом и вовсе треснула.

Дио выбрал практически то же, что и в крысином гнезде на последнем этаже башни Тесака. Все это казалось ему теперь бесконечно далеким, и не верилось, что с того момента не прошло еще даже месяца. Под теплый серый свитер тонкой шерсти он пододел майку-борцовку. Взял джинсы плотной, но не грубой ткани, чтоб защищали, но не сковывали движений. Нашел высокие берцы хорошей кожи с не жесткой подошвой и стальными подносками. Долго и тщательно шнуровал их, подгоняя плотно по ноге. На прикроватной тумбе нашлись даже часы на широком кожаном ремне. Эти часы показывали время, а не зоны возможных сдвигов. Стрелки смотрели на семь часов. Наконец, поднявшись, Дио перебросил на сгиб локтя кожаную куртку и взглянул на себя в зеркало.

На него смотрел незнакомец. Дио увидел в его глазах что-то, чего никогда не замечал там раньше. Вновь пригладил рукой подсохшие, зачесанные назад волосы и, бросив еще один взгляд на Шуру, прошел в гостиную.

Там, развалившись в мягком кожаном кресле и попивая карамельно-коричневый напиток из круглого тонкостенного бокала на короткой ножке, его ждал Борис. Поодаль стояла сервировочная тележка, уставленная закрытой посудой. Низенький столик рядом был накрыт на двоих. Дио бросил куртку на спинку второго кресла и сел в него сам. Он порадовался невольно, что не нужно никуда идти. Оставлять Шуру одну не хотелось.

— Что ваша спутница? — спросил Борис, ставя бокал на подлокотник кресла и подхватывая с блюдца рядом кусочек лимона.

— Очень устала. Спит, — ответил Дио, приподнимая крышки с блюд и накладывая себе первое, что попадется под руку. Есть хотелось страшно, но он пытался сдерживать себя, понимая, что нельзя перегружать желудок. Тем более сейчас, когда ему предстоит такой сложный разговор.

— Оно и к лучшему, — Борис улыбнулся. — Чудесная девушка. Двадцать три года, учитель истории в местной школе. Соискатель, пишет диссертацию по Вагранскому городищу. Не так давно потеряла маму, живет сейчас одна. Частенько ездит к старшей сестре в Екатеринбург. Со своим последним парнем рассталась почти год назад. Как раз, когда у мамы начались проблемы со здоровьем. Её коллега, Константин Завадский, пытается приударить за ней, но вам он не помеха. Александра Викторовна не воспринимает его как мужчину. — Выпалив это все на одном дыхании, Борис вновь поднял бокал и отсалютовал Дио.

Тот сдержанно кивнул, понимая, что схармат тоже успел подготовиться к встрече и только что продемонстрировал ему это.

— Неплохой эмпат, — добавил Борис задумчиво, рассматривая напиток на свет. — Мы давно заметили, кстати. Все эмпаты здесь идут в педагоги, пытаются хоть как-то реализовать данный им магический потенциал. А мы могли бы использовать их с гораздо, гораздо большим толком.

Дио прекратил жевать, почувствовав в сказанном скрытую угрозу. Взял высокий стакан и налил себе минеральной воды из бутылки

темно-зеленого стекла. Принялся пить, глядя на Бориса исподлобья.

— Шучу, шучу! — отмахнулся тот, расхохотавшись. — И не смотрите на меня так. Зная нравы в ваших краях, я начинаю опасаться за собственную жизнь. — В его глазах, вопреки сказанному, не было и тени страха.

— Отправьте ее домой, — сказал Дио, отставляя стакан в сторону. Он понимал, что прокололся, что Борис теперь знает наверняка: Шура ему не безразлична. Понимал, что ничего не добьется силой, и надо просто попросить, пока еще ему хоть как-то идут навстречу. Иначе потом может быть поздно.

— Что так? — Борис удивленно вскинул брови. — Мне казалось, она вам нравится, и вы были б не прочь провести с ней время. Давно ли вы знакомы, кстати? Она так тяжело идет на контакт, а вам почему-то верит...

— Два дня, — ответил Дио. — Это она вызвала скорую.

— Да? — Брови Бориса взлетели еще выше. — А мне говорили, скорую вызвал какой-то мальчик...

— Кто-то ошибся, — Дио пожал плечами и снова принялся за еду.

— Может быть, может быть, — Борис побарабанил пальцами по подлокотнику. — А, впрочем, это не важно, — вдруг отмахнулся он, вновь поднимая бокал. — Так почему вы хотите ее отослать? Здесь есть сауна, бассейн, конные прогулки. Можно чудесно проводить время вдвоем, — и он снова улыбнулся с намеком, подмигнув ему сквозь стекло бокала.

— Она устала, очень испугана и просится домой. Пусть катится, — ответил Дио, беря нож, чтобы разрезать мясо. Нож выглядел настолько странно, что он покрутил его, разглядывая. Заметил, что пауза затянулась, поднял взгляд и увидел, что Борис смотрит с недоверием. — Я успею взять свое, — добавил Дио, чтоб успокоить его и тоже подмигнул.

Борис коротко хохотнул.

— Ладно, это все конечно, прекрасно, но поговорим о деле, — он снова отставил бокал в сторону. Дио понял, что его начинает раздражать эта манера постоянно ерзать. А Борис склонился к Дио, по своему обыкновению опершись о колени и сцепив пальцы в замок. — Чудесная работа, я восхищен. Мы забрали все записи из больницы, поговорили с главврачом. Нельзя, конечно, избежать слухов, но слухи

к делу не подошьешь, — Борис мелко, противно захихикал. Дио снова сдержанно кивнул. Он понял уже, что речь идет о его новом сердце. — Это делал мастер Лек?

— Его подмастерье, — ответил Дио и, заметив, вопросительный взгляд, поспешил добавить, — имя вам ничего не скажет. Это самородок из Мегаполиса.

— Понятно, — Борис скупо улыбнулся. — Секретность. Тайны надо беречь даже от своих. Это печально. Но радует, что растет новая смена. Так значит, арена в Мегаполисе оправдала себя?

— Более чем, — Дио кивнул.

— И сколько энергии аккумулирует машина теперь?

— Вполне достаточно, — Дио улыбнулся скупо, надеясь, что схармат снова поддержит эту «игру в секретность». Больше всего сейчас Дио боялся конкретных вопросов об именах, фактах, цифрах. Борис ответил понимающей улыбкой.

— Ну, вернемся тогда к вашему сердцу, это ведь для нас уже не тайна. Технология отработана? Значит ли ваше появление здесь, что скоро мы сможем иметь бессмертных бойцов и на Терре? Или вы предпочитаете термин «лекан»?

«Я предпочитаю термин «тварь», подумал Дио, но ответил:

— Все равно. — Он снова потянулся за стаканом. Налил еще воды. Пока пил, обдумывал свой ответ. — Технология еще совсем не отработана, — начал он медленно. — Я случайный эксперимент. Мое сердце не могло служить мне больше, и было найдено это, — Дио запнулся, пытаясь подобрать слово точней, — оригинальное решение.

— Но вы ведь здесь! И живы! — В порыве энтузиазма Борис хлопнул себя ладонями по коленям. — Ни один эксперимент по пересылке лекана на Терру не увенчался успехом. Они прибывали сюда мертвее мертвого!

Дио сжал стакан до белых пальцев.

— Я не лекан, — сказал он. — Даже если у меня сердце... — «твари», чуть не сорвалось с языка, но Дио вовремя сумел поправиться, — бессмертного бойца.

— Технические детали и бессмысленный спор о терминологии, — Борис одним движением руки отмел в сторону вопрос, который значил для Дио так много. — Нам нужны здесь бойцы со способностями

леканов. Именно живых леканов, а не мертвых тварей. Те уже продемонстрировали свою непригодность для серьезных задач.

— Вы не понимаете, — сказал Дио, отставляя стакан в сторону и демонстрируя Борису перебинтованную кисть правой руки. — Именно это я и пытаюсь до вас донести. Я уязвим как самый обычный человек, — Дио взял нож, и, не задумываясь, полоснул лезвием по указательному пальцу левой руки. Из неглубокого разреза тут же выступила кровь. — Видите? Раны не затягиваются моментально. — Дио слизнул алую капельку и придавил порез большим пальцем. — Хуже того. Я едва не умер, очутившись здесь.

— Стакан наполовину полон или наполовину пуст, — пробормотал Борис про себя, и Дио бросил невольный взгляд на стакан. — Не берите в голову, — схармат рассмеялся. — Я просто вижу, что вы пессимист. И могу только сказать, что еще пару лет назад у нас не было и того. Прогресс налицо! Это не может не радовать.

Борис поднял свой бокал и протянул его Дио, очевидно ожидая каких-то ответных действий. Времени думать не было. Повинуясь наитию, Дио взял свой стакан с минералкой и аккуратно стукнул краем о край бокала. Хрусталь зазвенел мелодично. Борис одним махом влил все содержимое бокала в себя и закусил полупрозрачным кружком лимона. Дио понял, что сделал все правильно.

— Ну и скажу вам, — в голосе Бориса прорезалась хрипотца, он щелкал пальцами, ища, чем бы еще закусить, и Дио быстро наколол на вилку и подал ему крупную черную ягоду маслины с собственной тарелки. — Благодарю. — Отдышавшись, Борис продолжил, — так вот. Последнее вообще не проблема. Если вы говорите, что арена работает и дает достаточно энергии для генераторов, мы сможем легко перезаряжать амулеты, и снабжать каждого лекана автономным источником питания. Странно, что Лек не додумался до этого сам и не снабдил вас хоть чем-то, направляя сюда. Ну да ладно. — Откинувшись на спинку кресла, Борис окинул Дио оценивающим взглядом, — а какова ваша миссия здесь? Помимо миссии доброго вестника, — и он снова широко улыбнулся.

Дио мысленно прокрутил в голове весь разговор с самого начала и понял, что у него на руках осталась лишь пара не разыгранных карт, одну из которых он не стал бы раскрывать, даже если б его жизни угрожала опасность. Дио знал, что ни за что не будет рассказывать

здесь об Уродах, о заключенном с ними союзе и о том, что показывал ему Март в цехах металлургического завода. А значит, вариантов попросту не было.

— Я работаю с Лабиринтом, — начал он осторожно. — Мы раскопали еще несколько секторов, и это дало серьезное увеличение мощности. У нас был всплеск на грани прорыва, — Дио в точности повторил одну из последних фраз Флегонта, надеясь, что для схармата в ней найдется хоть какой-нибудь смысл.

Смысл был.

Борис подскочил в кресле едва не до потолка. Дио, не ожидавший подобной реакции, отшатнулся невольно.

— Что вы говорите! — глаза схармата возбужденно заблестели. Сам не замечая, он потирал довольно руки. — Значит, мы близки, близки к цели! Скоро Великий Схарм покинет место своего заточения и встанет во главе своих армий!

Дио показалось на секунду, что он видит перед собой Флегонта. Настолько знакомо прозвучало все сказанное. «Эти люди больны», подумал он, искренне понадеявшись, что болезнь не заразна. Борис вскочил, не в силах усидеть на месте. Зашагал из угла в угол просторной комнаты.

— С этого и надо было начинать! Кто открыл для вас переход? Люди от корней Тарна? — Дио молча кивнул, позволив Борису самостоятельно достраивать какие угодно теории. Он очень смутно представлял себе работу лабиринта и предпочел бы не вдаваться в подробности, но Борис уже был захвачен какими-то одному ему понятными перспективами. — Представляете? А мы тут никак не можем отсудить лабиринт у музея! Если б мы начали работу с этой стороны, уверен, нам хватило бы мощностей на прорыв... — Последнее Борис пробормотал себе под нос. Дио понял, что окончательно упустил суть беседы и лучше бы ему дальше молчать. Но диалог уже закончился. Борис крутанулся на каблуках и виновато пожал плечами. — Вынужден вас оставить. Вы принесли очень ценную информацию, требующую немедленных действий. Отдыхайте. Распоряжайтесь охраной и персоналом, чувствуйте себя как дома.

Дио кивнул и поднялся. Уходя, Борис протянул ему руку, и Дио вынужден был пожать его прохладную, суховатую ладонь. Он не провожал его до двери, но дождавшись, пока быстрые шаги

окончательно стихнут, прошел в просторную прихожую и проверил замок. Тот не был заперт, а ключ лежал рядом на тумбочке. Дио понял, что выдержал испытание. Он взял ключ и закрыл дверь изнутри. И лишь после этого позволил себе медленно опуститься на пол. Его трясло. Он осознал вдруг, что в его жизни еще не было разговора сложнее.

Он просидел так какое-то время: вытянув ноги, прикрыв веки и не думая ни о чем — пока не пришел в себя окончательно. Тогда он поднялся и пошел в спальню. Голова просто раскалывалась от боли. Проходя мимо накрытого стола, взял и налил себе на два пальца коньяку, надеясь снять им мигрень. Выпил залпом, закусил маслиной, и открыл дверь в спальню. Стал на пороге, вглядываясь.

Шура притворялась, будто спит. Судя по напряженной позе, она слышала достаточно, чтоб окончательно испугаться. Может быть, она даже слышала, как он сказал Борису: «Я успею взять свое». Мысль эта была неприятна. Он ведь обещал Шуре, что не тронет, и тут же обсуждал ее с другим мужчиной... Он вздохнул глубоко, почувствовав неимоверную тяжесть прошедшего дня, обрушившуюся внезапно на плечи. Бросил взгляд на часы. Светящиеся стрелки указывали полночь. Обойдя кровать, он сел с другой стороны, подальше от сжавшейся в комок девушки. Стянул свитер, оставшись в борцовке, принялся расшнуровывать высокие берцы. Коньяк ударил уже в голову, зашумев в ушах.

— Я договорился, — сказал он негромко, — завтра тебя отвезут домой. Если хочешь есть, в гостиной накрыто, и все еще горячее. Извини, не составлю тебе компанию. Очень хочу спать.

Он уснул, едва коснулся головой подушки, и не видел, как Шура встала и, посмотрев на его осунувшееся, изможденное лицо, тихо убрала со лба рассыпавшиеся пряди волос, пробежалась пальцами по груди, по розовым узелкам шрама, коснулась амулета на серебряной цепочке и тут же отдернула пальцы, охнув от ожегшего их холода. Он только почувствовал, что ему стало чуточку теплее, когда она укрыла его одеялом и коснулась губами прохладного лба.

***

Дио снова стоял у панорамного окна на сорок втором этаже башни, возвышавшейся над логовом Тесака, и смотрел на Город через тонкую грань оконного стекла. Это был его родной город. Умирающий

город. Город, обреченный на гибель. Серые руины заливал свет, много ярче солнечного, и все равно он не в силах был разогнать абсолютную тьму, таящуюся в подвалах, подворотнях, канализационных коллекторах... Она дышала, пульсировала, жила своей жизнью, в самых недрах своих порождая чудовищ. Те разрушали город изнутри и приближали его гибель, как паразиты, множащиеся в открытых ранах.

Сплошная пелена черных туч нависла над полуразрушенными домами, давя те своею массой, и даже взмахи крыльев огромного золотого дракона, парящего под самым небом, не в силах были разогнать их. Дио замер, всем существом своим внимая полету крылатого ящера, почти чувствуя ветер в его крыльях. Тот закладывал вираж за виражом, все ближе и ближе подлетая к зданию, и лишь когда когти на кончиках его верхних конечностей зацепились за крышу, обрушив вниз пласт штукатурки, а хвост обвился вокруг основания, Дио смог осознать истинные размеры исполина. Он отшатнулся невольно. Повернулась гигантская чешуйчатая голова, и на Дио уставились четыре зрачка золотого глаза.

— Великий Орлангур! — прошептал Дио, узнав ожившую легенду, пришедшую к нему из удивительных историй, рассказанных у жарких костров долгими зимними ночами. Он сделал шаг, другой, пока ладонь его не коснулась стекла. Там, за тонкою гранью, трепетало кожистыми крыльями чудо.

— Разберись со своими страхами, Дио. — Голос золотого дракона звучал прямо в его голове и казался неживым и запредельным. — Ты ничего не достигнешь, не переломив себя. Чего ты боишься, Дио? Показаться слабым? Попросить о помощи?

— Да, — ответил Дио, понимая, как бессмысленно отрицать очевидное перед тем, кто явился ему.

— Где твое мужество, Дио? Даже Жженый был смелее тебя.

— Да, — повторил Дио, и слово это отдало привкусом горечи.

— Повернись, наконец, к людям, которых ты так боишься. Доверься хоть раз. Хотя бы кому-нибудь. Нельзя вечно отталкивать от себя всех, если сам боишься остаться один.

— Нет! Неправда! — Дио знал, какой страх был сильнее этого страха. — Я боюсь полюбить их... и потерять.

— Глупости! — драконий хвост ударил раздраженно, и с оглушительным звоном посыпались стекла целых еще окон. — Не

обманывай хотя бы себя. Имей мужество, Дио. Имей мужество взглянуть в глаза своим страхам!

Когтистые лапы пружинисто оттолкнулись от башни, посылая исполинское тело в полет над умирающим Городом. Развернулись, захлопав, огромные кожистые крылья золотого дракона, и нестерпимо яркий свет залил все вокруг, а через секунду раздался громоподобный рык.

***

Дио проснулся, вздрогнув всем телом. За окнами бушевала гроза. Ярко сверкали молнии и раскатисто разливались рулады грома, будто гремели сорванные железные листы крыши. Дождь непрерывно барабанил в стекла. По белым стенам плясали причудливые синие тени — то ветер гнул голые ветви деревьев, обнося с них последнюю золотую листву.

— Губитель! — прошептал Дио, проводя рукой по лицу, снимая остатки сна, и тогда лишь заметил, что на другой его руке, уткнувшись холодным носом ему подмышку, спит, свернувшись калачиком, Шура. Ее дыхание слегка щекотало обнаженную кожу.

Он осторожно повернулся, чтобы видеть ее. Подтянув колени к груди, она пыталась согреться, укрывшись полою своей тонкой демисезонной курточки. Одеяло сбилось и упало куда-то на пол, форточка распахнулась от порывов ветра, и девушка наверняка перекатилась к нему, чтобы согреться. Дио чуть согнул руку в локте, обхватывая ее за плечи, прижимая крепче к себе, чтобы согреть теплом своего тела, а в другой зажал ее тонкие, озябшие пальчики. Она шевельнулась инстинктивно, и тут же успокоилась, задышав ровнее и глубже.

Он закрыл глаза, стараясь не думать о том, как же он ее хочет.

Глава 21

Под утро гроза унялась, а небо прояснилось. Привыкший спать ровно столько, сколько нужно, и вставать без будильника в любое время дня и ночи, Дио проснулся с первыми солнечными лучами, еще только намекавшими на скорый рассвет. В комнате стало заметно прохладнее, и взгляд его сам обратился к девушке. Та лежала уже, опустив голову ему на грудь и обняв руками за плечи. Длинные волосы щекотали ему шею. Вытянувшись струной, она прижималась к нему всем телом. Это было уже выше его сил. Дио осторожно перекатил ее на спину, уложив рядом. Шура застонала, но не проснулась. Он тихонько провел пальцами по ее лицу, чтобы разгладился нахмуренный лоб, чтоб исчезла залегшая меж бровей складочка. Лишь потом он поднялся и, подобрав с пола одеяло, накрыл им спящую девушку. Стоило труда развернуться и выйти из спальни. Не хотелось оставлять ее одну, но он надеялся вернуться раньше, чем она проснется.

У него были большие планы на сегодняшний день, и чтобы суметь реализовать их, он должен был действовать на опережение. Окинув взглядом гостиную, Дио понял, что Шура успела перекусить ночью, и окончательно успокоился. Сон и еда были лучшим из известных ему лекарств.

Хотя все давно уже остыло, Дио принялся завтракать, думая о том, как часто ему приходилось обходиться даже без такой малости как кусок хлеба и кружка кипятка по утрам. Он не стал наедаться досыта, зная, что пока охота не завершена, голод — лучший друг стервятника. «Я — охотник», — снова повторял он, будто вновь оказался в лабиринте и искал выхода наружу. Мысли его постоянно возвращались к увиденному во сне. Воспоминания казались ярче реальности. Великий Орлангур, Дух Познания, столп Третьей Силы, в легендах и сказаниях являлся героям, чтобы наставить тех на истинный путь. Дио и не думал ставить себя в один ряд с теми, о ком рассказывали в древних преданиях, но был уверен, что сон этот приснился ему не случайно. Как бы там ни было, он прекрасно понимал, что его обман не сможет тянуться бесконечно, и пока Борис предоставил ему

относительную свободу и возможность распоряжаться людьми, работающими здесь, нужно было выяснить границы этой свободы и пределы этой власти. Но сначала он должен был отправить Шуру домой.

Уходя, он запер за собой дверь и спрятал ключ в карман новой куртки, еще раз понадеявшись, что Шура не проснется, пока он будет отсутствовать. Он беспрепятственно вышел из здания, хотя на первом этаже, развалившись в мягком кресле, дремал человек в бронежилете и с автоматом. Дио кивнул ему, проходя мимо, и тот спокойно кивнул в ответ. Деревья на улице стояли совсем голые, за ночь листва осыпалась вся, и мокла теперь в широких лужах, оставшихся после ливня. Дио пошел напрямик, радуясь тихо новой, крепкой обуви на ногах. Взгляд его внимательно скользил по сторонам, замечая расположение корпусов, рисуя схему дорожек, фиксируя черные зрачки камер. Санаторий походил на лесопарковые зоны Города, которые контролировались бандой Зверей, и где Дио доводилось иногда бывать в рейдах.

Скоро ему попался большой бетонный стенд, под козырьком которого красовалась детальная карта «Лечебно-оздоровительного комплекса «Оленьи Ручьи». Дио долго стоял, изучая ее, запоминая в мельчайших подробностях. Затем, наметив несколько первоочередных объектов, направился туда. Первым делом он побывал в гараже, договорившись с водителем, чтобы тот отвез Шуру обратно в Город. Тот, очевидно получив уже соответствующие распоряжения, поинтересовался лишь предполагаемым временем выезда. Гараж занимал огромное пространство под землей. Дио не увидел там вчерашней скорой, но пара новеньких легковых автомобилей была припаркована у самого съезда, и мотор одного еще не успел остыть. В самом гараже стояли машины посерьезнее. Дио знал, что останки подобных автомобилей в его родном мире мастера Слова используют для сборки вездеходов.

Потом Дио пошел к КПП. Еще издали увидел забор, огораживавший территорию. Оценил широкую просеку, вырубленную как с той, так и с этой стороны ограды. Деревья стояли достаточно далеко, чтоб никто не мог перебраться через забор ни туда, ни обратно.

Автоматические ворота и шлагбаум охраняли трое мужчин, экипированных чуть получше, чем охранник в вестибюле. Помимо

бронежилетов и автоматов через плечо, Дио заметил хороший боевой нож на поясе каждого. Отметил и то, что охрана облегчила бронежилеты, вынув из них половину пластин. Очевидно, никто из бойцов не думал, что возможно им придется не только отстреливаться от противника за воротами, но и получить удар ножом в спину. Дио запомнил эту потенциальную брешь в защите.

Раздобыв у водителя пачку сигарет и зажигалку, богатство, за которое в его родном Городе могли убить на месте, а здесь — отдали, не задумавшись, Дио предложил бойцам закурить, и никто не согласился, хотя один, судя по чуть желтоватым кончикам пальцев, утолщенным фалангам и округлым ногтям, курил давно и помногу. С дисциплиной у схарматов все было в порядке. Пряча пачку в задний карман брюк, Дио не испытывал досады. Беспрекословное следование правилам не было ни слабостью, ни преимуществом. Этот факт просто следовало принимать в расчет.

Опершись о шлагбаум, Дио курил, не затягиваясь глубоко и выпуская дым без всякого наслаждения, и неспешно беседовал с охранниками. Предупредил, что в десять часов отсюда уедет машина с девушкой, спросил, пропустят ли ее, поинтересовался, как жизнь и вообще. Самый молодой говорил с ним охотно, курильщик слушал, посмеиваясь. Он сразу понял, что Дио не курит, но не заподозрил дурного, а расценил его пачку сигарет как мальчишество и желание выглядеть старше. Это проявилось в том, как совсем не старый еще мужчина лет тридцати, вдруг начал относиться к нему слегка покровительственно. Дио, вовсе не ждавший такого эффекта, сдержанно обрадовался ему. По крайней мере один человек в санатории теперь будет смотреть на него как на смешного, безобидного мальчишку. Но командир поста всем своим поведением дал ясно понять: он внимательно следит за Дио и не допустит никаких поползновений в сторону ворот. Возможно, у этого бойца были какие-то особые указания насчет Дио. Уж больно пристально тот следил за ним, ни на секунду не упуская из виду. И Дио ушел, не докурив сигареты даже до половины. Он выяснил все, что собирался выяснить для начала.

В центральный корпус он возвращался бегом. С удовольствием заметил, что немногие люди, которые уже начали выходить на дорожки, реагировали на него совершенно спокойно. Их нисколько не

смущал его бег. В его родном Городе бегущий человек был символом угрозы. Он либо догонял кого-то, либо убегал, спасая свою жизнь.

Вестибюль центрального корпуса снова был пуст, но когда Дио поднялся на второй этаж, он сразу увидел, что дверь в их номер открывали. Он вынул ключ, досадуя на себя за то, что не предусмотрел очевидного. Конечно же, у замка могло быть несколько ключей... В этом мире всеобщего изобилия ключей у замка могло быть сколько угодно. Дио понял, что если он хочет обустроиться здесь, нужно избавляться от старых привычек, ломать стереотипы мышления и учиться мыслить по-новому. Мыслить так, как мыслят эти люди.

Шагнув за порог, он заметил, что в комнатах прибрано, а стол в гостиной накрыт заново. От спальни доносился шум воды. Он приоткрыл дверь, и увидел, что Шура проснулась уже. Кровать стояла заправленная. С пола исчезли его драные джинсы и разбитые в хлам ботинки. Он сел, и, налив себе чаю, принялся ждать. Есть он пока не планировал. Оставалась еще куча дел, требующая скорости реакций и ясности мысли.

Шура вышла минут через десять. Дио отметил для себя, что девушка не притронулась к принесенной для нее одежде. Она все так же была в своих светлых брюках, тонком свитере и курточке. Сейчас, когда она выспалась и вымыла свои роскошные, чуть вьющиеся волосы, она показалась Дио невероятно притягательной. Он отвернулся, уставился в окно, лишь бы не видеть ее, но все равно ощущал аромат ее волос, слышал, как она села и принялась завтракать. Между ними вновь повисло какое-то отчуждение. При мысли о том, что они расстанутся вот так, Дио чувствовал тупую, ноющую боль за грудиной. Он пытался убедить себя, что так будет лучше для нее, что он думает о ее безопасности, но слова Орлангура, сказанные ночью, не шли у него из головы.

Когда Шура поставила на столик допитую чашку чая, Дио бросил взгляд на часы. Им пора было выходить. Он поднялся.

— Идем, я провожу тебя до машины, — сказал он, и сам почувствовал, как неловко звучит эта фраза после целого утра молчания.

Но эта его демонстративная отстраненность и подчеркнутая холодность сделали свое дело. Она снова смотрела на него как на чужого. Испытывая мрачное удовлетворение, он пошел вперед, не

дожидаясь ее и приостановился лишь когда вышел на дорожку. Обернулся посмотреть. Она неспешно шла за ним, пытаясь хранить достоинство, но высоко вздернутые плечи и руки, спрятанные глубоко в карманы куртки, с головой выдавали всю ее душевную боль. Её ранила его холодность. «Вот так», подумал Дио, вспоминая, как он хотел и не мог оттолкнуть ее там, на больничной койке. Теперь у него все получилось, и ему даже не пришлось кричать или замахиваться на нее.

Дождавшись, он пошел с ней рядом, все так же держась на расстоянии. Чтобы самому не начать прятать руки в карманы, он сцепил их за спиной.

— Слушай меня внимательно, Шура, — начал он, когда они отошли достаточно далеко от здания. — Слушай и запоминай. — Она вскинула на него удивленный взгляд, но он смотрел прямо перед собой. — Сейчас тебя отвезут домой. Дома соберешь вещи и сразу поедешь к старшей сестре. Тебе надо уехать из этого города. По возможности навсегда.

Она задохнулась возмущенно и начала было что-то возражать, но он резко ее перебил.

— Молчи! Молчи и слушай.

Она замолчала послушно, но Дио чувствовал в этом молчании растущую волну возмущения. Он прибавил шагу, надеясь дойти до машины раньше, чем она выплеснет ее. Тогда Шура уедет домой, кипя на него злостью, и невозможность выплеснуть эту злость ожесточит ее окончательно. Дио прекрасно знал, как это работает. Он разбирался в этом как никто другой. Её обида станет смертельной, и она уже никогда его не простит. Все будет кончено.

— Когда приедешь к сестре, попробуй найти кого-нибудь из Ордена Равновесия. Они поклоняются Хедину и Ракоту. Это все, что я о них знаю. Расскажи им все. Ну вот, — он остановился, не дойдя до машины нескольких метров. — Тебя ждут уже. Мне тоже пора идти. Прощай.

Он развернулся и ушел скорым шагом раньше, чем она успела сказать ему хоть что-нибудь. Шел, давя в себе желание оглянуться, еще раз посмотреть на нее. Он знал, Шура стоит там и беспомощно глядит ему вслед. Когда он дошел почти до конца аллеи, услышал, как громко хлопнула дверца машины. Шура действительно уехала, смертельно

обидевшись на него. Дио свернул с тропы. Перешагнул через низкий бордюрчик, едва не запнувшись, и прислонился к ближайшей сосне. Ему было плохо как никогда до этого.

Шура села на заднее сиденье.

Она понимала, что если сесть вперед, водитель будет донимать ее разговорами до самого города. Тот правильно истолковал этот демонстративный жест и включил негромко радио. Покрутил тюнер, переходя со станции на станцию, пока не нашел ретро-волну. Он вел машину уверенно и быстро, но Шура то и дело ловила его брошенные украдкой взгляды в зеркале заднего вида. Когда ей это надоело, она забилась в самый угол кабины и прикрыла глаза, пытаясь вздремнуть. Сон не шел. Она снова и снова прокручивала в голове события последних двух дней. Это было немыслимо. Она чувствовала себя так, словно ею воспользовались, а потом вышвырнули за ненадобностью, даже не сказав «спасибо». Она пропустила работу, получила какое-то нелепое распоряжение убираться из своего родного города, в котором родилась и выросла, и все это решили за нее приказным порядком. Она и представить себе не могла раньше, чтобы кто-нибудь вот так запросто выдернул два дня ее жизни, распорядился ими по своему усмотрению, и продолжал после этого диктовать ей какие-то условия.

— Куда довезти? — едва не в первый раз за всю поездку подал голос водитель, и Шура открыла глаза, посмотрев за окно. Мимо бежали деревянные постройки пригородных районов. Они почти прибыли на место. Шура назвала адрес.

Она жила в большом кирпичном доме дореволюционной постройки. Всего в два этажа, он был невероятно высок благодаря потолкам под три с половиной метра. Последние пол года она с неохотой возвращалась в свою двухкомнатную квартиру на втором этаже дома. Без мамы та казалась пустой и осиротевшей. Поблагодарив водителя, довезшего ее до самого подъезда, она быстро заскочила внутрь, и взбежала на лестничный пролет. Выглянула в окно между первым и вторым этажом. Машина уже уехала, не задержавшись и на минуту. Зато старушки, давно облюбовавшие беседку посреди двора, откуда были прекрасно видны парадные всех трех составлявших двор домов, переговаривались, глядя на ее окна. Шура прикусила губу. Соседи и так выдумывали невесть что из-за ее увлечения Вагранским городищем. Место это со своим знаменитым

лабиринтом считалось едва не проклятым. Эту стоянку древних людей иначе как языческим капищем и не называли. Вздохнув, Шура поднялась оставшийся пролет и открыла дверь.

С порога увидела, что за время ее отсутствия успели выключить свет, и холодильник потек. Охнув, бросила ключи на тумбу под вешалкой, и, как была в кроссовках, побежала устранять последствия аварии. Пока она вынимала продукты, мыла полки и пол, сортировала, сушила и укладывала все обратно, ее злость поугасла. Закончив с холодильником, она поставила чайник и взглянула на часы. «Минус еще один день», подумала Шура с досадой. Дело шло уже к вечеру.

Ожидая, пока закипит чайник, она разулась, наконец, сняла и повесила в прихожей куртку и прошла в свою комнату, проверить, как пережил отключение электричества компьютер. Нажав на клавишу в корпусе, вернулась на кухню, налила себе горячего чая и на скорую руку соорудила бутерброд. За это время машина успела загрузиться.

Шура включила настольную лампу: с каждым днем солнце садилось все раньше и раньше, и света уже не хватало — сдвинула к краю стола книги и журналы, посвященные теме ее диссертационного исследования, и с ногами взобралась на кресло, стоявшее перед компьютером. Ее знобило от нервного перенапряжения. Пришло вдруг осознание того, что с ней произошло, вспомнилось лицо Бориса, его глаза, неприятные и холодные, и Шура вдруг почувствовала невероятное облегчение от того, что все это кончилось, и неважно уже было, как Дио обошелся с ней. Он вытащил ее из этого кошмара, все остальное не имело значения.

Отставив чай в сторону, она выпрямилась в кресле, запустила браузер. В строке поисковика набрала запрос: «Орден Равновесия, Хедин, Ракот». В ней заговорил профессиональный исследователь, историк. Она никогда не слышала этих имен, хотя занималась верованиями и ритуалами древних людей, и могла сказать, кому поклонялись жители края тысячи лет тому назад. Результат поисковой выдачи поставил ее в тупик. Вновь взяв в руки кружку, она принялась читать страницу за страницей, и к ней возвращалось ощущение глупого розыгрыша. Это было настолько нелепо, что просто не укладывалось в голове.

— Бред какой, — пробормотала девушка, открывая очередную ссылку с красочной иллюстрацией в шапке страницы, и вздрогнула,

услышав звонок в дверь.

Гадая, кто бы это мог быть, пошла отпирать. Она никого не ждала. После того, как мама слегла, ее немногочисленные подруги вообще перестали к ней ходить. Она поняла, как мало друзей у нее было на самом деле, и ожесточилась, замкнувшись в себе. Один только Костик, школьный товарищ, а теперь коллега, по-прежнему продолжал общаться с нею, и это вполне мог быть он. Все-таки она отсутствовала двое суток, после того, как Константин оставил ее у музея вдвоем с Данькой, и Шура очень хорошо представляла, что мог рассказать об их ночных приключениях Даня, первый фантазер и выдумщик класса. Наверняка Костик переживал за нее. От этой мысли почему-то стало радостно.

Но когда она открыла дверь, на пороге стоял незнакомый мужчина. В аккуратном деловом костюме, в полупальто, с дорогой кожаной папкой для документов и с внимательным, цепким взглядом красивых ореховых глаз.

— Александра Викторовна? День добрый. Разрешите представиться. Я — следователь областной прокуратуры по особо важным делам, Виктор Иванович Столяров. Вот мое удостоверение, — он подал раскрытую корочку, и Шура смешалась.

Никогда раньше ей не приходилось иметь дело с органами. Она бросила быстрый взгляд на фотографию в удостоверении, и посторонилась, приглашая, «Входите». Повела незваного гостя в свою комнату. Стало вдруг ужасно неудобно перед посторонним мужчиной за беспорядок в доме. Когда мама умерла, Шура все больше времени начала отдавать школе, совсем запустив квартиру и собственную жизнь. Она попыталась быстро убрать какие-то разбросанные вещи, книги, куски ватмана, рассыпанные цветные карандаши. Мужчина мягко остановил ее:

— Александра Викторовна, не беспокойтесь, пожалуйста. Я на минуту и не отниму много времени.

— Хотите чаю? — спросила Шура, смутившись.

— Не откажусь, на улице сыро, — Виктор улыбнулся ей открыто и приветливо. У него была хорошая улыбка.

Шура думала об этом, ополаскивая свою кружку, вынимая из шкафа вторую, раскладывая на тарелке сыр и колбасу в нарезке. Этот человек, говоривший с едва уловимым, приятным акцентом,

располагал к себе. Возможно, это был выработанный годами профессиональный навык, но Шура чувствовала, что могла бы довериться ему. Она поняла уже, что он пришел к ней не для того, чтоб поговорить о ком-то из учеников ее любимого седьмого «б». Было совершенно ясно, он пришел сюда из-за Дио.

Когда она вернулась в комнату, Виктор стоял у компьютера, рассматривая открытую страницу.

— Увлекаетесь? — спросил он, обернувшись к ней.

— Нет, конечно, — Шура снова смутилась. Пожалела, что убрала со стола журнал «Проблемы истории, филологии и культуры». Это смотрелось бы гораздо солиднее, чем фэн-сайт популярного отечественного фантаста. Но Виктор успел уже заметить и это.

— Да, я вижу, что вы больше увлекаетесь историей, но ведь одно другому не мешает? — он снова по-доброму улыбнулся. — Пишете диссертацию по Вагранскому городищу? — продолжил Виктор, разворачивая кресло и присаживаясь в него.

— Да, — ответила Шура, закончив расставлять тарелки и чашки на прикроватном столике. Села на диван, поджав под себя ноги. Снова стало холодно и зябко, несмотря на то, что отопление недавно включили, и батареи уже жарили вовсю.

— Интересный архитектурный памятник, — пробормотал Виктор с какою-то странной интонацией, беря чай и делая первый глоток. — Но я пришел поговорить не о нем. Сейчас меня интересует молодой человек, оформленный в больнице как Дмитрий Николаевич Стукалин. Что вы можете о нем рассказать?

И повинуясь какому-то внезапному порыву, Шура рассказала все, от момента их первой встречи в Екатеринбурге, произошедшей чуть меньше месяца назад, вплоть до последнего слова «прощай!», оброненного так небрежно и походя. Она бросала на Виктора робкие взгляды, пытаясь понять, верит ли он ее бредовой истории, но не могла разглядеть лица. Настольная лампа освещала его со спины, и то оставалось полускрытым в тени. Но он слушал ее очень внимательно, лишь изредка задавая уточняющие вопросы, и Шура скоро успокоилась. Чай в ее руках давно остыл. Она не замечала этого, слепо глядя в пространство и рассуждая сама с собой:

— Сначала он говорит, что эти люди сделали с ним нечто ужасное, а потом полночи разговаривает с Борисом о каких-то

странных вещах. Командует. Дает какие-то нелепые поручения...

— Какие поручения? — спросил Виктор, и Шура поняла, что нечаянно проговорилась. Она не хотела рассказывать Виктору об Ордене Равновесия, Хедине и Ракоте. Это было уже чересчур.

— Велел мне найти Орден Равновесия, последователей Хедина и Ракота, и рассказать им все. Я так понимаю, это кто-то вроде толкиенистов.

— Не совсем, — по губам Виктора пробежала мимолетная усмешка. Он поднялся, прощаясь. — Спасибо вам, Александра Викторовна, за рассказ и за чай. Вы очень нам помогли. У меня остался один, последний вопрос. Не могли бы вы взглянуть на эти снимки и сказать, не знаком ли вам кто-нибудь здесь?

Он вынул из папки и разложил на столе, под включенной лампой десяток черно-белых изображений. Судя по крупному зерну и смазанной картинке, это были снимки с камер наблюдения. Но, несмотря на низкое качество фотографий, Шура сразу узнала Дио. Он смотрел с характерным жестким прищуром, не узнать его было невозможно.

— Вот, — Шура вынула снимок из-под других карточек. — Это Дио.

Одеваясь в прихожей, Виктор добавил:

— И действительно, езжайте к сестре отдохнуть на недельку, а лучше — перебирайтесь туда насовсем. Вам тут пусто и одиноко. Вам надо сменить обстановку... Всего доброго, — прощаясь, он крепко пожал ей руку.

Проводив его, она подошла к окну на кухне и посмотрела во двор. Виктор выскочил из подъезда, разговаривая с кем-то по сотовому. Он очень спешил и шел быстро, почти бегом. Шура спросила себя, почему она вдруг доверилась этому совершенно незнакомому человеку, и отчего все, словно сговорившись, отсылают ее прочь из города.

Глава 22

Если бы Шура оказалась в тот момент рядом с Виктором, агентом Ордена Равновесия на Терре, она услышала бы ответы на все свои вопросы.

Виктор вынул сотовый, едва за ним захлопнулась дверь. Даже то немногое, что сумела рассказать ему девушка, имело огромное значение и требовало немедленных действий. Виктор открыл телефонную книгу и быстро нашел фамилию «Илюшко» в списке абонентов.

— Вениамин? — спросил он, начиная спускаться по лестнице. — Веня, привет. Я на месте. Узнал все. Да, мне даже не пришлось ничего делать. Эта Шура хороший эмпат, она поверила мне сразу. У меня куча новостей и есть очень тревожные.

Выйдя из подъезда, Виктор оглядел темнеющий двор и быстро пошел, перепрыгивая через лужи, оставшиеся после ночного дождя. Старушки, расположившиеся в беседке посреди двора, проводили его внимательными взглядами. Он шел очень быстро, почти бежал. Нужно было успеть вернуться в гостиницу и начать разрабатывать план действий. Виктор чувствовал, что случайный звонок, заставивший его бросить все и лететь в заштатный уральский городишко «смотреть парня с невозможным сердцем», как, смеясь, кричал ему в трубку явно подвыпивший давний приятель, может вылиться в серьезное дело.

— Во-первых, Веня, помнишь уральского гастролера из торгового центра в Екатеринбурге? Да, который с месяц назад появился вдруг в полночь посреди торгового зала на пару с лековым волком, убил тварь, а потом точно так же исчез, только камеры наблюдения его и видели? Ты обещал пробить его по своим каналам. Так вот, это и есть тот самый «парень с невозможным сердцем». Звони, кому ты там отдавал его на разработку, узнавай, что удалось найти, и выходи на связь, у меня еще много всего интересного. Давай.

Виктор прошел меж старых дореволюционных домов, вышел к проезжей части, где стояли уже привычные глазу пятиэтажки, перебежал через дорогу и запрыгнул на ступеньку уходящего автобуса,

в последний момент успев проскочить между дверями. Передав плату за проезд и взявшись за поручень, выбрал первый номер в списке.

— Маргарет, здравствуй, дорогая, — голос его потеплел, на губах появилась улыбка. — Как твои дела? Что больница?

На том конце заговорили. Виктор слушал и становился все мрачнее. Человек, сообщивший ему о «парне с невозможным сердцем» лежал в реанимации, балансируя между жизнью и смертью. Неизвестный на внедорожнике сбил его и, не оказав помощи, скрылся с места происшествия. Если бы не случайные прохожие, человек этот был бы уже мертв. Судя по показаниям очевидцев, произошло это едва не сразу после того, как тот позвонил Виктору. Больше с Маргарет никто из персонала больницы разговаривать не захотел, хотя кое-что смогли рассказать пациенты. С их слов удалось составить примерную картину произошедшего, но никаких документов, кроме выписки пациента Дмитрия Стукалина в частную клинику Екатеринбурга, найти не удалось.

— Я понял, тебя, родная, — ответил Виктор, когда жена замолчала. — Бросай все, езжай в гостиницу. Я знаю, куда его увезли. Надо собирать команду. Будет дело. Давай.

Как только он дал отбой, телефон зазвонил снова. «Илюшко», горело имя входящего абонента.

— Да, Веня, — ответил Виктор, выходя на своей остановке и направляясь к зданию гостиницы, спрятавшейся в глубине городского парка. — Часа через пол? Хорошо. Тогда слушай дальше. «Парня с невозможным сердцем» зовут Дио. Да. Дио. Согласен. Имя необычное даже для Аррета. Очень интересный персонаж. Носит звезду Хаоса. Девушка говорит, без этой звезды загибался, за малым не отправился на тот свет, а как только надел, исцелился чудесным образом. На груди у него шрам. Совсем свежий. След операции на сердце. Вызванная на сердечный приступ скорая ЭКГ ему делать не стала. Врач побоялась, посчитала, что у него там кардиопротез. Да. Кардиопротез, потому что сердце не билось, а издавало такой характерный шум. Как работающий насос. Его повезли на эхокардиограмму, и вот тут началось самое интересное. Здравствуйте, — Виктор вошел в здание и забрал ключи от номера на стойке регистрации. Не дожидаясь лифта, принялся подниматься на третий этаж. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь слышал телефонный разговор. По городу и без того ползли слухи. —

Судя по тому, что удалось узнать Маргарет, у него сердце лекана. Да. Нет. Весь медперсонал запуган. — Виктор не стал упоминать о сбитом враче-реаниматологе. Не хотелось нагружать коллег еще и этим. Открыл дверь в номер, бросил ключ на холодильник и прошел в комнату. Вынул из раскрытого чемодана, оставленного прямо на полу рядом с кроватью, карту и расстелил ее на столе. — Можешь представить, что творилось поначалу в больнице. Потом прибыли хаоситы. Забрали парня, забрали девушку, вызвавшую скорую. Увезли их в Оленьи Ручьи. Девушку продержали сутки, потом отпустили, а парень все еще там. Слушай дальше. С этим Дио говорил Борис. Да, тот самый, Борис Холодный. Знаю. Так вот. Они обсуждали возможность переброски сюда лековых тварей. Да, да, сюда на Терру, ты правильно понял. Представляешь себе с пол сотни леканов на улицах Северо-Каменска? Говорили о каком-то генераторе, подзаряжающем амулеты. Нет. Впервые слышу. И я так понял, что они открыли лабиринт. Нет, не здесь. Там, на Аррете. Да, катастрофа. Да. Ты читаешь мои мысли. Надо собирать ударную группу и выяснять все на месте. Но даже это еще не самое интересное. Этот Дио добился того, чтоб девушку отпустили домой, велел ей найти Орден Равновесия, а самой — убираться из города. Ты что-нибудь понимаешь? Вот и я нет. Нет. Он не из Горного Убежища, я там знаю всех. Он с Аррета, это точно. Но вот что странно. По-русски он говорит без акцента и вообще, похоже, чувствует себя здесь, как дома. Да. Да. Звони своему криминалисту. Жду.

Не выпуская телефона из рук, Виктор вернулся в тамбур, открыл холодильник и достал бутылку минеральной воды. В этот момент в коридоре послышался цокот каблучков. Виктор узнал походку жены и, поставив бутылку на тумбочку, открыл дверь. Маргарита, смуглокожая южанка с черными вьющимися волосами, вошла, стряхивая воду с зонта.

— Опять дождь? — спросил Виктор, забирая зонт и целуя жену.

— Уже кончился, — ответила Маргарет, снимая туфли. — Фу! Такая нездоровая... атмосфера в этой больнице. — Она говорила с сильным акцентом и делала долгие паузы, подбирая слова.

— В больницах всегда нездоровая атмосфера, — Виктор улыбнулся, помогая жене снять плащ. Снова раздался звонок. — Извини, это Веня, он должен был пробить нашего «парня с

невозможным сердцем» по милицейским базам. — Маргарет кивнула и направилась в ванную комнату, а Виктор раскрыл зонт, ставя его сушиться, и приложил трубку к уху, — Да? Что сказал твой эксперт? Наш? И кто? Какой еще Дима Волков? Что?! Да. Да. Хорошо. Давай.

Виктор сбросил звонок и еще минуту смотрел на телефон в своих руках. Лицо его посерело, уголки губ опустились. Взгляд блуждал с предмета на предмет, пока не наткнулся на бутылку минеральной воды. Виктор взял и налил полный стакан. Выпил залпом. Из ванной комнаты вышла, промокая лицо полотенцем, Маргарет. На черных, распушившихся от влажности волосах ярко блестели капли воды. Увидев лицо мужа, она вопросительно вскинула брови.

— Представляешь? — он взвесил телефон в руке и бросил его на диван. — Этот «парень с невозможным сердцем» — Дима Волков.

— Какой Дима Волков? — Маргарет подошла ближе, положила руку на плечо, с тревогой заглядывая в глаза.

— Сын Алексея и Надежды Волковых. Без вести пропавший почти тринадцать лет тому назад. Его тогда подали в розыск, и Венькин эксперт поднял это забытое дело и реконструировал внешность парня, как он должен был бы выглядеть сейчас. Совпадение с фото — девяносто семь процентов. — Виктор помолчал и добавил, — я работал с его родителями в одной команде в Екатеринбурге всего за несколько дней до их гибели. Если б меня не вызвали на Кавказ, я бы тоже погиб тогда.

Узкая, смуглая ладонь Маргарет прошлась по волосам мужа.

— Надо выручать парня, Виктор.

— Да, — Виктор встряхнулся, — надо выручать.

К вечеру, когда снова начал накрапывать дождь, Дио знал уже территорию санатория как свои пять пальцев. Успел хотя бы мельком познакомиться с обслуживающим персоналом, выяснил, сколько примерно человек находится на базе постоянно, сколько работает посменно, и когда меняются эти смены. У Дио не было пока конкретного плана. Он просто разрабатывал объект, надеясь, что когда данных будет достаточно, он сможет действовать исходя из них. Он, конечно, представлял себе в общих чертах, что он хочет сделать, но пока не решил еще, как. Его терзали сомнения в правильности выбранного пути. Все началось с вернувшегося из города водителя. Дио зашел к нему, узнать, благополучно ли Шура добралась до места,

и был неприятно поражен неласковым приемом. Человек, еще утром относившийся к нему с благодушной доброжелательностью, угостивший целою пачкой сигарет, теперь даже не скрывал, что Дио ему неприятен. Разговор пришлось заканчивать, едва начав. Шагая по тропинке от гаража, Дио гадал, что могло вызвать такие внезапные перемены, и находил только один ответ — Шура. Водителю не понравилось то, как Дио обошелся девушкой. Ему было не все равно.

Это разительно отличалось от того, к чему привык Дио. В его мире людям не было дела до чужих проблем. Любой мог равнодушно пройти мимо умирающего, и даже не обернуться на крики о помощи. Наоборот, мог добить, чтоб обобрать не остывшее еще тело. Только члены одной банды помогали друг другу, потому что иначе им было просто не выжить на улицах Города, но даже внутри банд шла постоянная грызня за власть и ресурсы, и каждый жил, ожидая внезапного удара в спину.

Для этого человека Шура была никем. Он видел ее в первый и последний раз в жизни, и все-таки ему было не все равно. Осознав это, Дио начал пристальней вглядываться в лица людей, и то, что поначалу казалось ему беспечностью, теперь открывалось в истинном свете. Двух слов было достаточно, чтобы понять: очень многие здесь готовы были бескорыстно откликнуться на призыв о помощи совершенно незнакомого человека. Это все усложняло. Шагая к корпусу под мелким моросящим дождем, он думал об этом до головной боли. Многие люди работали здесь, в центральной резиденции слуг Великого Схарма, вовсе не представляя, чем занимаются хаоситы. Они просто убирали территорию, заботились о лошадях или возили в город обиженных девушек...

Выйдя на центральную аллею, Дио вскинул взгляд, и увидел, что в окнах его номера горит свет, а по стенам колышутся тени. Дио тяжко вздохнул и прибавил шагу. Его ждали. Он готовился к этому, но все равно не смог сдержать досады. Ему нужно было еще немного времени, чтобы принять окончательное решение. Он все еще не был уверен.

Когда Дио распахнул дверь в номер, Борис вышагивал туда-сюда, проявляя явное нетерпение, но, увидев Дио, он не сказал ни слова в упрек и даже не поинтересовался, где тот провел почти целый день. Впрочем, Дио не сомневался. Схарматы были в курсе всех его

перемещений. Число камер на территории пансионата не поддавалось счету. Дио не исключал, что камеры видео-наблюдения имелись и здесь. Именно поэтому он говорил с Шурой по дороге к машине, а не в номере.

— Ну, наконец-то! — воскликнул Борис, наигранным жестом распахивая руки, — я уж заждался. Что-то вы рано отправили домой свою красавицу. Успели взять свое? — и масляно подмигнув, схармат хохотнул.

— Успел, — ответил Дио, снимая и бросая на вешалку мокрую куртку. Прошел прямо в берцах по белому ковролину туда, где на маленьком столике уже был сервирован ужин. Дио не собирался разуваться ни при каких обстоятельствах. Он понимал, время, отведенное ему удачей, кончилось, и теперь он должен быть постоянно начеку.

Борис с какою-то болью во взгляде проследил цепочку грязных следов, но не сказал и слова. Дио сел в кресло, налил себе полную чашку чая, плеснул туда коньяку. Он продрог за день. Ему нужно было согреться и подкрепиться. Он чувствовал, что совсем скоро ему понадобятся все его силы, сколько их есть.

— Вот это я понимаю! — Борис уселся в кресло напротив и налил себе коньяку.

Почти спрятав круглый бокал в ладони, качнул его и втянул ноздрями запах. Дио еще глотнул чаю и соорудил себе бутерброд с тонко нарезанным, розовым мясом. Пришлось бросить на хлеб сразу несколько кусков, чтобы почувствовать хоть какое-то насыщение. Борис пришел не просто так, это было очевидно, но схармат не спешил приступать к делу, и Дио не торопил его, пользуясь шансом восстановить силы.

— Вы сообщили вчера настолько важные новости, что я помчался отдавать срочные распоряжения, даже не спросив вас, какова цель вашего визита сюда, и чем я могу вам помочь, — Борис, наконец, закончил паясничать и, не спуская глаз с Дио, хлопнул коньяк одним махом. Отставил бокал в сторону и оперся о колени, сцепив пальцы в замок. Дио спокойно пил чай вприкуску с бутербродом, ожидая продолжения. Склонный к рисовке и красивым жестам, Борис явно разыгрывал какой-то ему одному известный сценарий разговора. Дио

не мешал ему. — Вы, впрочем, развили такую бурную деятельность, что похоже моя помощь вовсе не нужна вам. Много узнали?

Дио неопределенно пожал плечами. Дожевал бутерброд и вытер руки бумажной салфеткой. Тронул бок чайника, и налил себе еще кипятка.

— Когда собираетесь обратно? Нужно подготовить переход, для этого нужна уйма времени и людей. Видите ли, дело в том, что попасть сюда гораздо проще, чем выйти отсюда. Терра неохотно отпускает своих пленников. А ваше время ограничено. — Схармат замолчал, улыбаясь и явно ожидая ответной реакции Дио. Тот не стал подыгрывать ему. Цедил чай маленькими глотками и ждал продолжения. Борис не сумел выдержать паузу. — Видите ли, я забыл вам сказать, срок действия амулета не бесконечен. Он подпитывает ваше сердце, теряя энергию, и новой ему взять неоткуда. День, два, и заряд закончится. Этот мир не приемлет магию и высасывает ее с чудовищной силой. Именно поэтому нам так тяжело работать здесь. Приходится играть с людишками на равных. Пользоваться их технологиями, чтобы творить простейшие вещи. Любой процесс становится чрезвычайно сложен и ресурсозатратен... Впрочем, я увлекся. У кого, что болит, знаете ли. Так что же вы будете делать, Дио? Ваше время кончается.

Борис откинулся в кресле, и Дио понял, что не услышит больше ничего нового. Это был сигнал, «я закончил говорить», который Дио заметил еще прошлым вечером. Пора было действовать. И Дио выплеснул чашку с кипятком прямо в лицо схармату.

Борис закричал, закрыв лицо руками, а Дио схватил со стола нож. Как бы странно ни выглядел этот нож, его хватило б на то, чтобы убить хаосита. Не зря накануне Дио резал им палец. Сграбастав Бориса за шкирку, Дио рванул его на себя, выдергивая из кресла, и развернул как раз вовремя, чтобы успеть приставить нож к горлу раньше, чем комната наполнилась вооруженными людьми.

— Стоять! — крикнул он, за волосы оттягивая голову схармата назад, и слегка надрезая лезвием кожу на шее.

Никогда раньше Дио не слышал, чтобы взрослый, крупный мужчина верещал так. Но это подействовало даже лучше, чем его окрик. Бойцы, прятавшиеся в спальне и коридоре, замерли в нерешительности. Огромная туша Бориса позволяла с легкостью

использовать его как щит, а люди, служившие здесь в охране, не так уж часто видели настоящий бой, и уж тем более не готовы были стрелять, рискуя задеть заложника. Дождавшись, пока стихнет панический визг, Дио тихо продолжил:

— Всем выйти из номера.

Никто не стронулся с места, зато в следующую минуту Дио почувствовал, как стальной обруч охватывает его грудь, и кровь начинает шуметь в ушах. «Нет!», мысленно закричал Дио, выпуская нож из слабеющих пальцев. Он надеялся, что у него оставалось еще хоть сколько-то времени. Нож упал, звякнув о край стола, вслед за ним, рухнул, громя тарелки, Борис. Ватные колени не выдержали веса грузного тела. На карачках тот пополз в сторону. А Дио отшатнулся к стене, оперся о нее, чтоб не упасть. Согнулся, пытаясь втянуть воздух сквозь намертво стиснутые зубы.

— Как давно я хотел это сделать!

Дио вскинулся, услышав знакомый голос. Из вестибюля в номер вошел Флегонт. В своих длинных балахонистых одеждах он выглядел здесь совершенно нелепо. В руках он держал колбу с сердцем Дио. Не в силах пошевелиться, хрипя от удушья и чувствуя, что вот-вот потеряет сознание от дикой, разрывающей грудь боли, Дио смотрел, как схармат стоит, улыбаясь, в дверях.

— Великий Схарм! Мне кажется, я хотел это сделать с тех самых пор, как попробовал впервые. — Дио почувствовал, что стена не держит его больше. Он медленно съезжал на пол. — Но знаешь? Меня что-то останавливало. — Флегонт шагнул за порог, чтобы видеть глаза Дио, потому что тот уже завалился на бок и опрокинулся на спину. Губы его посинели. — В глубине души я боялся, что ты — Губитель. Очень страшно выступать против таких могущественных сил. Но сейчас, когда я знаю твое настоящее имя, Дмитрий Алексеевич Волков, все становится намного, намного проще.

— Не увлекайтесь, — голос Бориса донесся будто издалека. — Он все еще нужен нам живым.

Глава 23

Он стоял под раскачивающимся фонарем и смотрел, как заметает, стеля поземкой, метелица. Пятно света плясало, и кружащиеся в вихре снежинки то пропадали, то вновь появлялись из мрака. Пушистый снег ложился высокими сугробами, налипал на ресницы. Дима подумал, что пока мама придет забрать его из школы, он и сам заледенеет и превратится в сугроб. Тогда она сможет опрокинуть его на бок и так докатить до дома. В их новой квартире будет жить снеговик. Его будут звать Дио. Мальчик улыбнулся своим мыслям. Но мороз действительно крепчал, и, стоя на месте, мальчик замерзал все сильнее и уже не чувствовал ног. Он оглянулся на окна школы, но ни в одном из них давно не горел свет, а мама все не шла... И тогда он принял самостоятельное решение. Отец давно говорил ему, что он достаточно взрослый, чтоб принимать самостоятельные решения, вот он и принял. Взвесив все за и против, он решил идти домой один. Дорога была неблизкой, но он ходил по ней дважды в день шесть дней в неделю вот уже полгода и не боялся заблудиться. Мама до сих пор встречала его потому лишь, что идти приходилось через стройку, где часто ошивались какие-то «темные личности». Но в такую погоду все темные личности давно сидели дома, за чашкой горячего чая с малиной, и только Дима мерз здесь как последний дурак.

Приняв решение, он зашагал по заметенной снегом тропинке. Мимо забора, по бетонной плите, перекинутой через овражек, вдоль двутавровой балки, мимо кучи ржавых арматурин... Он прошел едва четверть дороги, когда впереди, приглушенный завыванием ветра и плотной стеной падающего снега, раздался женский крик. Дима замер. Кричала мама. Это было настолько невероятно, что какую-то долю секунды он просто стоял, не в силах поверить происходящему, но когда крик повторился, он сорвался с места и побежал. Ранец бил его по спине. Не останавливаясь, он выпутался из ремней, сбросив ношу куда-то в снег. Бежать сразу стало легче. Но крик больше не повторялся. Он замер, озираясь растерянно. Во все стороны, одинаковой, сплошною белой стеной валил снег. Зная, что в сугробах могут прятаться глубокие ямы, Дима стоял, боясь стронуться с места.

Но время шло, и вокруг было тихо, и от воя ветра в этой давящей на уши тишине становилось еще страшнее.

Дима вновь побежал. Петляя как заяц, без толка и смысла, пока не устал и не взопрел так, что пот начал заливать глаза. Он остановился, уперся руками в колени, пытаясь отдышаться. Снял и бросил варежки в снег. Когда он распрямился, то увидел, наконец, то, что искал.

Он стоял на краю глубокого котлована, и под ним в самом центре его, распласталась, беспомощно раскинув руки, маленькая черная фигурка. Дима закричал, и люди, стоявшие вокруг его мамы, повернулись, посмотрев на него. Он ринулся вниз, спотыкаясь и чуть не падая на осыпи. Колени ударялись о мерзлые комья земли, но он вставал и несся дальше, не замечая ссадин. Кто-то кинулся ему наперерез, и, схватив за рукав, опрокинул наземь. наступив коленом меж лопаток, вдавив лицом в снег. Рот наполнился талой водой. Чьи-то руки ловили кисти, выворачивая их из суставов, и кто-то кричал: «Кончай! Кончай сучонка!». Дима набрал в легкие побольше воздуха, а потом выдохнул, подтягивая колени к груди и перекатываясь набок. Ему удалось сбросить человека в снег. Он вскочил было и побежал, когда чья-то ладонь сграбастала его лодыжку, потянув на себя. Развернувшись, он шлепнулся на задницу и, что было сил, саданул человека ногою в лицо. Тот закричал, схватившись за нос, и Дима увидел кровь между его пальцами. Второй, схватив за плечо, уже тянул Диму вверх, заставляя подняться, мелькнул у самого лица нож, и, вскрикнув, мальчик рванулся и ударил ладонью, отводя нож в сторону. Замерзшие пальцы разжались, не удержав рукояти. Человек взвыл и, упав на колени, бросился разгребать ладонями снег, в глубине которого бесследно пропало его оружие, а Дима остался один на один с третьим. Тот стоял, не пытаясь напасть. Просто стоял, усмехаясь, между Димой и его мамой.

Мальчик плохо запомнил, что было дальше. Все это казалось ему дурным сном, и он смотрел на происходящее отстраненно, надеясь, что он скоро проснется. Снег пошел вверх, поднимаясь от земли сплошной стеной, снежные вихри закручивались спиралью, устремляясь в небо. Как сердце циклона, росла и ширилась буря, пока не превратилась в опрокинутый смерч. Страшно кричали люди, но еще страшнее было смотреть на тело, распростертое всего в нескольких шагах перед ним. Он закрыл глаза.

Когда он открыл их, снег тихо падал на едва припорошенную землю. Он стоял на дне огромного котлована, и вокруг было пусто. Рядом лежал, поблескивая сталью, нож. Дио взял его себе.

Теперь его звали Дио. И он знал, что остался в этом мире совсем один.

Снег сменился дождем. Крупные капли забарабанили по смерзшейся земле. Дио окинул взглядом стены котлована и, зажав нож в кулаке, принялся выбираться наружу. Дождь шел все сильней, и земля под ногами оплывала, стягивая его все глубже и глубже в яму. Когда он посмотрел наверх, чтоб оценить оставшиеся до края метры, то увидел лишь черные сужающиеся стены колодца и бледную точку света где-то очень высоко над головой. Оттуда доносились приглушенные расстоянием голоса.

— Да, это был как удар грома. Я ведь почти поверил, что он действительно посланник с Аррета, прибывший с поручением от Лека. Но когда я пожал ему руку... — Звуки стали четче, И Дио узнал, наконец, Бориса. — Знаете, рукопожатие, это очень индивидуально. Пожимая руку человеку можно понять о нем многое, если не все.

— И что же вы поняли? — Голос Флегонта был полон скепсиса.

— Он пожимает руку точно так, как его отец. Оставалось только вспомнить, у кого я встречал уже такое пожатие. Ну а потом появились вы, подтвердим мои худшие опасения. — Борис оставался по обыкновению самодоволен.

— Вы знали его отца? — Флегонт заинтересовался.

— Не долго, — Борис хмыкнул. — Это была одна из самых крупных операций против Ордена здесь, на Терре. Мы уничтожили свыше тридцати последователей Равновесия всего за одну ночь. Но наш триумф был омрачен этой жуткой историей с котлованом... Теперь-то мне ясно, что произошло там в ту ночь, но тогда ходили кошмарные слухи. Если этот парень умеет вызывать сдвиг...

— Он сам по себе сдвиг, — пробормотал Флегонт. — Ходячая аномалия. Март правильно сделал, когда послал его в лабиринт. Этот лекан непозволительно умен. Мы записали такое... Нам нужны ваши машины, чтоб обработать полученные данные. Если удастся вскрыть механизм процесса, возможно, мы научимся управлять им или даже создавать его самостоятельно, не пользуясь никакими...

Флегонт запнулся, подыскивая подходящее слово, и Борис услужливо подсказал:

— Посредниками.

Они говорили еще о чем-то, а Дио медленно приходил в себя. Возвращался к себе, осознавая и заново переосмысливая всю свою жизнь. Многое теперь виделось ему иначе, став понятней и проще. Многое оставалось неясным. Но это было начало большого нового пути... И он собирался пройти его весь. Дио смотрел на свет, стоя на дне глубокого колодца, и маленькое тусклое пятно становилось ярче и больше, приближаясь к нему силою его воли, пока Дио не вынырнул из глубокого забытья, окончательно придя в сознание.

— Ну, наконец-то! — Скрипнула кожа, раздались шаги, и на лицо Дио упала тень. Борис склонился над ним, заглядывая в глаза. Половина его лица была пунцовой.

— Жженый, — прошептал Дио, улыбнувшись. Стало смешно, и его тело затряслось в конвульсиях. Каждое движение приносило невероятную боль, но Дио никак не мог остановиться.

— Вот и говорите потом, что я переборщил. — Флегонт не спешил подниматься и подходить ближе. — Осторожнее с ним. Он бешеный.

— Да уж, — Борис тронул пальцами ожог. — Признаться, когда вы предупреждали меня в первый раз, я посчитал, что вы преувеличиваете.

Совладав, наконец, с собой, Дио повернул голову.

Он лежал на кушетке полуголый, провода датчиков тянулись к его обнаженной груди, приборы снимали какие-то показания.

— Сколько времени могут занять исследования? — Флегонт явно чувствовал себя здесь неуютно. Ему не терпелось вернуться домой. Каждый лишний день здесь означал ослабление его позиций там. Завистники не спали и строили козни, а Лек был далеко.

— Зависит от того, насколько произвольны его способности, — Борис отошел к приборам. — Если мы хотим фиксировать его состояние в момент сдвига, нужно не только заставить его вызвать сдвиг, но и суметь прекратить его. Иначе здесь камня на камне не останется, а лабиринт нам, к сожалению, пока недоступен. Ну и необходимо специальное оборудование. Наша лаборатория здесь оснащена не в полной мере.

— Март, кажется, говорил, что он безопасен, когда помещение экранировано, — голос Флегонта звучал неуверенно.

— Да? — Борис обернулся заинтересованно, — надо будет озаботиться. Вот уж не думал, что нам понадобится помещение, защищенное от магии, в мире, лишенном магии.

— Я не берусь судить, как это работает. Лучше всего проанализировать записи, привезенные мной. Уверен, там есть ответы на все вопросы.

— Как скажете. — Борис пожал плечами. — Я и сам не сторонник поспешных выводов.

Дио лежал, гадая, как долго эти двое собираются разговаривать, и как скоро они заткнутся. Его уже начал раздражать этот бесконечный диалог. Он мешал ему сосредоточиться. Его обездвижили самым простым из доступных способов — просто сняли с груди звезду хаоса, разом лишив его полуживое сердце источника энергии. Он чувствовал себя точно так, как во время того, первого приступа под фонарем. Выстоять тогда ему помогла Шура. Но теперь он точно знал, что происходит, и мог найти в себе силы преодолеть страх и попытаться бороться с этим самостоятельно. Он знал, ему достанет воли и упорства справиться с этим. Пытаясь игнорировать тупую боль в груди и затрудненное дыхание, он начал проверять степени своей свободы. Его тело не было закреплено ремнями. Он должен был понять, сможет ли встать и драться, когда это понадобится.

Весь вечер вплоть до глубокой ночи Шура не находила себе места.

Она пробовала заняться уборкой, но все валилось из рук. Села за книги, но не могла прочитать и строчки. Снова и снова она прокручивала в голове беседу со следователем, и ей казалось, что она была не достаточно убедительна. Дио грозила опасность. Шура чувствовала это так же, как холод осенней ночи, одиночество и страх. Она привыкла доверять своим чувствам. Те не обманывали ее никогда. В конце концов, она решилась позвонить следователю, поговорить с ним еще раз, может быть сказать, что она вспомнила нечто важное, договориться о встрече, и когда он придет снова, попытаться убедить его предпринять немедленные действия. Он ведь так и не сказал ей, что собирается делать. Но когда Шура подумала о телефоне, она вспомнила, что Виктор не оставил ей своего номера. Это уже показалось странным. По книгам и сериалам она помнила, как ритуал:

следователь всегда оставляет свои контакты свидетелям. Может быть, это был киношный шаблон, но Шура почувствовала нарастающую тревогу. С чего она вообще взяла, что Виктор — тот, за кого себя выдает? Она видела его удостоверение мельком, и даже если бы она брала его в руки, сегодня любую корочку можно купить в переходе, и только специалист отличит настоящую от подделки.

Шура вновь подсела к столу. Открыла сайт областной прокуратуры. Пришлось побродить по страницам, пока не нашла нужную. Но увидев имя «Столяров Виктор Иванович» в списке сотрудников, Шура сразу успокоилась. Человек забыл оставить ей номер телефона. С кем не бывает. А может быть, не посчитал нужным, не принял всерьез её действительно странный рассказ. Решил, что она чересчур увлекается фэнтези. Но тогда она просто обязана позвонить ему сама. Шура щелкнула по ссылке, открывая страницу.

С фотографии на нее смотрел совсем другой человек.

Не поджарый темноволосый красавец с удивительного оттенка ореховыми глазами, облаченный в аккуратный костюм, а лысоватый амбал с бычьей шеей, тяжелым взглядом из-под массивных надбровных дуг и в слегка помятой форме.

Шура выбежала в прихожую, вынула из кармана куртки сотовый. «Ни одного звонка за два дня», мелькнула горькая мысль, но она заставила себя не думать об этом. Открыла контакты и набрала номер.

— Костик? — На том конце ей ответили заспанным голосом. Только теперь Шура вспомнила, что на дворе уже давно полночь. Но отступать было поздно. — Костик. Мне очень нужна твоя помощь. Да, я знаю, что уже поздно. Это очень срочно и важно. Мне нужно, чтоб ты отвез меня в одно место. Нет, до утра не подождет. — Шура замолчала, слушая трубку. Брови ее сходились к переносице. Она устало оперлась об этажерку, потерла пальцами лоб. Наконец, не выдержала и сказала то, чего всеми силами старалась избежать последние два года. — Костик, если ты меня любишь.

Трубка замолчала надолго, а потом ответила коротко: «еду».

Шура вздохнула устало и принялась собираться. Она оделась теплее и в темное, зачесала волосы в хвост. Прошлась по комнатам, но не нашлась, что бы ей с собой взять. Она возвращалась обратно, повинуясь внезапному порыву, и не представляла, что могло бы ей там понадобиться. Она пыталась мыслить логически, но все ее идеи

казались ей невероятно глупыми. Она открыла кухонный стол и посмотрела на ножи для разделки мяса. Ей не хотелось даже брать их в руки. Прошла в ванную и покрутила в руках кусок бельевой веревки. Смотала его в кольцо и сунула в карман, хотя даже не представляла, зачем бы он мог ей пригодиться. Наконец, вспомнила о перцовом баллончике, который купила после того случая на стройке в Екатеринбурге. С трудом нашла его и взвесила в руке. Теперь у нее было хоть какое-то оружие, которое она не побоялась бы пустить в ход. На душе сразу стало немного спокойнее. В кармане куртки зазвонил телефон. Это был Костик. Шура еще раз оглядела с порога квартиру, погасила свет и, заперев за собой дверь, бегом побежала по лестнице. У нее было странное ощущение, что она не вернется сюда больше. Почему-то от этой мысли ей становилось несколько легче.

Костик ждал ее, сидя в седле своего скутера и держа на коленях второй шлем. Шура почувствовала себя ужасно неловко, увидев его. Костик был ее старым школьным товарищем, и они прекрасно дружили, пока он вдруг не решил приударить за ней. Дружба рухнула в одночасье. Нет, они продолжали часто и много общаться: сначала по учебе, потом по работе — но Шура чувствовала всю фальшь этих отношений. Она знала: Костик не ее парень и никогда им не станет. И сейчас она поступила нечестно, дав ему какую-то надежду. Она, еще утром возмущавшаяся тем, как цинично ее использовали, и отбросили за ненадобностью, сейчас вела себя точно так же. Она чувствовала себя ужасно.

Конечно же Костик все понимал. Это сквозило в том, как он протянул ей шлем, и как молча ждал, пока она наденет его и сядет, обхватив его за талию.

— Куда? — спросил он через плечо.

— Оленьи Ручьи, — ответила Шура.

— Куда?! — он даже обернулся к ней, посмотрев, наконец, в глаза.

— Оленьи Ручьи, — повторила она твердо.

— С ума сошла, — сказал Костик, заводя скутер.

Костик медленно вырулил из двора и набрал скорость на дороге. Так поздно ночью город уже спал. Они мчались мимо чернильно-черных домов, провожающих их слепыми взглядами темных окон. Здесь, на окраине, не было магазинов, чьи яркие вывески разбавили бы мрак ночи. Небо, затянутое тяжелыми тучами, низко нависло над

головой, и только скутер освещал мокрую, блестящую дорогу. Шуре казалось, она попала в другой, умирающий мир, живущий по иным, не ведомым ей законам.

Выехав за пределы горда, Костик еще прибавил скорости, и Шура была благодарна ему за это. Она чувствовала, что надо спешить, что времени остается все меньше. Они скоро миновали пригород с его деревянными домишками и лоскутьями огородов, дорога нырнула в лес. Мимо понеслась сплошная стена деревьев. Тугая струя ветра била в лицо, заставляя щуриться даже несмотря на непроницаемое забрало шлема. Шура бездумно следила мелькание стволов, не пытаясь понять, куда она едет, ради чего и зачем. Даже страх отступил, оставив спокойную решимость дойти до конца.

Перевала «Чертово Седло» они достигли часа через два. Пансионат «Оленьи Ручьи» располагался прямо за ним. Шура хлопнула Константина по плечу, попросив сбросить скорость, не доезжая до КПП. Они поехали медленнее, и Шура лихорадочно пыталась придумать, что ей сказать охране. Другого пути на территорию она даже не представляла. Шура очень хорошо помнила высокий забор, тянущийся от ворот в обе стороны.

Константин затормозил, не доехав до ворот сотни метров.

Не заглушая мотора, он стоял, всматриваясь вперед, и Шура ничего не могла разглядеть из-за его широкой спины.

— Что там? — спросила она шепотом, потеряв, наконец, терпение.

— Поехали домой? — вопросом на вопрос ответил Костик, и в его голосе ясно читалась тревога.

— Да что там?! — она ударила его кулачком в спину.

— Сама сейчас увидишь, — он медленно повел скутер к воротам.

Свет фары выхватил из темноты валяющуюся на земле, выбитую с петель и отброшенную прочь створу ворот. Вторая, полусорванная, была страшно покорежена взрывом. У разбитого шлагбаума тлела, стелясь сизым дымком над дорогой, трава. На посту охраны не было ни души. Константин снова остановился перед самым шлагбаумом.

— Поехали домой? — опять спросил он.

— Езжай, — Шура соскочила с седла, стянула шлем с головы. — Костик, правда, езжай, миленький. Я не хочу втягивать тебя в это. Ты и так мне ужасно, ужасно помог. Дальше я сама.

— Дура, — спокойно ответил Костик. — Надевай шлем, садись обратно. Я никуда не поеду без тебя. — Она отпрянула испуганно, будто он мог схватить ее в охапку, перебросить через седло и умчать назад в город. — Господи, — повторил Костик, — какая же ты дура. Садись обратно! — прикрикнул он. — Я остаюсь здесь с тобой.

Ей стало ужасно неловко и стыдно. Она заправила за ухо выбившуюся прядь и пробормотала, надевая шлем:

— Извини.

Когда она снова садилась в седло, издалека послышался сухой треск автоматных выстрелов. Костик резко обернулся к ней, но промолчал, увидев ее глаза. А она достала телефон из кармана курточки и набрала ноль один.

— Алло? Пожарная? Пансионат «Оленьи ручьи». Взрыв и возгорание. Приезжайте скорее. — Она сбросила звонок раньше, чем ей успели хоть что-то ответить. Набрала следующий номер. — Алло? Милиция? Пансионат «Оленьи ручьи». Здесь взрывы и возгорание. Пожарных уже вызвали. Приезжайте скорее. — И она снова отключилась.

— Как хоть его зовут? — спросил Костик, глядя на нее с тоскою.

— Его зовут Дио, — ответила Шура.

Глава 24

Если в команду стервятников Скал отбирал людей, обладавших значительной силой и отличавшихся скоростью реакции, то от охотника требовалось нечто большее. Безграничное терпение, умение выждать момент и воспользоваться им. Многие пробовали охотиться на лековых тварей, но далеко не каждому хватало выдержки и нервов.

Дио умел ждать.

Борис и Флегонт еще долго беседовали о лабиринте, о генераторе, способном заряжать артефакты, о том, какие возможности открывает перед схарматами умение Тесака пересаживать людям органы тварей, не используя при этом ни капли магии. Лек жестоко ошибся в своем ученике, назвав его бездарностью и выгнав вон потому, что Тесаку не давалась магия Слова... Они угомонились лишь заполночь и ушли, погасив свет и оставив Дио лежать в переплетении проводов и неярком свете приборов. Он лежал, следя течение времени и чутко прислушиваясь к себе. Его состояние оставалось стабильно тяжелым. Больше не было внезапных приступов, вспышек боли до потери сознания. Но боль не покидала его, и он уже привык к ней. Она притупилась со временем, став его неотъемлемой частью. Мысли помогали забыть о ней окончательно. Он размышлял о людях, плативших его. Борис был слишком беспечен, чересчур уверен в себе. Он не привык жить с постоянным ощущением опасности и не привык проигрывать. Его мир был намного стабильнее того мира, в котором жил Дио. В этом заключалась слабость Бориса. Он допустил уже раз ошибку, когда решил поговорить с Дио вместо того, чтоб сразу обезвредить его. И Дио не сомневался, он допустит ее еще раз.

Флегонт, напротив, боялся всего, и это тоже была его слабость. Что бы ни говорил схармат, он все еще боялся Дио. Флегонт ни разу не подошел к нему, предпочитая держаться на расстоянии. Этот страх угнездился так глубоко, что никакой разум не в силах был вытравить его. Флегонт слишком хорошо знал: Дио опасен, Губитель он или нет. Стоило этим воспользоваться.

Первоначальное намерение Дио, попытаться вызвать сдвиг, уничтожив все это место целиком, уже не казалось ему правильным.

Слишком многие люди могли безвинно пострадать в результате. Он не хотел этих жертв, хотя чувствовал, что теперь, когда он вспомнил, кто он такой на самом деле, и как пришли к нему эти способности, он мог бы повторить подобное уже сознательно. Стоило лишь захотеть этого всем своим существом и приложить некоторые усилия. Однако возможные последствия пугали его самого. Он слишком хорошо представлял, какое мощное оружие вложено в его руки, и как бережно нужно с ним обращаться. Он предпочел бы не использовать его вовсе.

Следовало убить Флегонта и Бориса. Этого было достаточно. Один угрожал ему самому, другой вполне мог навредить Шуре. С ними он вполне бы справился и голыми руками. После этого Дио смог бы спокойно отправиться домой, чтоб разобраться со всем на месте. Он смирился уже с тем, что не сможет жить здесь, в этом мире. Все время таскать на себе звезду хаоса было выше его сил. Она давала энергию для работы его сердца, но опустошала разум и вымораживала душу. Только лишившись ее Дио понял, как давила на грудь эта ледяная звезда, как цепенели все его мысли и чувства. Как просыпалось все худшее в нем. Он не был уверен, что захочет надеть ее вновь. Ему казалось уже, что они никогда не поступил бы так с Шурой, не виси у него на груди проклятый амулет хаоситов. Утешало одно: Шура останется здесь, в безопасности. Он все равно не смог бы прижиться здесь. Слишком велика казалась пропасть. Но зато теперь, побывав на Терре, Дио знал, к чему ему нужно стремиться. Он вернется в Город, предотвратит нависшую над ним угрозу и попытается сделать его пригодным для жизни. Для нормальной жизни. Может быть, у него даже что-то получится.

Так, в раздумьях, незаметно тянулось время. Когда по внутренним часам Дио, всегда отмерявшим ход времени точнее, чем любые приборы, наступил третий час ночи, он услышал отдаленный взрыв. После затрещали сухо автоматные очереди. Дио понял, что дождался своего момента, и теперь оставалось лишь с умом им воспользоваться. Он вслушивался в затихшую темноту ночи, гадая, что происходит снаружи? Хотелось верить, что Шура — уже в безопасности, а цитадель хаоситов штурмует тот самый Орден Равновесия, против которого выступали слуги Великого Схарма. Враг твоего врага — твой друг? В родном мире Дио, где каждый был врагом каждому, это бы не сработало, но может быть сработает здесь?

Дио ждал.

Он знал, если схарматам угрожает реальная опасность, за ним придут. Он представлял для них слишком большую ценность. Он все еще оставался ключом к их Великому, томящемуся в своем бесконечном заточении, Схарму. И когда от входа раздался сигнал электронного замка, Дио был готов.

Борис спешил. Он скорым шагом вошел в лабораторию, даже не включив света. В полумраке метнулся к работающим приборам, проверил что-то. Его движения утратили вальяжную мягкость и округлость. Стали угловатей, быстрее и жестче. Полуприкрыв веки, Дио следил, как схармат мечется от стола к столу, рассовывая по карманам какую-то мелочевку, перебирая немногочисленные бумаги, щелкая клавишами клавиатур и глядя на экраны мониторов. Несмотря на явную спешку, Борис провозился не меньше десяти минут, и лишь закончив со всем этим, подошел к Дио.

Тот не стал притворяться, будто спит. Он понял уже, приборы фиксируют его состояние, и обмануть схармата не удастся. Поэтому, когда схармат пристально посмотрел в лицо Дио, тот ответил ему таким же пристальным взглядом.

— Не стоило отпускать твою девку, — сказал Борис. — Ну, да нам известно, где ее искать.

Борис принялся спешно снимать датчики с груди Дио.

— Ну что, дружочек, — пробормотал он, перегибаясь через Дио, чтобы выключить стоящий рядом прибор, — пришло тебе время показать себя.

«Да», подумал Дио, хватая Бориса за галстук и резко дергая вниз. Схармат захрипел. Руки его завозили по кушетке, пытаясь найти опору. Дио сильней потянул узкую шелковую ленту, наматывая её на кулак, и ребром другой ладони рубанул Бориса по горлу. Последним усилием оттолкнув грузную тушу на пол, Дио откинулся на кушетке, тяжело дыша и пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Упади Борис на него, он придавил бы его насмерть. Кровь шумела в ушах, перед глазами плыли цветные пятна. Во рту ощущался мерзкий железистый привкус. Повернув голову, Дио посмотрел за край кушетки, на пол. Там валялся в отключке придушенный схармат. Дио перекатился через край и всем своим весом рухнул на него сверху.

Борис заорал, очнувшись, и Дио ударил его ладонями по ушам, снова заставляя отключиться. «Хорошо бы я сломал ему что-нибудь», думал Дио, лежа на Борисе и копя силы для нового рывка. Ему казалось, что каждый следующий дается легче и легче. Наконец, он перекатился на пол, и, приподнявшись на локте, принялся обшаривать тело. Похлопал по карманам, пробежался пальцами по ремню. Пистолет нашелся в кобуре на поясе. Дио вынул его. Пошатываясь и опираясь сначала о тело, потом — о кушетку, встал на ноги. Проверил магазин, передернул затвор, догнав патрон в патронник и выстрелил трижды в грудь схармата. Тот дернулся и затих.

Дио постоял еще чуть-чуть, собираясь с силами, а потом оттолкнулся от кушетки и на неверных ногах пошел к выходу. Сердце бухало где-то под горлом, грозя выскочить наружу, его шатало, кровавая пелена застилала взгляд. Он едва видел на два шага перед собой, периферийное зрение не работало вовсе. Мир схлопнулся в узкий кровавый тоннель, и Дио шел, и шел, и шел по нему, пытаясь выбраться наружу. Ему повезло никого не встретить. Где-то вдалеке вновь гремели взрывы и трещали автоматные очереди, и Дио шел туда, ориентируясь больше на слух, и не полагаясь на зрение.

Когда он вышел из душного бункера в сырой, холодный осенний воздух, ему стало легче. Прояснилось в глазах, он смог, наконец, вздохнуть полной грудью. Привалившись к бетонной опоре, Дио дышал и не мог надышаться терпким запахом прелых листьев. От этого запаха слегка кружилась голова, и ровнее билось сердце. Когда дыхание выровнялось окончательно, Дио медленно пошел дальше. Он представлял себе, где находится — его прогулка по территории базы не была напрасной. Стреляли где-то у главного корпуса. В той же стороне неярко горел огонь и белыми клубами поднимался густой дым. Чтоб не маячить перед камерами и сократить путь, Дио свернул с асфальтированной дороги на едва заметную тропинку меж деревьями. Пока шел, не тратя лишних сил на спешку, прикидывал архитектуру здания, его возможную оборону и линии, по которым удобнее было атаковать. Звуки выстрелов подсказывали ему примерное расположение бойцов, и он вполне представлял себе картину боя. Это помогло принять решение. Свернув чуть в сторону, Дио направился к служебному входу. Дверь вела в помещения цокольного этажа. Над

входом горел ровным светом фонарь. Дио дернул ручку. Дверь была заперта на ночь.

— Губитель! — прошептал Дио, оглядывая глухую стену без единого окна, высокий фундамент и балкон первого этажа, полукольцом опоясывающий все здание. Тот располагался слишком высоко. В любое другое время эта пара метров не показалась бы ему серьезным препятствием, но сейчас он был не в том состоянии, чтобы лазать по стенам и деревьям.

Дио шагнул еще и еще назад, окидывая взглядом обозримое пространство и не находя выхода из тупика. Потом он вспомнил об оружии в своих руках. Он слабо представлял себе возможности пистолета — слишком редко приходилось видеть его в действии. Когда банда находила огнестрельное оружие, она перепродавала его торговцам с флаговых рынков. В Городе оно слишком быстро выходило из строя и слишком часто сбоило, чтобы считаться надежным. Боеприпасы к нему заканчивались моментально, и неоткуда было достать новых. И хотя Дио знал устройство и принцип действия основных видов огнестрельного оружия, это были скорее теоретические знания. Дио поднял руку, целясь.

Пистолет оказался тяжелым и в ладони, вспоротой кожаным ремнем во время схватки с волком и еще только начавшей подживать, ходил ходуном. Дио переложил его в другую руку, но когда он выстрелил, целя в замок, пуля ушла далеко в сторону, а отдача дернула ладонь так, что он едва не выронил пистолет. Пришло понимание: стрелять себе под ноги, в безвольное тело — совсем не то же, что стрелять в находящуюся на расстоянии цель. Закусив губы, сощурившись и сосредоточившись, Дио взял пистолет обеими руками и поднял его на уровень глаз. Стоило труда зафиксировать его неподвижно, и когда это, наконец, удалось, Дио плавно нажал на спусковой крючок. Пуля ударила в стену рядом, выбив кусок штукатурки и проделав дыру в кирпиче.

Дио выругался: грязно и зло. Время шло. Бой с другой стороны здания становился ожесточеннее, и, судя по звукам, нападающие сдавали позиции, а он стоял тут и ничего не мог сделать. Кровь сильнее зашумела в ушах,Дио почувствовал, как вздулась у виска тонкая синяя жилка. Он слышал каждый ее удар: «тук-тук-тук-тук». К

непрекращающейся боли в груди добавилась другая боль. Будто кто-то всаживал раскаленную иглу в его мозг.

«Нет», сказал себе Дио, пытаясь успокоиться. Злость, всегда выступавшая его союзником, сейчас собиралась его добить. «Нет», повторил Дио, очищая разум от лишних эмоций. «Я спокоен», — сказал он себе, делая глубокий вдох и обеими руками поднимая оружие на уровень груди. На выдохе он нажал на спусковой крючок, уже зная, что его выстрел попадет точно в цель. Звук выстрела слился с металлическим грохотом, а потом дверь медленно приотворилась, как бы приглашая входить.

Дио воспользовался приглашением. Он спустился по короткой лесенке вниз, прошел длинным темным коридором и, с трудом преодолевая ступеньки, поднялся в вестибюль первого этажа. Замер в тени, пытаясь отдышаться и оценить ситуацию. Сквозь панорамное окно он видел пятерых бойцов в бронежилетах. Укрываясь за бетонным парапетом просторного крыльца центрального входа, они короткими очередями стреляли куда-то вниз, в сторону кольцевого разворота и главной аллеи. Дио еще раз сосчитал взглядом бойцов, сжал пистолет двумя руками и точно так же, не думая ни о чем и ничего не чувствуя, выстрелил пять раз подряд, переводя ствол с цели на цель. Сыпались, звеня, последние уцелевшие стекла. Четверо опрокинулись на спину, затихнув. Пятый развернулся, и автоматная очередь прошила темную комнату вестибюля от края до края. Дио поднял пистолет и выстрелил еще раз, целя в лицо. Грудь бойца защищал бронежилет.

Он снова промазал. Пуля вошла в стену рядом. Куски облицовочного камня брызнули в стороны, человек дернулся инстинктивно, и глубокие порезы иссекли его щеку. Он закричал, выпустив автомат из рук, закрыв ладонями рваную рану, а Дио опустил оружие и рухнул на ступеньку. Ему вновь стало хуже. Душный сумрак закрытого пространства давил на грудь, воздух казался вязким как кисель. Сил подняться и выбраться наружу уже не осталось.

Костик медленно вел скутер по центральной аллее, придерживаясь обочины и глубокой тени, отбрасываемой деревьями. Фонари вдоль дороги не горели. Судя по мраку, царившему на всей территории пансионата, кто-то полностью обесточил «Оленьи Ручьи». Шура и без того плохо помнила эту дорогу. Она шла по ней всего один

раз, и тогда ей было не до красот пейзажа. Дио шел рядом, выговаривая ей после целого утра молчания. Воспоминания об этом все еще приносили боль, хотя обида уже перегорела. Шура шмыгнула носом.

Автоматные очереди затрещали чаще, и Костик остановил скутер, поставив ногу на бордюр. Шура выглянула из-за его спины. Впереди, у главного корпуса что-то ярко горело, клубами поднимался, путаясь в ветвях сосен, сизый дым. Явственно тянуло паленой резиной.

— Ты уверена? — спросил Костик еще раз, глядя на разгорающийся пожар.

Шура и сама поняла уже, что сделала глупость. Самую большую глупость в своей жизни. Там, впереди, шел бой, а в кармане ее курточки лежал баллончик с перцовкой, и она даже не представляла, кто там дрался и с кем, против кого ей использовать свое грозное оружие. Ей стало смешно. Она прыснула, и Костик испуганно обернулся.

— Извини, — прошептала Шура, краснея.

— У тебя истерика, — это была бесстрастная констатация факта.

— Да, наверное. — Шура пожала плечами. Ей было уже все равно. Она зашла уже слишком далеко и не собиралась останавливаться. — Давай уйдем с центральной аллеи куда-нибудь в сторону и попробуем выяснить, что там происходит?

— А скутер? — Костик очень ценил свою железную лошадку. Он искренно верил, случись что, его стальной конь тут же умчит их на край света. Шура читала это в его глазах.

— Спрячем? — спросила она робко.

Шура боялась, что Костик откажет. Но тот молча кивнул. Под скулами ходили желваки, и он не проронил ни слова, пока они затаскивали машину в заросли декоративных кустов у дороги. Обратно они выбрались мокрые с головы до ног. С голых ветвей дождем осыпалась вода. Шура моментально продрогла. Тело начал бить крупный озноб.

— Побежали, — сказал Костик, глядя на девушку. Его зубы тоже выбивали чечетку. — Побежали, так скорей согреемся. Не отставай. — И он сорвался с места.

Костик бежал не быстро, подстраиваясь под девушку, но уже через сотню метров Шура взмокла и запыхалась. Ноги скользили по

жухлой листве, приходилось уворачиваться от низко нависших сосновых лап. Шура не выдержала этого бега с препятствиями. В боку закололо. Но ей действительно стало теплей, и нервы успокоились немного. Она не дрожала уже. Шура пошла скорым шагом, и Костик тоже перешел с бега на шаг. Они шагали перпендикулярно центральной аллее, потихоньку приближаясь к главному корпусу и обходя его сзади, когда там вдруг раздался выстрел, и оба они замерли, как вкопанные. Шура до боли закусила губу. Она надеялась, там будет безопасно. Надеялась незаметно пробраться внутрь и поискать Дио. А там выстрелили еще и еще раз. Каждый выстрел заставлял ее вздрагивать. И в следующую минуту кто-то негромко сказал совсем рядом:

— Идите ко мне, Шурочка. Мне очень вас не хватало.

Шура резко, всем корпусом обернулась. Всего в нескольких шагах от них, под ближайшей сосною стоял Борис. Одежда его была в беспорядке, ворот рубашки порван, галстук бесследно исчез. Его глаза лихорадочно блестели, половину лица покрывали странные темные пятна. Язык быстро облизывал пухлые губы. Он держал в руке пистолет, и его дуло смотрело Костику прямо в грудь.

— Идите ко мне, Шурочка, — повторил он, — и без глупостей. Иначе вашему другу сильно не поздоровится.

Шура кинула взгляд на Костика. Тот стоял, загипнотизированный черным дулом пистолета. Лицо его стало белым как снег.

— Я иду, — сказала Шура, делая шаг к Борису. Она старалась двигаться медленней, не раздражая Бориса. Она страшно, до подгибающихся коленей, боялась. Боялась не за себя. За Костика. Но рука в кармане сама нашла и сжала баллончик с перцовкой.

— Руки, — сказал Борис так же тихо. — Руки из карманов и держать на виду.

Она разжала пальцы и, вынув из карманов, показала раскрытые пустые ладони, все так же медленно шагая ему навстречу. Когда она подошла достаточно близко, Борис рванул ее за одежду к себе, развернув и прижав спиной к груди. Дуло пистолета по-прежнему смотрело на Константина, свободная рука нырнула в карман куртки.

— Сука, — сказал Борис, вынимая баллончик перцовки и бросая его наземь. В следующий момент грянул выстрел. Костик нырнул

неловко, будто натолкнувшись на невидимое препятствие, и рухнул навзничь, не издав и звука.

Шура закричала, и крик ее был страшен. Борис ударил девушку рукоятью пистолета в висок и, подхватив обмякшее девичье тело, перебросил его через плечо. С этою ношей он зашагал по направлению к центральной аллее, где стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Он был вне себя от бешенства и не думал, что делает. Он просто знал, чего хочет, и шел к этому наикратчайшим путем.

Глава 25

Дио сидел на ступеньке, прислонившись воспаленным лбом к прохладным перилам, пытаясь не отключиться и уж тем более не умереть, и думал о том, куда подевался Флегонт со своею проклятою колбой. Наверняка где-то спрятался, забился, как крыса в нору, и будет стоить труда выкурить его оттуда. Но Дио знал, что не сможет спать спокойно, пока его сердце — его настоящее сердце — находится в руках у схарматов. Чтоб хоть как-то отвлечься от боли, зацепиться угасающим сознанием за реальность, он проверил магазин пистолета. Снова передернул затвор, попытался подняться, хватаясь за перила.

У него больше не было сил.

От крыльца донесся неясный шум. Дио посмотрел туда. Человек в штурмовом шлеме и броне медленно поднимался по ступенькам, поводя из стороны в сторону стволом автомата. Увидев раненного, он взял его на прицел и держал так, пока не отпихнул в сторону валявшееся тут же оружие. Сделав это, он пошел дальше, оставив раненного стонать, уткнувшись лицом в колени. На крыльце показался второй боец, шедший так же медленно и осторожно. За ним появился третий. Они разошлись веером, так, чтоб контролировать возможно большее пространство. Один шел прямо к нему. Дио сидел, не шевелясь. Враг моего врага мой друг? Он очень надеялся, что в этом мире дело обстоит именно так.

Боец не сразу заметил его. Заметив, замер на секунду. Затем снова тронулся вперед. Движения его стали еще выверенней и осторожнее. Когда человек подошел настолько близко, что Дио смог уже различить глаза за прозрачным забралом шлема, тот поднял руку к уху и произнес громко и отчетливо:

— Виктор. Здесь твой «парень с невозможным сердцем». И что-то ему хреново.

Сказав это, боец опустился на колени рядом.

— Тебя зовут Дио? — спросил он.

Дио прикрыл на секунду веки, надеясь, что его поймут. Говорить он не мог.

— Потерпи, помощь уже на подходе, — человек похлопал его по плечу. Затем попытался разжать его пальцы, вынуть из них оружие.

Дио качнул головой, крепче стиснув пистолет. Флегонт. Он ни на минуту не забывал о схармате. Он должен был убить его, иначе все это не имело смысла.

— Ну, как знаешь, — человек убрал руку, отчаявшись сладить с намертво стиснутой ладонью.

— Где он?

Боец обернулся, чуть сдвинувшись в сторону, и Дио увидел еще двоих. Без брони, но тоже с оружием в руках. Мужчина и маленькая женщина с копной пышных, мелко-вьющихся волос. Она отдала автомат своему спутнику и подбежала, присела рядом. Её смуглые пальцы прошлись по розовым узлам шрама на груди Дио. Потом она положила ладонь ему на лоб, заставив того посмотреть ей прямо в глаза.

— Ничего не могу сделать, — выдохнула она. — Его сердце питает хаос и магия Слова. Наши артефакты здесь бессильны. Его надо на свежий воздух.

— Забери у него пистолет, — тихо попросил первый мужчина.

— Не отдаст, — женщина отняла руку ото лба, поднялась с колен. — Виктор, — сказала она второму мужчине и шагнула в сторону, пропуская.

Эти двое подхватили Дио подмышки и, поставив его на ноги, повели к выходу. Дио шел, едва переступая ногами. Его вывели на крыльцо и посадили на ступеньки там. Дио откинулся на спину, пытаясь отдышаться. Мешала вонь и гарь разгорающегося рядом пожара. Небо серело в преддверии приближающегося рассвета. Сизые клубы дыма кружились над головой, и Дио чувствовал себя еще хуже. Его мутило.

— У кого-нибудь есть аптечка? — спросила женщина, растирая ему виски прохладными, тонкими пальцами.

— Вот, — сказал другой человек, занимавшийся тут же раненым, и подвинул ближе небольшой металлический бокс.

Подсвечивая себе карманным фонариком, женщина быстро просмотрела содержимое ящика. Вынула пару таблеток и склянку. Открыв колпачок, сунула под нос Дио. Тот отшатнулся. Отвратительный запах ударил в ноздри, разом прочистив мозги. Дио

закашлялся, завертел головой, уворачиваясь от склянки. Женщина закрыла колпачок.

— На, — сказала она, подавая ему сразу две таблетки. — Выпей обе. Это должно помочь на время.

Дио закинул их прямо в глотку, запил водой из фляги, которую ему протянул первый мужчина. Ему уже стало намного лучше. Дурно пахнущая склянка сделала свое дело, вернув ему ясность сознания. Дио глотнул из фляги еще, чтоб смочить пересушенное горло, и, возвращая ее, спросил:

— Орден Равновесия?

— Да, — ответил мужчина.

— Где Шура?

Ему ответил тот, которого женщина назвала Виктором:

— В безопасности.

Дио прикрыл глаза, отпуская от себя тревогу. Стало легче дышать и сердце забилось ровнее, едва он услышал эту добрую весть. Губ коснулась слабая улыбка.

— Не совсем, — поправил Виктора голос, раздавшийся от центральной аллеи, и люди, сидевшие рядом с Дио, поднялись расступаясь.

Дио распахнул глаза.

У кольцевого поворота, закрываясь, как щитом, едва держащейся на ногах Шурой, стоял Борис. Дио вскочил. Он сам не знал, откуда взялись у него вдруг силы, но он не помнил больше о том, как страшно, надсадно и остро болит сердце, не чувствовал затрудненного дыхания и подступающей тошноты. Шура. Это было все, о чем он способен был думать.

Мужчина в штурмовой броне поднял автомат, но тот, которого звали Виктор, остановил его:

— Веня, нет. Он убьет девушку.

Тот нехотя опустил оружие.

— Разумно, — в голосе Бориса звучало удовлетворение. — Всем бросить оружие! Ты тоже, бросай пистолет!

Дио опустил взгляд. Не лучший стрелок, он только что дважды промазал, стреляя с гораздо меньшего расстояния, почти в упор. И он не мог рисковать жизнью Шуры, хотя прекрасно понимал, та будет в полной безопасности, только когда Борис будет мертв. Урок,

усвоенный на арене, был слишком жесток, но вполне нагляден. Схарматы не знали честной игры и меняли правила так, как им было удобно. Дио медленно присел, опустив пистолет на ступени, и так же медленно поднялся. Рядом с ним точно так же разоружались бойцы штурмовой группы. Дио смотрел на Шуру. В глазах ее не было страха. Только боль. Эта боль ранила Дио, будто была его собственной. Сердце мучительно сжалось. Дио сделал шаг вниз по ступеням.

— Стоять! — Борис попятился, увлекая девушку за собой. Рука с пистолетом вынырнула из-за ее спины, и черное дуло смотрело теперь прямо на Дио. Дио замер послушно, тихо радуясь невольной удаче. — Стоять, — повторил Борис. Взгляд его бегал с одного на другого. Потом он снова посмотрел на Дио. — В следующий раз, дружочек, стреляй в голову, если уж хочешь кого-то убить, — в голосе его звучала насмешка. Дио молча кивнул. Он уже прочувствовал свою ошибку в полной мере. — Где Флегонт? — Взгляд схармата вновь заметался.

— Не знаю, — Ответил Дио. — Вы ушли, и я его больше не видел.

— Здесь! Здесь! — сдавленный крик схармата раздался из темной глубины вестибюля. — Я здесь, — причитал Флегонт, пробираясь к выходу.

Дио даже не обернулся посмотреть. Он не спускал глаз с Бориса и Шуры. Девушка пришла немного в себя. Она уже тверже стояла на ногах, не падая на хаосита всем своим весом, но боль в ее взгляде никуда не ушла, став лишь сильнее и глубже. «Что случилось?», спрашивал себя Дио. «Что успело случиться с ней?». Он узнал эту боль. Он уже видел такие глаза у Тары. Он сам испытывал нечто подобное, потеряв единственного близкого ему человека. И боль Шуры отзывалась в нем эхом этой забытой уже боли.

— Флегонт! Выбросьте вы уже эту банку, раз все равно не можете пользоваться ей! — Голос Бориса звенел от ярости. — Почему вы не сделали ничего до сих пор?

— Он боится, — ответил Дио с полуулыбкой, затылком видя, как трясущийся от страха схармат пробирается между живыми и мертвыми, стараясь держаться подальше от каждого и прижимая к груди колбу с бьющимся сердцем.

Глаза Шуры распахнулись шире, и Дио понял, что она увидела его настоящее, живое сердце. Понял, что Флегонт подошел достаточно близко. На минуту Дио отвел от нее взгляд. Повернулся, и, глядя Флегонту прямо в глаза, произнес, улыбаясь все так же:

— Он знает, что я — Губитель. Очень страшно выступать против таких могущественных сил.

Флегонт отшатнулся, запнувшись о ступеньку и чуть не упав. Безграничный ужас читался в его взгляде, прикованном к лицу Дио. Тот улыбнулся шире, и Флегонт, не выпуская из рук колбы с сердцем, сбежал вниз по ступеням, стремясь оказаться подальше от того, кто внушал ему такой страх. Дио вновь перевел взгляд на Шуру. Та больше не смотрела на него. Как завороженная, она смотрела на сердце, бьющееся в колбе, на дергающийся с каждым ударом арбалетный болт. Дио стало так больно, как не было еще до сих пор.

— Смотри на меня! — крикнул Борис. — Еще успеешь налюбоваться своею кралей. — Дио послушно взглянул в глаза схармата. — Сейчас ты вызовешь сдвиг, перенесешь нас всех на Аррет. Мне осточертел мир без капли магии. Я хочу почувствовать хоть толику былой мощи. Ты сумеешь это сделать, дружочек, я знаю. Иначе я убью твою девку.

Дио смотрел, понимая: Борис убьет Шуру в любом случае. Он привел ее сюда, чтобы убить, и сделает это, как только Шура исполнит свою роль рычага, которым можно управлять Дио, давить на него, заставляя подчиняться приказам. Схармат был одержим этой мыслью. Дио читал в его глазах предвкушение скорой расправы так же ясно, как боль потери в глазах Шуры и ужас смерти в глазах Флегонта. Борис хотел реванша. Он не умел проигрывать и не мог простить Дио своего поражения. Все остальное для него было не так уж важно.

— Я сделаю это, — ответил Дио. — Обещай, что отпустишь девушку, и я сделаю это.

— Обещаю, — на губах схармата заиграла улыбка.

«Лжец», подумал Дио, глядя, как начинает дрожать и подпрыгивать мелкая крошка иссеченного выстрелами камня на ступенях крыльца. Сделать это сейчас было действительно просто. Огромное желание и воля. У Дио достало бы и того, и другого, чтобы сдвинуть весь мир, не говоря уж о маленьком горном поселке. Лишь бы Шура была в безопасности.

— Дио, нет! — черноволосая женщина качнулась к нему, и пуля тотчас ударила ей под ноги.

— Всем стоять! — Борис кричал, пытаясь перекрыть стон содрогающейся земли. — Убью следующего, кто попробует ему помешать!

Женщина замерла послушно, но Дио слышал ее громкий шепот за спиной. Она говорила что-то быстро на чужом, незнакомом языке, и Дио молил Губителя помочь ему закончить все раньше, чем она сумеет остановить его. Стоять на лестнице становилось все сложнее. Ступени ходили ходуном. Кто-то оперся о парапет, боясь упасть и покатиться вниз. Затрещали, не выдерживавшие напряжения, перекрытия, а потом крыша здания с грохотом провалилась внутрь. Там, где горело что-то, взметнулся к небу новый столп пламени и загудел, расползаясь шире, огонь. Земля дрожала. Казалось, деревья подпрыгивают на месте, а дорога колышется студнем. Флегонт упал на колени. Его дикий, животный вой вплетался в вой ветра.

Дио не видел ничего. Он смотрел только на Шуру. Распахнув глаза от ужаса, она глядела ему за спину, туда, где рушилось, схлопываясь внутрь, здание главного корпуса, где, гудя, горел лес и пристройки. Где, закручиваясь спиралью, стремительно неслись тучи, и взблески молний сверкали из самого сердца циклона.

«Посмотри на меня!», мысленно кричал Дио, «Посмотри на меня!». Он не мог отпустить ее, не увидев еще раз глаз. И она услышала его немой призыв. Когда девушка взглянула на Дио, мир схлопнулся черной воронкой. Вихрь пронесся по кронам деревьев, пригибая их к самой земле. Ветер ударил в лицо наотмашь. Голова Дио дернулась, он невольно зажмурился.

Открыв глаза, он увидел Бориса. Тот стоял, распахнув удивленно руки и глядя в пространство перед собой. Шура исчезла. Пропала, как будто ее и не было. Пропала вместе с половиной лечебно-профилактического комплекса «Оленьи Ручьи».

Будто сметенная тайфуном, база была пуста. Антрацитовой грудой в сером сумраке утра темнели обломки нескольких зданий. Все так же полыхал за спиною лес, бросая кругом ярко-алые отсветы огня. А из клубящихся туч стремительно спускались на землю, пришпоривая горячих коней, яростные всадники Дикой Охоты. Закусив удила, неслись скакуны, и клочья облачной пены падали с

крутобоких коней. Седой одноглазый воин на великолепном восьминогом скакуне несся, вырвавшись вперед на пол корпуса. Конь его светился чисто-белым светом точно так, как Великий Орлангур во сне Дио сиял чисто-золотым.

— Торбьорн! — громоподобно взревел воин, мчавшийся к земле в свете молний, и лицо Бориса исказила гримаса ужаса. Он обернулся, уставившись на мчащихся к нему всадников. Вскинул руку с оружием, давя на спусковой крючок. Прогремело пять выстрелов, и в ответ им прогремел голос небесного всадника. — Наконец-то мы снова встретились! — В громовых раскатах звучало торжество. Одноглазый воин рванул рукоять, вынимая из ножен черный, как ночь меч, и вспоров пелену облаков, опустился клинок, надвое разрубая парализованного ужасом схармата.

Флегонт закричал, увидев, как рухнули перед ним две половинки, бывшие еще недавно человеком. Не выпуская из рук колбы с сердцем, хаосит вскочил на ноги и побежал, не разбирая дороги, прочь. Дио присел, подхватив со ступеней отнятый у Бориса пистолет. Не думая ни о чем, он выстрелил дважды: в спину хаосита и в его голову. Он не промазал, несмотря на все разделявшее их расстояние. Флегонт запнулся. Полетел наземь, выпуская из рук стеклянную колбу с сердцем. Дио спокойно смотрел, как падает на асфальт, вдребезги разбиваясь, сосуд. Грудь его разорвала невозможная боль. Он упал на ступеньки, скатился к подножию лестницы, опрокинувшись на спину. Прямо над головой его, кружили, едва не задевая копытами, небесные кони. И единственный уцелевший глаз воина смотрел, заглядывая Дио прямо в душу.

— Кто это? — Пророкотал он. — Я чувствую в нем силы хаоса!

— Дима! — закричала черноволосая женщина, бросаясь к предводителю Дикой Охоты. — Дима Волков! Схарматы сделали с ним это, но он наш! — Она кричала, силясь перекрыть ураганный свист ветра, поднятого небесными всадниками.

— Я заберу его, — ответил воин, дав знак одному из спутников, и Дио почувствовал, как его поднимают с асфальта, перекидывая через луку седла. Земля стремительно понеслась вниз, голова закружилась и дух захватило от невероятной высоты, на которой он очутился внезапно. — Я заберу его и попробую исцелить, чтобы силы его служили сохранению Равновесия в Упорядоченном. Здесь он погибнет.

Земля исчезла, поглощенная сплошною серой пеленой, когда всадники ринулись обратно, в закручивавшуюся спиралью черную воронку посреди сизых, клубящихся туч.

— Губитель? — спросил тот, которого звали Веней, когда Дикая Охота окончательно скрылась из виду в сверкании молний. — Это что еще за разговоры о Губителе?

— Понятия не имею, — устало ответил Виктор. — Но это точно Дима Волков. Просто копия своего отца. Тот был таким же... — он запнулся, подбирая нужное слово, — таким же сложным человеком.

— Что стало с базой? — спросила Маргарет, подходя к мужу и окидывая взглядом опустевшее пространство вокруг. Там, где еще совсем недавно высились здания санатория, теперь виднелись лишь голые проплешины серой земли. Из всех построек на месте остался лишь полуразрушенный главный корпус, да догорающий гараж с техникой.

— Предоставим разбираться с этим милиции и пожарным, — ответил Виктор, вслушиваясь в доносящийся издали вой сирен.

— Скорее! — крикнул Вениамин своим людям. — Собирайте убитых и раненных! Надо срочно убираться отсюда. — И он бросился сам помогать грузить людей в машины.

— Я, кажется, понял, как появились «Оленьи Ручьи» там, на Аррете, — сказал вдруг Виктор, обводя взглядом покалеченный лес.

— Это же было триста лет назад! — воскликнула Маргарет удивленно.

— Вероятно, он очень хотел, чтоб его девушка очутилась как можно дальше отсюда и в полной безопасности. — Виктор с улыбкой посмотрел на жену. — Ради любимого человека сделаешь еще и не такое.

Эпилог

Шел шестой месяц их жизни в «Оленьих Ручьях». Почти пол года понадобилось людям, чтоб понять: привычный мир исчез, и больше не вернется. Тяжелее всего пришлось тем, у кого в Северо-Каменске остались семьи. Но большинство и работали, и жили постоянно на базе. Им, конечно, было гораздо проще. Помогла и приближавшаяся зима. Нужно было налаживать новый быт: без связи, без электричества, без поставок продуктов. Если бы не генератор, найденный в подземном бункере вместе с медицинской лабораторией, им бы пришлось намного, намного хуже. Там они принимали первые в «Оленьих Ручьях» роды. Получавший энергию от тех самых ручьев, по имени которых был назван санаторий, генератор давал достаточно электричества, чтобы вполне удовлетворять их скромные нужды. До наступления холодов они сумели утеплить коттеджи, снабдить их сооруженными тут же, в мастерских, печками-буржуйками, распределить запасы на зиму и даже пополнить их, организовав группы охотников и собирателей. Заповедный, дикий лес, не тронутый рукой человека, был полон зверья. Ложбинки и взгорки щедро делились грибами и ягодой. Сухостоя хватило, чтобы всю зиму топить печи, не заботясь о дровах и угле. У Шуры было достаточно дел, чтобы забыться в них и не думать о постигших ее утратах. Дни пролетали в хлопотах, вечером она засыпала, едва голова ее касалась подушки. Но по ночам ее терзали кошмары, и заново возвращался тот ужас, что ей пришлось пережить. Она старалась спать реже и брала на себя все больше, пытаясь забыться в суете, задавить боль усталостью и апатией.

Как-то незаметно в этих бесконечных хлопотах она стала полноправною хозяйкой «Оленьих Ручьев», и если в первый день, когда она только пыталась объяснить напуганным людям произошедшее, на нее смотрели как на сумасшедшую, то теперь ни одного важного решения не принималось в «Оленьих ручьях» без ее участия. Но Шура чувствовала себя все такою же одинокой.

Зима близилась к концу. Закончились лютые морозы, отмели метели, под сугробами ноздреватого снега чернела сырая, готовящаяся

к пробуждению земля. С оттепелью из «Оленьих Ручьев» ушел первый человек. Отправился на поиски Северо-Каменска. На поиски хоть каких-нибудь людских поселений. И как ни убеждала его Шура, что путь этот безнадежен и ведет в никуда, он все же ушел, ступив с резко обрывающейся, словно ножом обрезанной, асфальтированной дороги на засыпанный снегом склон, уводящий к перевалу «Чертово седло».

Целая группа последовала за ним всего через неделю, и теперь Шура сидела, горестно глядя вслед третьей. Падал, ярко серебрясь на солнце легкий, едва заметный снежок, и Шура чувствовала, как стынут на ресницах слезы. Она сделала все, чтоб «Оленьи Ручьи» стали домом для этих людей, но они все-таки пустились в безнадежный путь, на поиски утраченных семей. Шура знала, они не вернутся больше. Будут скитаться, гонимые тоской, от одного поселения к другому, пока не сгинут где-то без вести. Она могла дать этим людям тепло, кров и пищу, но не могла вернуть их жизни потерянный смысл.

Шура ясно видела: «Оленьи Ручьи» погибнут. Людей и так осталось уже слишком мало, и станет еще меньше, если уйдет еще кто-нибудь. Некому будет следить за домами, некому — пополнять припасы. Медленное угасание и вырождение ждало маленький горный поселок, и Шура не находила в себе сил помешать этому.

— Приветствую тебя, дева Оленьих Ручьев!

Шура вздрогнула, услышав незнакомый голос. Еще никогда они не встречали ни одной живой души в округе. Вскочив, она испуганно оглянулась.

Из-под низко нависшей сосновой лапы вышел, откидывая капюшон с головы, невысокий, бочкообразный человечек с окладистой, посеребренной инеем черной бородой. Ступив на поляну, он низко поклонился девушке, и та ответила ему неуверенным поклоном. Глаза человечка добродушно смеялись, когда он присел на комель поваленного дерева, и вынув из-за пояса меховой парки трубку, принялся раскуривать ее, щелкая самой обыкновенной зажигалкой. Шура вновь опустилась на бревно, глядя на незнакомца с изумлением и недоверием.

— В конце зимы, — начал человечек, раскурив свою трубку и выпустив первое колечко дыма, — ко мне, в Горное Убежище, пришел человек, рассказавший небывалую историю о людях из «Оленьих Ручьев». Признаться, я не поверил ему сперва, но он принес с собой

удивительные инструменты, подобных которым я не видел ранее. — Человечек снова щелкнул зажигалкой, с прищуром глядя на синий язычок пламени, пляшущий в его руке. — И я решил сам собираться в путь, как только снег сойдет с оленьих троп и откроются горные перевалы. Меня зовут Тьефур. Я гном. Подмастерье Хедина, волею судеб заброшенный в этот умирающий мир. Там, в пещерах, — он махнул рукою, указывая куда-то за спину, на склоны гор, — несколько лет назад я основал «Горное убежище», где любой может получить помощь и защиту от сил хаоса, стоит лишь попросить.

— Орден Равновесия, — прошептала Шура, вспомнив прозвучавшее имя. — Хедин и Ракот!

— Да, — ответил гном, взглянув удивленно. — Хедин и Ракот, Новые Боги, Боги Недеяния. Но что такое Орден Равновесия, я не знаю.

— Люди, выступающие против сил хаоса, — ответила Шура.

— Что ж, — гном по-доброму усмехнулся в бороду, — если эти люди называют себя так, значит, я тоже из Ордена Равновесия. О чем же ты печалишься, дева Оленьих Ручьев? Разве это не та цель, что достойна стать смыслом жизни для людей, заброшенных сюда самою судьбою? Вступить в борьбу с силами хаоса? Стать стражами Равновесия и самого Упорядоченного? — Гном как будто бы прочел ее мысли. — Я пришел к тебе просить о помощи, и вижу, я пришел вовремя. Люди не могут жить в пещерах как гномы, и воины Горного Убежища тоскуют об оставленных в долинах семьях. Если б ты согласилась приютить их здесь, у себя... — Гном замолчал, выжидая. Поднимался над трубочкой сизый дымок и кольцами уплывал к ярко-синему небу.

Шура встала, окидывая взглядом свои владения. Добрая половина корпусов санатория пустовала, заколоченная на зиму от непрошеных гостей: барсуков и медведей. Здесь можно было б разместить очень много народу, и тогда поселок бы ожил, а она могла бы снова забыться в череде новых забот.

— Я буду рада видеть здесь воинов Горного Убежища и их семьи, — сказала Шура, оборачиваясь к гному. — Нужно провести собрание, узнать, что скажут другие люди, но, думаю, что и они не будут против.

— Я расскажу им о Новых Богах, Хедине и Ракоте. О хаосе и той угрозе, что он несет Упорядоченному. Мы станем Орденом Равновесия

здесь, на Аррете, — сказал гном, выбивая докуренную трубку о комель — Летящий Сокол, символ Хедина, символ Горного Убежища, станет нашим общим символом, когда мы объединим свои силы. Я научу тебя, — добавил он, поднимаясь, — преодолеть свою боль и побороть страх. Ты пошла неверным путем, путем самозабвения. Этот путь опустошит твою душу, сделает равнодушным сердце. Нельзя забыть прошлое, пытаясь забыть себя. Можно лишь примириться с ним и жить дальше. Посмотри, — гном повел рукою, указывая на пологие склоны старых гор, на шумящие кроны деревьев, колышимых ветром, на бездонное небо, залитое светом весеннего солнца. — Мир прекрасен. Зачем же ты бежишь от него, пытаясь укрыться в череде бесконечных забот? Так и жизнь пройдет мимо, оставив по себе лишь усталость и горечь разочарования.

— Я пыталась, — ответила Шура, делая шаг по дорожке к темнеющим вдалеке корпусам базы. Над крышами поднимался к небу дым очагов. Близилось время обеда. После, когда все соберутся в актовом зале, они смогут все обсудить и принять решение. — Это так сложно, и некому излить душу...

— Ты пыталась? — гном пошел рядом, не отставая. — Ой ли? Ты больше выслушивала других, чем сама делилась своими бедами. Кто знает все, что случилось с тобой? Кому ты рассказала обо всем без утайки? Понять людей — большое искусство, но еще большее искусство — довериться им...

Они неспешно шли по очищенной от снега асфальтированной дороге, мимо высоких почерневших сугробов, беседуя о людях и жизни. Это было начало большого совместного пути и большой дружбы. Но только один из них знал это наверняка и усмехался, с добрым прищуром глядя на шагавшую рядом девушку.

Звенели под горой Оленьи Ручьи, вбирая в себя по капле растапливаемый жарким весенним солнцем снег. Поднимался над студеною водой пар и, задевая ветвистыми рогами ветви деревьев, сбрасывая с них сугробики смерзшегося снега, спускался к водопою красавец-олень. Влажные ноздри чуткого носа пробовали напоенный ароматами прелой земли воздух, и уши прядали, слыша первые трели певчих птиц, блестели большие, выпуклые глаза в обрамлении темных ресниц.

Жизнь возвращалась в умирающий мир, даря надежду на лучшее будущее.

Наступала весна.

Лето-осень 2012

С благодарностью за помощь, поддержку и терпение МК Ника Перумова, его участникам и его Мастеру, Николаю Даниловичу.

ВОЙНА МАРТА - ГЛАВЫ КАЖДЫЙ ДЕНЬ

https://author.today/work/457